

ПО СЛЕДАМ МИНУВШЕГО

Г. РОДИН

По следам минувшего

**ПРИОКСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТУЛА — 1968**

9 (с) 27
Р 60

*Литературная запись
журналиста В. С. Минакова*

Художник В. С. Матвеев

Глава первая

БОЛОТОВО

Август. Чистое небо. Пышная зелень деревьев. Флаги. Красочные транспаранты. Панно. Портреты руководителей партии и правительства, видных советских военачальников. Мой родной Орел — в праздничном убранстве. Сквер танкистов и прилегающие к нему улицы заполнили тысячи людей. Они пришли, чтобы почтить память воинов, отдавших свои жизни за освобождение города первого салюта.

Среди цветных платьев и штатских костюмов заметно выделяются парадные мундиры военных. Я вижу заместителя Министра Обороны СССР Маршала Советского Союза И. Х. Баграмяна, бывшего командующего 4-й танковой армией генерала В. М. Баданова, бывшего командующего 3-й армией, освобождавшей город Орел, генерала А. В. Горбатова, бывшего заместителя начальника штаба партизанского движения Орловской области генерала А. П. Горшкова. Здесь же Герои Советского Союза Г. Салихов, Ф. Кравченко, С. Барков, Е. Мандрыкин, В. Крупский, в жестоких боях с фашистами покрывшие себя неувядаемой славой.

Призывно поют трубы. Начинается короткий митинг. После него Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян зажигает огонь вечной славы. Голубоватое пламя трепещет в мраморной чаше. Вновь поют трубы. Нескончаемый людской поток идет к постаменту, на вершине которого установлен танк. Венки все выше и выше. Вот они уже скрыли памятник. Только алое полотнище Красного знамени полощется на ветру...

— Дядя генерал! — трогает меня за рукав загоре-

лый парнишка в пионерской форме. На груди у него — фотоаппарат, в руках небольшой альбом. — Можно автограф?

— Какой автограф? Для чего? — спрашиваю его.

— Вашу подпись в альбом, — поясняет он, сохраняя невозможно серьезным свое круглое лицо, и с гордостью добавляет: — Я из отряда красных следопытов. Мне дано задание сделать альбом фотографий с памятниками. Под фотографиями должны стоять подписи участников войны с фашизмом.

Он стоит перед моими глазами по сей день, этот энергичный пионер-следопыт, живое олицетворение счастья советской детворы, счастья, за которое заплачено дорогой ценой. У людей моего поколения детство было не таким.

Я родился в небольшой соломенной деревеньке Болотово Баклановской волости, в пятнадцати километрах западнее Орла. В этой же деревне родился и вырос мой отец Семен Афанасьевич. Семнадцати лет волею родных он был женат на семнадцатилетней Анисье Щербаковой, которая тоже не осмелилась ослушаться родных.

У моего отца было три брата. Вскоре четыре невестки оказались под одной крышей. Что это значило в ту пору, вряд ли надо много объяснять. Теснота в доме, постоянные перебранки и упреки, беспросветная нужда — все это накаляло страсти, создавало прямо-таки враждебную атмосферу не только в отношениях между невестками, но и родными братьями. В итоге произошел раздел.

Отец получил маленький клочок земли и ценой невероятных усилий построил собственную хатенку размером шесть аршин на шесть, с земляным полом и печкой «по-черному», то есть без трубы. Такое «хозяйство» никак не обеспечивало семью, и он, бросив за плечо топор, пошел плотничать по найму. А мать, женщина работающая и чрезвычайно заботливая, стала поденщицей у помещика. Обремененная детьми (я был у нее по счету десятым ребенком, было еще четверо и после меня), она имела постоянную работу только в летнее время. Впрочем, и для отца работа находилась тоже только летом. Зимой он ходил по домам и шил шубы, свитки, поддевки, чуйки. И плотничать, и портняжить отец научился самостоятельно благодаря большому

трудолюбию и природной крестьянской смекалке. Но зарабатывал он очень мало: 10—12 рублей в месяц, и никак не мог свести концы с концами. По этой причине мы, дети, не видели своего отца месяцами, а бывало и годами. Не найдя работы в Орле, он подавался на юг — в Одессу, Таганрог и другие приморские города, где можно было «подшибить копейку» и на разгрузке паровозов.

Нашим воспитанием занималась, конечно же, только мама. Она отличалась необыкновенной добротой, чуткостью к людям, рачительностью, умела уживаться с соседями. Не имея никакого образования, она, простая крестьянская женщина, как могла, прививала своим детям трудолюбие, делала все, чтобы мы росли честными, заботились друг о друге. Она воспитывала в нас чувства собственного достоинства, уважения к себе и к людям, хотела нас видеть гордыми, непримиримыми к несправедливости и раболепию.

Все мы очень любили нашу маму. Каждый из нас в меру своих сил и способностей старался прийти ей на помощь, облегчить ее невероятно тяжелую долю. Случалось, заболит она, и мы, забывали обо всем на свете, делали все, что могли для того, чтобы она поскорее стала на ноги. Тогда нам было не до шалостей или забав. Все наше внимание отдавалось больной. Сейчас я думаю, что это было также результатом огромного влияния старшей сестры Поли — второго лица в семье. Она была нашей няней и прекрасной помощницей мамы.

Когда моим братьям исполнилось одиннадцать-двенадцать лет, они уходили пасти чужой скот. Их заработки были мизерные, но главное — они кормились не дома, а там, где работали. Честно сказать, я им завидовал. Еще бы! Они не боялись уходить в поле за пятнадцать верст от деревни. Они посмеивались над тем, что я пугался грозы, молнии и с гордостью рассказывали маме, что умеют хорошо ездить верхом на конях, пахать землю, сеять.

Мать смотрела на них грустными и задумчивыми глазами, в которых стояли слезы, нежно гладила их головы и все повторяла: «Помощнички мои милые! Обросли-то как, обносились. Руки и ноги-то у вас потрескались, и никому-то вас не жалко. Да когда же все это кончится?»

Она брала большие ножницы и сама каждого постри-

гала, купала и обстирывала, а потом каждого провожала далеко-далеко от родной деревни и, шагая рядом с сыном, все говорила, говорила, говорила...

Отпустив сына, она еще долго-долго стояла на дороге, смотря из-под ладони, как он уходит все дальше, крестилась и сухими губами шептала какую-то одну и ту же на все случаи жизни молитву, в которой, по всей вероятности, сама мало что понимала.

Братья уходили, и опять нас брала в цепкие лапы нищета. Кончался хлеб своего урожая, корова переставала давать молоко, в хате гулял холод. Роскошью считалась малолинейная керосиновая лампочка. Обходились мы больше скудным светом лампадки, заправленной «деревянным» маслом.

Мама билась, как рыба об лед. От зари до зари гнула спину у помещика, а вечерами пряла пряжу или ткала полотно, вполголоса напевая жалобную песню.

Забота мамы приносила в дом дополнительную копейку, но она никак не могла накормить нас досыта, сносить одеть или обуть. А на улице мои сверстники катались на самодельных салазках, на плетушках с облепленным днищем. Так хотелось поиграть с ребятами.

— Сшей мне шубу. Купи валенки. Я хочу на улицу,— просил я.— Она обнимала меня и убежденно говорила:

— Бог даст, у нас с тобой будет все — шуба, валенки, шапка, хлеб, калачи и даже новая изба. Надо просить бога, он все даст.

— Почему же ты не просишь?

— Прошу, сынок. Надо, чтобы все просили, и ты тоже.

— А как же бог даст? Сам сюда принесет?

— Всевышний знает, как это делать. Может, и сам, может, через добрых людей.

Я поверил и несколько дней прикидывал, что просить и для кого. Просить ли только для себя или для всех братьев и сестер? А может, только для себя и для мамы? А когда просить? На глазах ли всей семьи или тогда, когда все будут спать?

Решил для начала попросить кое-что для себя. Если бог мне даст, рассуждал я, то во второй раз попрошу у него что-нибудь для мамы, а потом и для братьев с сестрами.

В один из выюжных и метельных вечеров я долго боролся со сном: ждал, когда все заснут. Потом ти-

хонько слез с печки, прошел в угол, стал на колени и с волнением стал взывать:

— Господи, милосердный! Услышь просьбу раба твоего (мама всегда так говорила). Дай мне шубу, валенки, шапку, хлеба и немножко сахарку.

Я отвешивал поклон за поклоном, подолгу не отделял своего лба от земляного пола и без конца повторял просьбу.

В хате было тихо. Никто мне не мешал. Только где-то на конце деревни завывали собаки, но я был уверен, что это делу не повредит. Наконец, мне показалось, что моя просьба до бога дошла. Я так же неслышно забрался на печку и долго лежал с открытыми глазами. Я упрекал себя в том, что не догадался обратиться с этой просьбой раньше и даже сетовал на маму, почему она поздно сказала мне о такой возможности. Я заснул с твердой уверенностью, что в ближайшие дни получу все, что просил, и вдоволь наиграюсь с ребятами на улице.

Утром, открыв глаза, я стал медленно ощупывать печку вокруг себя, но ничего не нашел. Повернулся на один бок, на другой. Возле меня ничего не было. Соскочил с печки, осмотрел все углы, заглянул под печь, в сенцы. Нигде не лежало ни шубы, ни валенок. Подавленный, я вернулся в хату.

Однако надежды получить просимое полностью не утратил. Я ждал несколько дней, и каждое утро обшаривал всю хату. Но не находил ни хлеба, ни сахара, ни шапки. Разочарованный, я прекратил поиски. Было больно и обидно, но я никому и ни о чем не сказал, ибо понял, что обманут. Мама же продолжала молиться, просить и верить. Молилась и сестра. Только в нашей хате было по-прежнему холодно и голодно.

Бездушные «всевышнего», его непомерная скупость и невнимание к бедным людям вывели меня из терпения, и в один из каких-то праздников я наотрез отказался идти в церковь. Через несколько дней стало известно, что так же поступили Мишка Старцев, Пашка Родин, Данька Ляхов и другие мои сверстники. Они тоже обращались к богу с такой же просьбой, как и я, но он остался к ним глух, и ребята сделали свои выводы.

— Не хочет молиться, ну и пусть. Не идет в церковь, ну и не надо,— заступался за меня дядя Григорий, мамин брат, которого мы очень уважали. Высокого роста, широкоплечий, он носил густую, чуть рыжеватую шап-

ку волос, всегда смотрел на нас добрыми, выразительными глазами.

— Не богохуль, Гриша,— просила его мама. Но дядя ее не слушал, ругал бога, царя, попов и помещиков.

— Тебя за такие речи посадят в острог, в Сибирь сошлют.

— Сибирь тоже русская земля,— смеялся он.

Дядя Гриша уходил, а мама долго не могла успокоиться и все осуждала его дерзость и «смутьянство». Однако вскоре она перестала понуждать нас молиться, хотя сама от этого не отказалась.

Я очень гордился, что у меня такой смелый дядя. Его внезапная смерть от воспаления легких (зимой он ехал через реку, провалился в ледяную воду и сильно простудился) буквально потрясла меня. Забившись в угол, я долго и безудержно рыдал, по-мальчишески жалея и дядю, и его жену, и их пятерых детей — моих двоюродных братьев и сестер.

Оставшись без кормильца, они в тот же год пошли с сумой «по миру» — просить подавание, а потом стали батраками. Старший — Сергей — умер двадцати четырех лет, Иван погиб в гражданскую войну. Двоюродные сестры почувствовали себя настоящими людьми только при Советской власти.

Зима 1904 года выдалась жгучей. Сильные морозы, метели. В хате холодно и темно. Лед на окнах намерзал в палец толщиной. Мы отсиживались на печке, завернувшись в разное тряпье, и внимательно слушали разговор мамы с соседками.

— Что же теперь делать-то, Анисья? — горестно спрашивали они маму. — Моего Илюшку угоняют на войну с японцами.

— Как же теперь там мой Андриян? Холода-то какие! Птица на лету мерзнет.

— Терпите, бабоньки. Все от бога. Даст бог, вернется домой и твой Илья, и твой Андриян,— успокаивала соседок мама.

— Бог-то бог, да сам не будь плох. Ведь у меня их шестеро. Как прокормиться-пропитаться? — И все начинали плакать, причитать, проклипать холода, царские порядки, горько жаловаться на свою тяжелую рабскую жизнь.

Вскоре дошла очередь идти на войну и некоторым нашим родственникам. Они приходили к нам прощаться

грустные, какие-то придавленные и униженные. Одни плакали, не скрывая слез, другие возмущались.

— За кого я должен сложить свою голову? За царя?

— Придешь инвалидом, кому будешь нужен?

Вопросы были, а ответов не было.

— Почему они плачут? — спрашивал я у мамы. — Куда их угоняют? С кем война? Зачем?

— Царь знает, что делает, — говорила мама. — Так надо, сынок. Ты еще мал. Подрастешь, все узнаешь.

Теперь в деревне только и было разговоров, что о войне.

— Ивану Миронову руку оторвало.

— От моего давно никакой весточки нет.

— Тимофей Пахомов убит. Девятерых детей оставил, боже мой!

— Будь она проклята, эта война!

В летнюю пору собирались старики. Они сидели на завалинке, курили махорку, некоторые вырезали из дерева ложки. Толковали тоже о войне. Среди них были те, что воевали еще с Турцией. Эти рассказывали со знанием дела, восхищались героизмом русского солдата, его находчивостью и бесстрашием. Привлекал дед Михаил Родин, имевший за Турецкую войну боевую медаль.

— Я вот с туркою воевал. А что завоевал? Шиш! — и дед поднимал кверху дулю, сложенную костлявыми, прокопченными махоркой пальцами. — Людей положили там — не счесть. А сколько без ног, без рук пришло! Ну и что? Да ничего. Житье стало еще хуже. Так будет и после этой войны. Народ это понимает, потому и подымается.

Как народ «подымается», я не понимал. Говорили, что где-то расстрел произошел, что это было Кровавое воскресенье, что в соседних уездах мужики самовольно запахивали помещичьи земли, выгоняли свой скот на барские луга, поджигали господские усадьбы и делили меж собой зерно из господских амбаров.

— Так-то их надо учить, — гудел басок деда Михаила.

— Бары добрее не станут, если их мужик другими не сделает.

Я думал, что господ обязательно надо сделать добрее, чтоб они бросали нам не гроши, а хотя бы пятаки.

Бывало, мы, мальчишки, гурьбой выходили на Ноугорский большак, идущий из Орла на запад через нашу

деревню. От моста через реку Мезенка дорога шла на подъем. Здесь барские кареты замедляли свой ход. Здесь мы и ожидали. Попрошайничество в те годы процветало, а в отдельных семьях даже поощрялось.

Заслышав звон бубенцов, мы располагались на подъеме по обе стороны дороги. Вот в клубах пыли показывалась карета. Ватага ребятишек окружала ее и на самых разных нотах тянула тонкими голосами:

— Ба-а-арин, бари-и-ин! Дай копеечку.

Не помню такого случая, чтобы карета хоть раз остановилась и ехавший в ней с участием поговорил бы с голодными и оборванными мальчишками. Обычно из кузова доносился грозный возглас: «Пше-ел!» Кучер опускал на крупы лошадей кнут, поднимая их на рысь.

— Ба-а-рин! Дай копеечку,—канючили ребята, глотая едкую дорожную пыль. На мгновение приоткрывалась дверца, и белая холеная рука кидала несколько мелких монет. Мальчишки, взбивая облака пыли, дружно бросались в то место, куда падали медные гроши. Каждый хотел, чтобы монета оказалась в его руке, отталкивал других, сбивая в кровь пальцы. Озлобленный неудачей ни за что ни про что ударял товарища. Начиналась потасовка, порой переходившая в драку. Гнусное и постыдное зрелище!

В нашей деревне, насчитывающей приблизительно восемьсот человек, своей школы не было. Ребятишки учились в арендованных домах. Занимались с ними малоподготовленные, кочующие учителя. Как правило, они питались в семьях своих учеников по списку, составленному старостой.

В нашей семье было два ученика — мои старшие братья. Поэтому мама тоже была обязана кормить учителей. Это доставляло ей великое множество хлопот. С одной стороны, давила страшная нужда и бедность. С другой — учителя без стеснения громко осуждали тех, кто плохо кормит. Чтобы не заслужить осуждения, мама всякий раз старалась по-праздничному обставить стол и тратила последние копейки. Если, случалось, она не могла достать нужные продукты в своей деревне, то шла за ними к знакомым в соседние села или даже в Орел.

С какой завистью смотрели на такой стол мы, малыши! В такие моменты каждый из нас хотел стать учителем.

В 1904 году в нашей деревне открылась наконец своя начальная школа. Это было очень большим событием! Школу ходили смотреть буквально все — от мала до велика. Я тоже там был, даже сел за парту и попытался представить себя учеником, но мама сказала «Хватит!», и мне пришлось уступить место другому мальчику.

Вскоре из Орла приехали две молоденькие учительницы. Одна из них — Александра Васильевна Грабилина — окончила гимназию и была назначена заведующей школой. Вторая — Юлия Алексеевна Лаврова, окончившая епархиальное училище, стала ее помощницей.

Обе девушки сразу оказались в центре внимания всей деревни. Ходили они всегда вместе. Стоило обеим появиться на улице, как в окнах домов, у калиток показывались женщины и дети. Учительниц почтительно приветствовали поклоном, приглашали в гости, спрашивали, не нуждаются ли они в чем, не обижает ли кто, будут ли они здесь работать постоянно или уедут, интересовались их семейным положением. А когда они скрывались за дверью школы, между матерями начинался оживленный обмен мнениями.

— Такие молоденькие и уже — учительницы! — удивлялись одни.

— Да их ребята слушаться не станут, — добавляли другие.

— А мы на что? — подавали голос третьи. — Самим надо смотреть за своими детьми.

Я начал серьезно думать о школе и считал, что должен сам выбрать, у какой учительницы учиться. Мой выбор остановился на Александре Васильевне Грабилиной. Однако летом 1905 года произошло событие, которое всколыхнуло всю деревню и тяжелым бременем легло не только на нашу большую семью, но и на десятки других.

В жаркий солнечный день неизвестно от чего загорелся дом, расположенный недалеко от нашей хаты. Так как постройки стояли впритык друг к другу, то огонь сразу перекинулся на несколько зданий. Запылала и наша хата.

Высушенная летним зноем солома крыш горела, как порох, — ни подъехать, ни подойти. Пожар глотал дом за домом, а крестьяне оказались бессильны что-нибудь сделать, чтобы остановить его.

Поднялась невероятная паника. Люди, как ошале-

лые, бегали по деревне. В воздухе стояли крик, стоны, плач женщин и детей. Жутко было смотреть, как неукротимая сила огня превращала в пепел ветхие, крытые соломой крестьянские домишки и сарайчики, как гибли животные.

Пожар нанес непоправимый урон. Дотла сгорело свыше сорока хозяйств. Без крова, пищи и одежды остались сотни людей, в том числе и наша семья. Жили в шалашах, в погребах, наскоро вырытых землянках. Мы, как и многие другие, летом тоже ютились возле своего пепелища. Но дело шло к осени, и погорельцев оставалось все меньше. Одни уезжали в соседние деревни, другие шли с сумой по миру, третьи отправлялись на Украину и на юг страны.

Весть о том, что Болотово выгорело чуть ли не наполовину, разнеслась далеко вокруг, и в деревнях к погорельцам относились с большим сочувствием. Крестьяне делились с ними продуктами и одеждой, кто мог, давал деньги, а местные власти оставались в стороне. Царские порядки не предусматривали помощи пострадавшим от стихийного бедствия.

Нашу семью временно приютила мамина родная сестра Дарья Петровна, работавшая поварихой в Орле у влиятельных господ Азбукиных-Лопухиных. Все помыслы наших родителей были направлены на то, чтобы построить жилье. Но средств не было, на помощь со стороны рассчитывать тоже не приходилось. Одно время мать хотела идти по соседним деревням — просить «на погорелое». Но затем она от этой мысли отказалась и вот по каким соображениям.

Моей старшей сестре Поле шел семнадцатый год. Она была довольно интересной и скромной девушкой, с большими хозяйственными навыками, как говорили у нас в деревне, «вся в мать». На нее уже обращали внимание, как на невесту. К нам зачастили сваты. Родители посчитали, что при таком положении будет нехорошо ходить по деревням — просить «на погорелое». Это может только унижить девушку в глазах людей. Поэтому решили быстрее сами заработать нужную сумму денег.

Мама и Поля пошли к помещикам Амосову и Стерлингу. Брат Ефим стал плотничать с отцом, а Федор был определен мальчиком в бакалейную лавку. Мы, малыши, оставались под присмотром одиннадцатилетней сестры Лены.

Постепенно нужное количество денег было собрано. Частично их заработали отец с мамой и братья с сестрой, частично деньги получили от продажи маминих холстов, заняли у ее брата. Отец в счет будущей оплаты за работу выпросил некоторую сумму у хозяина. Затем был приобретен лес, и в течение лета отец с братом поставили новый дом размером девять аршин на девять, с полами и с печью «по-белому», т. е. с трубой. Мы были очень рады.

Угнетало одно — не во что было одеться. Мы всегда испытывали острую нужду, но после пожара и строительства нового дома вообще остались голыми. Родители надеялись на то, что вновь соберут немного денег. Однако нашей хлопотливой тете Дарье удалось разжалобить своих господ и выпросить у них некоторые поношенные детские вещи — старые брюки, курточки, пальто, обувь. Мы получили возможность ходить в школу.

Учиться я стал с большим увлечением. В нашей школе в одном и том же классе были ученики самых разных возрастов. Младшие учились лучше, но нам и попадало чаще — от старших. Приходилось среди них же искать себе защитников, задаривать их карандашом или ручкой, а то отдавать и завтрак.

Своей учительницей Александрой Васильевной я был очень доволен. Для меня она была совершенством человека: держалась с большим достоинством, была скромна, строга и очень внимательна к ученикам. Ее требовательность меня не тяготила. Я старался хорошо готовить все уроки, чтобы заслужить ее похвалу.

В ту пору довольно часто родители вынуждены были напрягать детей разными хозяйственными делами. Поэтому многие ученики пропускали занятия и приходили в школу совсем неподготовленными. Александра Васильевна терпеливо выясняла причины отставания, а затем обязывала ребят являться после обеда и готовить уроки под ее наблюдением, с ее помощью. Со временем она никогда не считалась.

Будучи заведующей школой, Александра Васильевна иногда отлучалась в волость или в губернию. Вместо нее с нами занималась Юлия Алексеевна, тоже очень добрая и внимательная, умевшая подчинить класс своему влиянию и увлечь его. Однако мы весьма ревниво оберегали авторитет своей первой учительницы. Мы

придирчиво выискивали у Юлии Алексеевны недостатки буквально во всем — в языке, в жестах, в одежде, в манере держаться перед классом.

Мы просто не допускали мысли, чтобы у нас был кто-то лучше Александры Васильевны. Она учила нас читать, писать, думать, пробуждала интерес к окружающей природе, к истории своей Родины, к литературе. Два раза в неделю Александра Васильевна устраивала для нас громкие читки произведений русских писателей, а по воскресеньям — для взрослых. Надо было видеть, как много приходило крестьян, с каким огромным интересом слушали они «Кому на Руси жить хорошо», басни, «Ваньку Жукова» или «Руслана и Людмилу».

В «репертуар» Александры Васильевны входили произведения Пушкина, Некрасова, Лермонтова, Чехова, Толстого, Тургенева и других классиков русской литературы. Она знакомила нас с биографиями Добролюбова, Писарева, Чернышевского, Белинского. Много из того, о чем она нам рассказывала, конечно, учебной программой не предусматривалось. И если она по собственной инициативе насыщала нас знаниями, то делала это, как я думаю, вот почему. Она знала, что после четырех лет учебы крестьянским детям некуда будет податься, что их засосет нужда и лишь единицы продолжат образование.

Собственно, так оно и получилось. Из 35 ребят, начавших учиться с первым классом, в конце четвертого года обучения осталось всего шесть человек.

С десяти лет я начал работать у зажиточного крестьянина в деревне Болотовские Дворы, но учебу не бросал. Я пас скот, приглядывал за маленьким ребенком, выполнял множество других работ по дому и по хозяйству.

За Болотовскими Дворами к деревне Лунино тянулась большая балка с пологими скатами. Здесь пасли скот, здесь я иногда бывал целыми днями. Это были, как мне казалось, самые лучшие моменты в моей жизни. Лежа на спине, я смотрел в бездонное голубое небо, слушал пение птиц, любовался необъятным привольем. Или, выпросив у Александры Васильевны интересную книгу, читал запоем полный день, забыв обо всем на свете.

Однажды, оторвавшись на минутку от книги, я уви-

дел, что мои буренки разбегаются в разные стороны. Может, почувствовали близость волка? Я запрятал книгу за пазуху и взял в руки суковатую палку. Но волка нигде не было видно. Я стал собирать коров в кучу и многих не досчитался. Тут появился пастух — дядя Тит... «Сейчас влетит», — мелькнула мысль.

— Что, сынок, опять зачитался? — спросил он ласково.

— Да вот... Бегут почему-то, — показал я на коров, пытаюсь увести разговор в сторону.

— Овода покоя не дают, вот они и зыкают, — пояснил дядя Тит и, хитровато усмехнувшись, добавил: — Да и видят, что ты в книжке утонул и на них рукой махнул.

Самым утомительным было качать хозяйского ребенка. В двух случаях я чувствовал облегчение: когда малыш засыпал или когда он сильно плакал. В первом — я получал возможность отдохнуть сам, во втором — его брала на руки мать и убаюкивала.

Иногда меня навещали мама или сестра Поля. Мама в первую очередь встречалась с хозяйкой или хозяином и подробно расспрашивала их о моем поведении, прилежности, аккуратности в работе, а потом уже шла ко мне. Она никогда не спрашивала, как мне живется. Это ей было понятно само собой.

— Тебе, сынок, небось домой хочется? — говорила она.

Да, мне очень хотелось домой. Но я молчал. Она понимающе смотрела на меня, и по ее лицу, рано покрытому сеткой морщин, текли слезы.

— Потерпи, сынок, еще немножко, — просила мама. — Скоро я тебя заберу. Поедем в Сибирь, может, там полегче будет.

Я не раз слышал, что отец собирался со всей семьей податься в Сибирь. Дома по этому поводу возникали жаркие споры. Отец думал, что царские власти хорошо обеспечивают переселенцев. Мама противилась, но в конце концов уступала.

Следуя совету мамы, я терпел обычно до начала сентября. Потом терпение меня покидало, и я рвался домой — в школу. Учебный год тогда начинался с половины сентября. Несколько дней приводил в порядок себя и свое учебное «хозяйство» и садился за парту.

К тому времени Юлию Алексеевну Лаврову, пе-

реехавшую учительствовать в Сухую Орлицу, ближе к своим родным, проживавшим в Орле, сменила Евпраксия Ивановна Фомина. Она была дочерью крепостного крестьянина Брянского уезда, училась в женской гимназии и дважды исключалась из нее за то, что не могла платить за обучение. С большим трудом она закончила гимназию и приехала работать к нам в Болотово.

Это была умная и трудолюбивая женщина, под стать нашей Александре Васильевне. Она много читала, знала великое множество веселых и забавных историй, была великолепной рассказчицей. Как и Александра Васильевна, учительница Фомина дала нам очень многое. Случалось, правда, весьма редко, они возили нас в Орел, чтобы мы посмотрели в театре спектакль, увидели наряженную новогоднюю елку.

Между тем в нашей семье не прекращались разговоры о переселении на «вольные» земли. Они прекратились тогда, когда стало известно, что сельская община покупает у помещиков Стерлинга и Амосова землю, прилегающую к нашей деревне, и будет отдавать ее в аренду в расчете на мужскую душу. Мама воспрянула духом, у нас было много мужских душ. Нам в трех местах выделили участки земли. Теперь следовало приобретать семена, инвентарь, обзаводиться лошадью.

Отец же считал, что это может только разорить семью окончательно, что, работая плотником, он будет зарабатывать больше. Но убедить маму ему не удалось. Она твердо стояла на своем и решила вернуть из Орла моего брата Федора, которому было уже пятнадцать лет. Ей обещал помочь дядя Иван, брат моего отца.

Снова начали собирать деньги. Опять пришлось ту же затягивать пояса. Только мама была непреклонна.

В одно из воскресений мои родители пошли в Орел и на конском базаре за 25 рублей купили лошадь. Но она оказалась «испорченной» и в упряжке не пошла. Ее продали за меньшую цену и купили другую, подешевле. К великому огорчению мамы, этот рыжий, с виду вроде и неплохой, мерин был слепой. Она начала бранить отца, но тот только пожимал плечами да разводил руками: «Что, мол, я сделаю, если денег нет, а хорошая лошадь стоит дорого. Радуйся, мол, этой, если решила заниматься земледелием».

Наступила весна. Кое-как раздобыли семян (взяли

в долг), позаимствовали на время соху с бороной и выехали в поле. Я был назначен поводырем несчастного Рыжего, как мы его окрестили. Одного его пускать было нельзя. Он натыкался на плетни и на столбы, сбивался с дороги и оказывался в канаве или в овраге. Потом запрокидывал вверх голову и ржал, призывая на помощь. Точно так же вел он себя и в поле — борозды не чувствовал, уходил в сторону со своей делянки. Словом, бедного Рыжего везде и всегда надо было водить под уздцы. Его тощая нескладная фигура, помутневшие, устремленные в одну точку глаза, просительное ржание — все это вызывало жалость и сострадание, желание помочь ему. Рыжий стал моим любимцем и сильно ко мне привязался. Он угадывал меня на расстоянии, узнавал по голосу и по свисту, а подойдя, искал мою руку и тыкался в плечо мордой до тех пор, пока я не брался за узду.

Я водил его на водопой, выводил на траву и присматривал за ним. В табуне он чувствовал себя скверно, потому что постоянно натыкался на других лошадей и мешал им щипать траву. Те поворачивались задом и, нисколько не жалея, били его копытами. Рыжий пытался дать сдачи, но его удары приходились в пустоту — он не видел своих противников.

Однажды глубокой осенью (я уже ходил в школу и не мог быть возле своего любимца) Рыжий увязался за лошадьми и сорвался с большого обрыва. Его пришлось прирезать. Узнав об этом, я сильно плакал и потом еще долго тосковал по своему слепому другу. Но дело шло к экзаменам, и Рыжий постепенно был забыт. В это время активнее всех хлопотала мама. Она старалась и накормить меня получше, и ободрить теплым, задушевым словом, и принарядить, и дать тысячу напутствий: «Будь скромным и послушным», «Отвечай смело, но не спеши», «Старайся и не ленись», «Что не знаешь — спроси у других» и т. д. Ей очень хотелось, чтобы я был не хуже других.

На экзаменах присутствовали представители из земства, наша Александра Васильевна, учителя соседней Баклановской школы (их ученики тоже экзаменовались в нашей школе) и другие причастные к этому делу люди. Комиссия была весьма представительная. Волновались и переживали мы, наверное, не меньше, чем переживают учащиеся и теперь. Но взоры всех обраща-

лись только к своей учительнице. У нее мы искали совета и поддержки. Она заражала нас спокойствием и уверенностью.

Мне особенно запомнилась реплика, брошенная кем-то в мой адрес, когда сдавали географию:

— Молодец! Отвечал отлично. Быть тебе военным!

Школу я окончил с похвальной грамотой. Как обрадовалась мама, когда узнала об этом! Как прыгали от радости мои братья и сестры! И отец ходил необыкновенно гордый, с высоко поднятой головой. Домашние были очень высокого мнения о моем образовании. Их не смущало то простое обстоятельство, что оно ограничивалось всего лишь четырьмя классами. Они считали, что для меня дорога к благополучию уже открыта.

— Ты теперь, сынок, большой. Двенадцать лет уже! — внушала мама, шагая рядом со мной по дороге в Орел. — Вот устрою тебя в городе, совсем по-другому жить станешь.

Но «устроить» оказалось делом нелегким. Мама вела меня на почту, в земскую управу, в казенную палату, просила у воинского начальника, чтобы меня зачислили в потешную роту лейб-гвардейского Семеновского полка. Везде мама говорила, что мне тринадцатый год, что я уже грамотный, просила дать мне что-нибудь написать или прочитать. Но везде мы слышали одно и то же: «Не нужен!» А один толстомордый чиновник в казенной фуражке с кокардой сказал:

— От горшка два вершка, а тоже... грамотей! А ну-ка чеши отсюда!

Это сильно меня обидело, а мама даже расплакалась.

— Не надо плакать, — взял я ее за руку. — Пойдем домой. Мне здесь надоело.

— Да... да... пойдем, сынок, домой, — вытирая концом платка слезы, согласилась она. — Это нехороший человек.

Мы миновали Троицкое кладбище и пошли своей дорогой опять в Болотово. Оглядываясь на церковь, купол которой был виден издалека, мама крестилась и шептала молитву. Я, шлепая босыми ногами по пыли, злился и на толстомордого чиновника, и на всех других, не захотевших взять меня на работу. Неожиданно мама остановилась и внимательно посмотрела мне в лицо.

— Ты, сынок, никому не рассказывай, куда мы ходили,— строго сказала она и повела указательным пальцем из стороны в сторону.— Ни-ко-му!

Она боялась, что в деревне над нами будут смеяться.

Все лето я работал на огороде и в поле. Но осенью по настоянию отца мама снова повела меня в Орел. На этот раз «место» мне нашлось: в винном подвале Лобженидзе-Петрова.

Глава вторая

АРТЕЛЬ ДРУЖБОЙ КРЕПКА

Первое время я был подсобным рабочим или, как тогда говорили, «мальчиком на побегушках». Потом у меня появились определенные обязанности. Я мыл посуду, разливал вино, закупоривал бутылки, упаковывал их, разносил заказчикам. В отдельные дни, когда был велик наплыв клиентов, меня бросали «на прорыв» в шашлычную.

Мой хозяин, порядком располневший грузин, держал четырех рабочих: двух кавказцев — квалифицированных виноделов, парня лет восемнадцати из Мценска, которого все звали «Димитрий», и меня. Все, кроме меня, жили на частных квартирах. Я был определен в дом хозяина, в проходной комнате спал на полу на каком-то старом, истрепанном тюфяке. После работы «на производстве» хозяин «подбрасывал» мне работенку дома. Уставал я так, что порой валился с ног и засыпал мертвецким сном.

Хозяин ценил труд виноделов, неплохо платил им, старался задобрить и как-то выделить их. Барыш они приносили ему, конечно, немалый. На нас же смотрел по-иному: мы не знали секретов приготовления вин. Кавказцы ревниво оберегали их, не подпускали к себе и близко, когда «колдовали» с напитками.

Димитрий был старше меня и опытнее. Он начал здесь работать раньше, отличался дерзостью и находчивостью. Случалось, в подвале скапливалось целое стадо бродячих кошек. Мой напарник смело набивал

ими мешок, уносил на улицу и там выпускал. Хозяева к этому привыкли.

Однажды я увидел, что он посадил в мешок пять или шесть кошек, положил туда четыре бутылки первого сорта вина и ушел. Тут я понял, почему Димитрий так старательно вылавливал животных и спешил вынести их первым. Но мне было неловко. Я почувствовал себя соучастником кражи и не знал, как поступить. Сказать хозяевам? Нельзя. Свой брат — батрак. Решил честно высказать то, что думаю, прямо в лицо Димитрию.

— Э-э, голубчик! — ответил он. — Тебе жалко этого толстопузого? Ты думаешь, если я взял пару бутылок, у него станет меньше? Да он тебя держит на голом полу, а сам на перинах валяется. И никакой жалости. Смекнул? Мы для него — рабочая скотина. Понимаешь?

Это было чистой правдой.

Как-то я убирал, а Димитрий ловил кошек. Вошла хозяйка.

— Вот дармоеды, отбоя от них нет! Чуть не каждый день их таскаю, а они опять сюда бегут, — нарочито громко приговаривал он.

— Понесешь их сейчас, а навстречу твоя девушка? — усмехнулась хозяйка. — Что будешь делать?

— Да ничего. Заверну за угол и вытряхну мешок, — невозмутимо ответил Димитрий.

— Неудобно! Пусть лучше отнесет Георгий, — хозяйка повернулась ко мне. — Ты не боишься кошек?

— Что они — тигры, что ли?

— Тогда, будь любезен, возьми мешок. А ты, Димитрий, мне нужен, иди за мной, — и она вышла.

— Тьфу! — плюнул с досады Димитрий. — Угораздило ее зайти. Держи мешок. Да не забудь положить парочку бутылок. Не обеднеют! — Он весело подмигнул и хлопнул дверью.

Я остался один.

«Сколько же взять? — подумал я. — В Орле у меня были знакомые, которых можно было бесплатно угостить отличным вином. — Может, бутылок пять?»

Но вспомнил слова мамы «Никогда не бери не свое. Будь честным!» и заколебался. Поступить так, как мой напарник, я не смог. Закинул мешок за спину, отнес непрошенных гостей на берег Орлика и там выпустил.

Вскоре мне надоело здесь все. Я не мог больше смотреть и на этих кошек, и на холуйское угодничество виноделов, и на высокомерие хозяев, мне опротивело валяться на полу. И я перешел работать к другому хозяину, тоже владельцу винного подвала, и тоже грузину по фамилии Давиднидзе. Его предприятие размещалось на правом берегу Оки у моста. Оно было меньше, чем у Лобженидзе, хозяин часто болел. Питался я по большей части всухомятку и кое-чем. Словом, условия были еще хуже, чем у предыдущего хозяина.

Изредка ко мне приходили родители. От матери я узнал, что моя сестра Поля вышла замуж, а братья Ефим и Федор женились. Но семья не убавилась, так как по-прежнему все жили под одной крышей.

— И что тебе дались эти виноделы! — укорял меня отец. — У них с голоду подохнешь. Поступай на завод Тисова или Калашникова и учись делать конопляное масло. — Он и сам иногда находил на этих небольших маслособойных предприятиях работу.

Однако меня это не устраивало. Мои знакомые с этих и других предприятий одинаково жаловались на тяжелые условия труда и низкие заработки, на штрафы и поборы, на то, что хозяева обращаются с ними хуже, чем со своим скотом. Я не хотел, чтобы на меня смотрели, как на ломовую лошадь, и поделился своими горькими думами с братом Федором, который плотничал в Орле. Он слушал-слушал, засмеялся да и говорит:

— Ну и чудак же ты, братуха! Рассуждаешь, как малое дите. Плюнь на все. Иди к нам в артель. Вдвоем веселее будет, и заработаем больше.

— Не умею по плотницкому, — с тяжелым вздохом ответил я.

— Не горюй! Я тебя научу. Сначала возле меня будешь. Потом руку набьешь, глядишь, и сам артель сколотишь. Наша работа — мировая! — расхваливал брат. — Не то, что в твоём винном погребе — вонь, духота, мухи, кошки... Мы все время на воздухе.

Профессия плотника меня почему-то не привлекала. Может быть потому, что в нашей деревне очень многие становились плотниками. Заняться чем-то другим не было возможности, устроиться в Орле — то же самое. Губернский центр имел всего лишь два небольших заводика — братьев Кале и Хрущева. На каждом

из них число рабочих не превышало двухсот человек.

Было еще несколько маслозаводов, но они работали сезонно. Мелкие кустарные мастерские, мельницы, крупорушки, торговые и некоторые другие предприятия также не могли вобрать всех желающих получить работу. Вот и приходилось нашим мужикам по большей части становиться плотниками, реже — шорниками, бондарями, кузнецами, портными, а порой осваивать несколько профессий, ибо одна не всегда обеспечивала семью хлебом.

Все же я решил последовать примеру брата и начал работать в их артели. Мне шел шестнадцатый год, здоровьем я обижен не был и под любой конец деревянной плахи смело подставлял любое плечо. Постепенно научился отесывать бревна, превращать их в брусья, работать рубанком или фуганком, стамеской или ножовкой, словом, стал в артели своим человеком.

Федор и другие артельщики внимательно следили за моими успехами, старались передать свой опыт, прийти на помощь, одобрить и поддержать. Плотнику тогда приходилось все без исключения делать вручную. Это требовало немалых физических усилий. Я хоть по молодости лет и храбрился, однако за 13—14 часов работы заметно уставал. В артели это видели и спешили помочь, сказать теплое слово, приласкать.

— Терпи, казак, атаманом будешь! — говорили мне.

Я терпел, но атаманство почему-то не приходило.

Плотницкая артель состояла, как правило, из 12—15 человек, не более. Это были люди, объединенные одним стремлением заработать, чтобы прокормить семью. Мужики сами выбирали себе вожака, наиболее опытного и честного человека, умеющего найти выгодный подряд, а при случае и «объегорить» хозяина. Вожак, как правило, бывал отменным специалистом. Его слово для всех являлось законом.

Жизнь в артели устраивалась довольно своеобразно. Здесь царили свой распорядок дня и своя железная дисциплина. Лодырей, проныр не терпели. Все делалось по совести и добровольному согласию. Вожак вел учет доходов, заработок делил соответственно мастерству и опыту каждого. Распределение заработанного происходило в присутствии всех. Если кого-то не было, дележ откладывался.

Питались все вместе. Пища была здоровой и простой: хлеб, мясо, каша, наваристые щи или суп, свежее молоко, крестьянский квас. Ели обычно из большой деревянной или глиняной чашки деревянными ложками. При этом вольностей не допускалось. Черпали по очереди за вожак. По его же стуку ложкой о край чашки выбирали мясо. Прытким, спешившим взять без очереди, нередко попадало от вожака ложкой по лбу. Никто другой не имел права это делать.

Понятно, что питание прямо зависело от заработка. Больше получали — лучше питались. Поэтому каждый старался трудиться в полную меру своих сил и мастерства. Рабочий день длился от восхода до заката солнца, подчас без перерыва на отдых. Поощрялась взаимопомощь, взаимовыручка. Заработок хорошего мастерового составлял в неделю около четырех рублей, у меня — в два раза меньше.

Люди в артели в основном были семейные. Навсегда запомнились Яков Провоторов, Сергей Ляхов, Сергей Мартынов, Егор Провоторов, обремененные нуждой, всегда сосредоточенные на домашних заботах.

Империалистическая война резко изменила весь уклад нашей жизни. Орел переполнили беженцы из Прибалтики и Польши. Мужчин брали в армию. Поползли вверх цены. Лучшие товары были припрятаны. Строительство свертывалось. Появились растерянность, страх за завтрашний день.

Истинный характер войны скрывался. Духовенство, играя на чувствах верующих, одурачивало людей лозунгами «За веру Христову и за царя!», «За христолюбивое воинство!», «За оборону Отечества!», «За спасение самодержца!» В том же духе пела официальная пропаганда.

Все эти лозунги преследовали единственную цель — помешать революционному сплочению рабочих и крестьян, отвлечь их от понимания истинного характера войны, уверить, что война ведется во имя спасения нации и надо оборонять буржуазное Отечество.

Разноречивые толки шли в нашей артели. Одних война возмущала, другие склонялись к тому, что эта война последняя, третьи о характере войны судили по тому, кто ее первый начал и на чьей территории она ведется.

Людей в артели становилось все меньше. Вскоре она распалась.

Приехавшая из деревни мать просила Ефима ни при каких обстоятельствах не бросать меня на произвол судьбы.

— Лучше вернись, сынок, опять в деревню. Хоть вместе будем,— говорила она мне.

— Не хочу,— отказывался я.

— Тогда держись Ефима.

— Я его возьму в свою команду,— пообещал брат.— Будет работать со мной.

Как ратник ополчения второго разряда, Ефим был определен в команду эвакуационного пункта на станции Орел. Она занималась обработкой санитарных поездов и насчитывала 35 человек, среди которых было пятеро вольнонаемных. В это число вошел и я.

Работали мы под общим руководством опытного врача-эпидемиолога Герасимова, а непосредственно нами распоряжался санитарный врач Сергей Вениаминович Разумов. Старшим в команде был Василий Павлович Руднев.

Жили мы в железнодорожных вагонах, которые стояли на запасном пути в конце бывшей Новосильской* улицы.

Поезда прибывали днем и ночью, так что приходилось в любое время суток быть начеку. Случалось, нас направляли в военный госпиталь, что находился в духовной семинарии**, для оказания помощи раненым.

Общение с ними на многое открыло мне глаза. Я с удивлением узнал от них, например, о том, что в нашей армии не хватает винтовок и пулеметов, патронов и снарядов, тяжелой артиллерии. Многие были недовольны офицерами и все неудачи объясняли изменой или предательством.

С неменьшим удивлением я узнал, что кое-кто, чтобы не попасть опять на фронт, искусственно затягивал выздоровление: сыпал на рану соль или перец, смачивал ее керосином или обкладывал горчицей, что вызывало воспаление. Некоторые получали посылки с коржами, приготовленными на касторовом масле, ели их,

* Ныне Пушкинской.

** Сейчас железнодорожный техникум.

а потом жаловались на длительное расстройство желудка, приходили к истощению.

Было ясно, что солдатам не очень-то хотелось умирать «за царя и за веру Христову». Об этом прямо говорил нам Семен Андреевич Багров, рабочий, к которому я почувствовал влечение с первых дней моего зачисления в команду.

— Толковый мужик! Соображает, что к чему,— отзывался о нем брат Ефим.— С таким нигде не пропадешь.

Семен меня тоже приметил, стал больше уделять внимания. Я узнал, что он — бывший матрос, служил на броненосце «Потемкин» и за участие в восстании отбыл каторгу.

Багров частенько беседовал с солдатами прямо у вагонов воинского эшелона, отправляющегося на фронт. Но делал он это осторожно и осмотрительно. Вытащит, например, свой большой кисет, набитый махоркой, остановится у вагона и начинает закуривать. Не спеша скрутит «козью ножку», достанет щепоть табаку.

— На закруточку, браток, не одолжишь? — подбегал к нему солдат, а за ним второй, третий, четвертый... Глядишь, Семен уже в тесном кругу.

— Закуривай. Закуривай,—пуская по кругу кисет, басил Багров, а сам пристально всматривался в лица солдат, пытаюсь угадать их настроения.— Только вот не знаю, придется ли вам вернуть мне долг.

— Верно говоришь, браток! — следовал тяжелый вздох.

— Голову оторвут ни за что ни про что.

— Это еще хорошо,—поддакивал другой.— «Самоваром» домой вернешься — без рук, без ног. Удавился бы, да не сможешь. И себе маята, и бабе с ребятишками.

— А ты голову не подставляй,—отзывался Багров.— Тогда ее не оторвут. На кой черт нужно класть свою голову за чужой интерес? Правильно?

— Так-то оно так,—с опаской поглядывая по сторонам, соглашались солдаты.

— Трудовому люду хоть в России, хоть в Германии, хоть где такая война совсем не нужна,—продолжал Семен, заставляя людей думать, осмысливать происходящее.

Как-то после одной из таких бесед я не удержался от восхищения и сказал:

— Здорово у вас получается, дядя Семен!

— А ты попробуй сам. У тебя тоже получится,— улыбнулся Багров.

— Нет, что вы! Я не смогу.

— Сможешь, сможешь. Ты же слышал, о чем я толкую? Вот и ты говори об том же. Хочешь я тебе помогу?

— Хочу. А как?

— Когда ты заведешь с солдатами разговор, я подойду и послушаю.

— И все?

— Нет. Потом мы с тобой вдвоем поговорим о том, что у тебя получилось хорошо, а что — плохо. Идет? — и его широкая рука крепко сжала мою.

У меня появился свой способ завязывать разговоры. Я брал два ведра, наполнял их водой, шел от вагона к вагону и поил солдат. Но агитатор, как мне казалось, выходил из меня неважный. Во-первых, я был молод. Во-вторых, мне не хватало опыта и знаний. Однако Багров меня хвалил. Правда, при этом всегда подчеркивал: «Учиться тебе надо. Читать больше».

Осенью, когда похолодало, меня и моего друга Васю Казначеева определили истопниками. Мы топили печи в вагонах, в которых жила наша команда. Времени у нас было достаточно, и мы решили учиться самостоятельно по программе городского училища. Кое-как добыли книги, тетради и начали заниматься. Старший брат Васи — Петр — был знаком с учительницей Елизаветой Николаевной Николаевой. Она жила на Покровской * улице и согласилась давать нам у себя дома уроки — два раза в неделю по два часа. Семен Багров отнесся к нашему решению одобрительно.

Всю зиму и весну мы занимались с огромным увлечением. А в мае Елизавета Николаевна устроила нам настоящий экзамен, для чего пригласила к себе знакомых учителей. Опять были переживания и даже настоящие оценки.

— Учитесь, ребятки. У вас все впереди,— говорила она, провожая нас.— За городское училище вы готовы хоть теперь сдать экстерном. Действуйте смелее!

Мы и в самом деле решили действовать. Вася уго-

* Ныне Советской.

варивал ехать в Донбасс. У него там были родственники, и он говорил, что нам помогут устроиться на шахту. Я предлагал отправиться в Москву. Там плотничал мой брат Федор, у которого мы могли бы остановиться и тоже найти поддержку в устройстве на работу. Каждый из нас остался при своем мнении.

В июне я уволился, хотя Ефим был против моей поездки в Москву. Я попросил сообщить обо всем маме и, чтобы она не волновалась, сказать ей, что буду жить у Федора. Семен Багров одобрил и это мое решение.

— Имей в виду, — сказал он на прощанье, — и в Москве немало наших людей. Держи с ними связь. Надеюсь, пойдешь по правильной дороге. — Семен дружески потрепал меня по плечу, пожелал счастливого пути, и мы расстались.

В Москве Федор снова советовал мне идти работать плотником. Его жена Лиза обещала устроить на швейную фабрику Манделя, где она трудилась. Но мне хотелось на завод, к рабочим. По соседству с братом жил Сидор Карпович Аверин, работавший на заводе Гужона*. Он-то и решил мою судьбу. Я был оформлен в листопрокатный цех.

Утром, шагая в густом людском потоке, плывшем к заводской проходной, я чувствовал себя равноправной частицей этой большой рабочей семьи. Она, эта семья, состояла из людей самых разных возрастов и характеров, веселых и угрюмых, пестро одетых, пропитанных какой-то смесью запахов масла, металла и красок.

Рабочие шли твердой поступью, сосредоточенные и решительные. На них были темно-синие, черные, коричневые и желтые блузы, красные и бордовые рубахи, кепки и картузы, стоптанные ботинки и порыжевшие сапоги. Под мышкой или в кармане они несли с собой «тормозки» — скромный запас пищи.

Я радовался, что попал в такую среду. В то же время испытывал и чувство некоторой неловкости. Каждый, рассуждал я, знает, что он будет сейчас делать, а я не знаю. Вот, скажут, пришла «деревня», восемнадцать лет прожил, а в заводском деле — ни в зуб ногой. Но ничего подобного я не услышал.

— Брат, говоришь, в Москве живет? Понятно. У него, значит, остановился? — вел беседу мастер Василий Агафонович Федоров, в распоряжение которого я по-

* Ныне «Серп и молот».

ступил.— Это я скажу тебе, сынок, хорошо. С жильем здесь очень туго. Просто никуда! А где брат работает? Где живет?

— В Кусково плотничает. А живет у Рогожской заставы.

— Понятно. Славный там народ! Знаю по 905 году. Приходилось бывать,— он как-то особо пристально посмотрел на меня своими ласковыми глазами и добавил: — Ну, а к нам сам пришел или как?

— Самому давно хотелось попасть на завод. И товарищ брата помог.

— А-а, товарищ? Это тоже хорошо. Ну вот что. Пока осматривайся, привыкай. Потом видно будет, куда тебя поставить,— заключил мастер.— Для начала смотри, чтоб вокруг этого стана было всегда чисто. Понял?

Я с большим рвением принялся за уборку, освобождая рабочее место от мусора и разного железного хлама. Рельсовые пути с вагонетками, подвесные лебедки, прокатные станы, бежавшие над головой тележки — все это, увиденное впервые, произвело на меня большое впечатление.

В то же время я присматривался к людям в промасленных спецовках и старался поскорее измазать свой чистый костюм, чтобы заслужить их расположение. Но они, казалось, не обращали на меня никакого внимания. Только один из группы, кативший тяжелую тележку, поравнявшись со мной, будто невзначай бросил:

— Смотри, пупок развяжется!

Другие засмеялись, а я остановился в недоумении и поискал глазами мастера. Он заметил, подошел ко мне.

— У нас рабочий день двенадцать часов,— сказал тихо Федоров.— Нужно работать так, чтобы тебя хватило не только на сегодня. Понял?

Такой совет, да еще от мастера, я слышал тоже впервые, но к концу дня убедился, что Федоров прав. Я сильно устал. В голове от непривычного лязга металла, стука работающих станков стоял шум. Хотелось тут же лечь и заснуть.

— Завтра придешь? — подошел Василий Агафонович.

— А как же? Обязательно. Почему вы так спрашиваете?

— Ты здесь не первый,— ответил мастер.— Бывали

такие, что поработают два-три дня и уходят. Даже за заработком не являются.

Дома Федор и его жена снова уговаривали меня идти плотником.

— Посмотри на себя,— указывал брат на мою запачканную одежду.— То ли дело у нас! Свежий воздух, дерево, смолистая стружка—это не то, что сажа, пыль, мазута. У этого француза-капиталиста ты ничего не зарабатываешь. Только здоровье угробишь.

Менять свой выбор я не стал.

— Мне думалось, что ты уже не придешь,— встретил на второй день Василий Агафонович.— Молодец!

Постепенно он расширил круг моих обязанностей. Я укладывал на площадках листовое железо для обрезки, вызывал кран, цеплял пакеты уже обрезанных листов и отправлял их по назначению... Платили больше, чем до войны. Однако цены на продукты и другие товары тоже выросли. Война давала о себе знать очень отчетливо.

У меня появились друзья—рабочие того же гужонского завода. Несмотря на усталость, вечерами мы иногда гуляли по Москве. Она не шла ни в какое сравнение с нашим Орлом. Большие витрины магазинов. На улицах многолюдье. Богатые кареты, запряженные выхолощенными, гладкими лошадьми. Изредка по каменным мостовым шуршали шикарные лимузины. Это в центре. Но стоило вернуться на Рогожскую заставу, и я видел то же, что и в Орле,—приземистые, покосившиеся домики с подслеповатыми окнами, кучи ребятишек, барахтающихся в дорожной пыли, развешанное на веревках белье... Нужда, нищета. На каждом шагу, в каждой рабочей семье. Меня тянуло к мастеру спросить, почему это так.

Василий Агафонович просто и понятно объяснял, почему в той же Москве одни катаются в роскошных каретах, а другие—в дорожной пыли, одни едят бублики, а другим достается дырка от бублика. Он немногими словами раскрывал подлинное лицо Гужона и других капиталистов, наживавших на войне огромные барыши.

Однажды (я уже работал самостоятельно на обрезке железных листов) мастер вроде бы невзначай сказал, что переходит на другой завод по своей специальности слесаря.

— Я тебя познакомлю с одним товарищем,— доба-

вил Василий Агафонович.—Из нашей организации. Он работает в соседнем цехе и тебе поможет.

— Неужели для вас здесь не нашлась слесарная работа? — задал я наивный вопрос.

— Так нужно, сынок,—серьезно ответил Федоров.— Придет время, узнаешь все.

Неожиданно в Москву приехала мама: брат сообщил ей, что меня взяли на военный учет и должны вот-вот призвать в армию. Поэтому она и поспешила.

— Боже мой! Что делается! — сокрушалась она, когда сели вечером ужинать.— Эта проклятая война поискалечила столько людей! Столько детишек остались сиротами! — и начинала перечислять по фамилиям, кто из нашей деревни убит, кто пришел домой калекой-инвалидом, о ком долгое время ничего не известно — попал в плен или пропал без вести.

— Теперь вот и его очередь подошла,—кивал в мою сторону Федор.— В ту же мясорубку пойдет.

— Сыночек, миленький,—упрашивала мама.— Я тебя очень прошу — приезжай домой. Побудь с нами хоть недельку. Из дома и в армию пойдешь.

Я обещал приехать.

Утром следующего дня мама настояла, чтобы Федор проводил ее на завод. Она хотела попасть прямо к директору, чтобы узнать у него, как я работаю, какое он имеет мнение обо мне. Мама полагала, раз это завод, то директор-то знает всех рабочих и может рассказать о них все. Но в директорской с ней и разговаривать не стали.

Тогда она добилась, чтобы ее проводили в листопрокатный цех и встретила там с мастером Федоровым. Василий Агафонович принял ее тепло и любезно. Они беседовали больше часа. Мастер, уверив мать, что я отношусь к делу старательно, долго расспрашивал ее о жизни орловской деревни.

Но беседой с мастером мама не удовлетворилась и пошла еще к сменному инженеру. Тот не знал меня совсем, однако расхваливал на все лады и просил ее не волноваться. Одетый в казенный мундир, в фуражке с блестящей кокардой он, очевидно, произвел неплохое впечатление и окончательно убедил ее в том, что я на правильном пути. Она уехала из Москвы с твердой верой, что перед призывом в армию я приеду домой.

Мастер Федоров исчез как-то внезапно. Его обеща-

ние познакомить меня с человеком «из нашей организации» осталось невыполненным. Некоторое время я не мог понять, что с ним случилось. Потом от рабочих узнал, что наш мастер вовсе и не Федоров, а большевик-подпольщик, на след которого напала полиция. Партия откомандировала его в другое место. Куда? Никто не мог точно сказать. Одни говорили, что он уехал в Харьков, другие уверяли, что он подался на Урал.

Как бы то ни было, отсутствие Василия Агафоновича и я, и другие рабочие нашего участка почувствовали очень скоро. Вдруг оказалось, что он нужен всем, что нам не хватает его опытной рассудительности, ясности взгляда на тот или иной жизненный вопрос. Он был как бы стержнем, вокруг которого группировались и мы, молодежь, и рабочие, уже убеленные сединой.

Война шла почти целый год. Она ставила перед нами множество вопросов, а правильно ответить на них мог не каждый. И если, случалось, среди рабочих возникал разговор о войне, о мире, об устройстве жизни по-новому, то обязательно можно было услышать:

— Был бы Федоров, он поставил бы все на свои места.

— Кряжистый мужик! Такого не согнет ничто.

— Вожак, ничего не скажешь!

Вскоре я рассчитался и приехал в Орел. Остановился у сестры Поли. После того как ее мужа взяли в армию, она с двумя детьми поселилась на Полесской площади. Поля обрадовалась моему приезду так, что сразу же стала собираться в дорогу — к маме в деревню Болотово. Но я упросил ее немножко подождать. Очень хотелось встретиться со своими сослуживцами по станции, повидать главным образом Семена Андреевича Багрова.

— Пропал потемкинец, — сообщили мне неприятную новость, когда я оказался в тесном железнодорожном вагончике, где жил еще год назад и вместе со своим другом Васей Казначеевым сидел над книгами.

Оказалось, что деятельность Багрова попала в поле зрения жандармерии. За ним установили слежку и раза два «засекали», когда он беседовал с солдатами в проходящих поездах. Надвигался арест. Бывший матрос упредил его. Он скрылся. Куда? Об этом никому не сказал.

После этого начали «шуровать» всю команду. Тех,

Г. С. Родин. 1916 год.

кто стоял близко к Багрову или находился с ним в дружеских отношениях, разогнали. В команду пришли новые люди, которых я не знал. Откровенного разговора с ними не получилось. Все проявляли сдержанность, были чем-то напуганы и вели себя замкнуто.

— Шел бы ты, парень, домой,— дружески посоветовал мне один из членов команды.— А то возьмут тебя за мягкое место да в конверт!

Нет, я должен был побывать еще в госпитале, где не раз беседовал с ранеными, и побежал в духовную семинарию. Здесь люди вели себя смелее. Они прямо высказывали то, что думали о войне и о мире, пытались определить свое отношение к тому, что происходит в стране.

— Ты посмотри, сколько здесь изуродованных людей,— приподнимаясь на локте, бросил чернобородый, со смоляными глазами солдат.— Руки, ноги им пооторвали, а за что, спрашивается? Вот хоть меня возьми. Баба в деревне одна, бьется с ребятишками, как рыба об лед, ни кола, ни двора!

— Это не война, а морока одна,— подал голос сосед, голова которого была туго затянута бинтами.— Пошло наше отделение в атаку. Одиннадцать человек. Унтер кричит: «Постоим, братцы, за святую Русь! Впе-

ред!» А с чем ты постоишь, если на троих одна винтовка и патронов нет...

— Он, стервюга, из пулемета жарит, а ты на него с палкой,— огрызнулся кто-то сбоку.

— Не горюйте, братцы,— обнажил в улыбке белые зубы раненый с угловой койки.— Я слышал, скоро наши правители будут солдат на патроны менять, а может, и на винтовки. Вот тогда повоюем!

— Ты, парень, видать, тоже скоро там будешь. Просись в обоз,— советовали мне.

— На последнюю подводу! — поддакнул кто-то. В палате раздался смех.

— Иди к офицеру денщиком.

— В тыловую команду. Мертвецов хоронить.

— Не слухай ты их,— приподнялся опять чернобородый.— Лучше учись военному делу. Ученым воевать легче.

Я ушел от них со смешанным чувством и долго бродил по Орлу. Торговые лачуги на Привокзальной площади, опустевшие трактиры, лавки и магазины, разногласица грязной базарной Ильинки — все это бросалось в глаза и напоминало о войне на каждом шагу.

Дома в деревне меня ждали. На столе появилось даже две бутылки водки, что вообще в нашей большой семье было чрезвычайной редкостью. А когда сели за стол и разговорились, то вместо радости я увидел слезы и услышал горестные причитания матери и соседок, пришедших посмотреть, каким стал Анисьин сын после «первопрестольной и белокаменной Московушки».

По деревне с гармошкой и протяжными заунывными песнями бесцельно блуждали «гожие» — мои сверстники, подлежащие призыву в армию и отправке на фронт. Печать обреченности лежала на лицах, к которым еще ни разу не прикасалась бритва. Следом толпою шли родственники, тоже топившие свое горе в сивухе.

— Па-след-ний нонешний дене-о-оче-ек гуляю с вами я, друзья,— тянули «гожие», а вместе с ними горланили и мужики:

— А завтра рано чуть свето-оче-ек заплачет вся моя родня...

Но родня не ждала злополучного «завтра». Женщины тут же бросались к сыновьям и, обливаясь слезами, целовали их бессчетное количество раз. Они провожали

детей на смерть, не хотели этого, но были бессильны сделать что-то другое. Безмерная материнская любовь щедро выливалась вместе со слезами. Тягостно было смотреть на все это.

Наконец наступил и мой «нонешний денечек». Волостной старшина и урядник доставили нас, группу призывников, на сборный пункт, который размещался рядом с заводом Хрущева*. Было это утром, а к вечеру того же дня сформировали команды и подали вагоны — один на сорок человек. Подцепили паровоз, начались прощания. Снова плач, слезы, причитания...

Я уговорил маму и отца не ехать в Орел. Они согласились, чтобы меня проводили брат Ефим и сестра Поля. Держались они, не в пример другим, молодцами. Только сестренка немножко всплакнула да без конца просила писать чаще письма — и ей и маме.

Гудок паровоза. Вагоны медленно покатались по рельсам, оставляя позади родной Орел, винные подвалы Лобженидзе и Давиднидзе, железнодорожную команду, в которой я работал.

Утром следующего дня я снова увидел «первопрестольную», и мне очень захотелось встретиться со своими заводскими друзьями, а заодно навестить и брата. Об этом я сказал только Павлу Родину, моему земляку, однофамильцу.

— Сбегай, — ответил он. — Я покараулю твой баул**.

Я выпрыгнул из вагона и помчался на Рогожскую заставу. Но брата и его жены дома не оказалось. Тогда я побежал на завод и попал в крепкие объятия товарищей. Договорились встретиться вечером в трактире Крутоярского переулкa, куда мы в свое время заходили и где можно было поговорить откровенно.

— Неужели в армию тебя не взяли? — обрадовался брат, увидев меня на пороге своего жилья. — Приехал опять работать?

Я рассказал, что и как. Он забеспокоился, а потом махнул рукой и сказал:

— Ничего. Дальше фронта не пошлют.

Вместе с братом мы отправились в трактир и неплохо провели вечер в кругу друзей. Говорили о всякой всячине, но больше всего о войне, которая длилась уже два года и уничтожила массу людей, о ее

* Сейчас завод «Термаш».

** Чемодан.

пагубных последствиях, о тяжелой доле солдата царской армии.

От рабочих я узнал, что на заводах участились забастовки, а на фронте солдаты бросают окопы. Они советовали мне всерьез задуматься над своей дальнейшей судьбой. Однако обдумать все, как хотелось, не удалось. На набережной Москвы-реки меня остановил военный патруль.

— Документы!

У меня ничего не было.

— Иди вперед!

Меня отконвоировали к военному коменданту.

— Откуда родом? — спросил он, узнав, что я призван в армию.

— Из Орловской губернии. Деревня Болотово Баклановской волости.

— Почему шляешься здесь?

— Отстал от эшелона.

— Я тебя, мерзавец, проучу! Я тебе покажу кузькину мать! Ты меня долго будешь помнить, сволочь! — разъяренный комендант бегал вокруг меня, осыпая оскорблениями и угрозами, тыча в нос рукой в белой перчатке. Неожиданно он повернулся к стоявшим у двери солдатам и заорал:

— Отправить его! Да сейчас же!

Конвоиры проводили меня в зарешеченный вагон, который и привез меня во Владимир. С вокзала я попал на полковую гауптвахту, а из нее — в карантин. Там узнал, что нахожусь в 82-м запасном полку.

Глава третья

Я — СОЛДАТ

Итак, второй батальон, шестая рота, второй взвод, третье отделение. Солдаты встретили меня настороженно, сухо. Почему? Видимо, подействовало то, что привели в полк под конвоем.

Выдали мне черный суконный мундир, шаровары, черную фуражку с красной окантовкой, без козырька. Обмундирование, бывшее в употреблении, почти негод-

ное. У меня были свои новые сапоги. Их оценили в 5 рублей 85 копеек и записали в арматурную карточку.

На другой день меня вызвал командир отделения и предупредил, чтобы после занятий я явился к командиру первой полуроты подпоручику Славину. Затем отделенный начал меня тренировать. И только когда я как надо подошел и доложил: «Солдат третьего отделения второго взвода шестой роты Родин по вашему вызову прибыл», он отпустил меня. Но приказал, чтобы во время перерыва я потренировался еще. А после занятий он еще раз напомнил о том же. И когда я пошел в канцелярию, он тоже последовал за мной.

Я постучал в дверь, вошел и представился так, как учил командир отделения. Подпоручик лет 26-ти, приятной внешности, осмотрел меня с ног до головы. На лице его промелькнула легкая улыбка. Это меня ободрило.

— Вы зачислены в третье отделение второго взвода? — спросил он.

— Так точно, ваше благородие! — выдохнул я, а про себя заметил, что он обращается на «вы».

— Кто у вас командир отделения?

— Младший унтер-офицер Давыденко.

— Вам повезло. Он у нас на хорошем счету. Как вы отстали от эшелона? — Чем-то он располагал к откровению, и я рассказал все, как было. Сказал, что я не отставал, а остался специально, чтобы повидаться с родными и друзьями по работе.

— Кто ваши друзья в Москве? — спросил он опять.

— Рабочие завода «Гужон».

Подпоручик закурил, встал и начал ходить по комнате.

— А мы с вами чуть ли не земляки, — произнес он. — Жили в одном городе — Москве. Я учился там в университете, оттуда был призван в армию, окончил Александровское училище.

Я продолжал стоять по команде «смирно», не понимая зачем он мне все это рассказывает. Подпоручик заметил мое напряжение и, как бы извиняясь, сказал:

— Пожалуйста, стойте вольно.

Я был окончательно поражен его добротой.

— Теперь-то вы осознали свой проступок?

— Да, осознал. Больше этого не будет.

— Надеюсь, вы станете примерным солдатом.

— Буду стараться!

В двери носом к носу я столкнулся с командиром отделения. Он схватил меня за руку и потащил в сторону.

— О чем спрашивал? Что про меня говорил? — засыпал он меня вопросами. Я коротко передал содержание разговора. Командир отделения с гордостью заметил:

— Вот если бы все были такие!

Потекли тяжелые учебные будни. Занимались мы по 12 часов в день. Строевые занятия, которым уделялось очень большое внимание, чередовались со «словесностью». В основном занятия проводили только унтер-офицеры. Офицеры в период подготовки одиночного бойца и отделения вели себя очень пассивно.

Это было непонятно. Уже два года шла война, но ее опыт не повлиял на методы и формы обучения солдат. Учили не тому, что нужно на войне. Главным была строевая муштра. Огневая и тактическая подготовка бойца, отделения, взвода, роты во всех видах боя отодвигалась на задний план.

Были случаи, когда солдата за ошибки в строевой подготовке переводили в маршевую роту и отправляли на фронт. А если он стрелять не мог, на это мало обращали внимания. Муштра носила жестокий характер. Применялся целый комплекс физических и моральных издевательств. Причем, он регламентировался уставными положениями и осуществлялся по произволу командиров-самодуров.

Солдат всегда находился в страхе и напряжении, в ожидании тех или других необоснованных претензий и придинок. Принципиальность, объективность, дружба, коллективизм не культивировались. Все было направлено к тому, чтобы солдат стал безликим винтиком в царском военном механизме и не имел собственного «я».

Моральное унижение сочеталось с физическим изнурением. Под самыми благовидными предложениями проводились «тренировки», закалки «неуспевающих», в число которых попадали главным образом строптивые и своевольные. Солдат часами шагал и громко подсчитывал себе под ногу: «Раз-два! Раз-два...» До одурения, до потемнения в глазах. За то, что шевельнулся в строю, за неправильный поворот — на два часа под ружье с полной выкладкой (72 фунта). Стой по команде

«смирно» на солнце или на морозе, как правило, перед окном фельдфебеля или дежурного офицера, чтобы они видели тебя, твою стойку, положение твоего ружья на плече.

Наряды на работу, в том числе и на ночную — неограниченно. Лишение увольнения в город — по любой, самой пустяшной причине. Зачастую все зависело от настроения фельдфебеля или офицера. Кто-то из них разозлится и начинает вымещать злобу на солдатах. Заставляет ходить гусиным шагом, после чего не можешь стоять на ногах. Заставляет бегать, прыгать — до обморока.

Горе было тому, кто получал денежный перевод. Не потратишься на своего начальника, считай, что навсегда утратил его расположение. Он будет точить, «снимать стружку» и денно и нощно, пока не отправит тебя на фронт.

Подпоручик Славин был редким исключением. Однако, как большой либерал, он в офицерской среде не пользовался авторитетом. Душевный, человечный, он в той среде не мог раскрыться и, насилуя себя, стыдясь, вынужден был походить на своих коллег. Правда, это ему не всегда удавалось.

Командир отделения Давыденко был не столько требовательным, сколько придирчивым, как и командир взвода старший унтер-офицер Гаврюшин. Что скажет взводный, то повторит отделенный. Что сделает первый, то же — и второй. Абсолютное копирование и никакого творчества, размышлений, совета с людьми. Это делалось, чтобы «угодить начальству», быть у него «на виду», числиться в «хороших».

Тогда не было допризывной подготовки, не было общественных организаций, которые учили бы молодых людей службе в армии. Многие поступали прямо от сохи, неграмотные и совершенно неподготовленные. Это ставило их в унижительное положение, а на фронте вело к массовой гибели солдат.

Даже то время, когда солдаты находились в запасном полку, использовалось из рук вон плохо. Много искусственно усложнялось, второстепенное считалось важным, а остро необходимое, нужное — недооценивалось. Много времени уходило не только на строевую муштру, но и на «словесность» — на запоминание родословной дома Романовых, чинов и должностей вплоть

до командующего округом. Никакого практического значения это не имело.

В первых числах июня меня вызвал фельдфебель для уточнения биографических данных. Он подробно интересовался моей работой в Москве, спрашивал, кто мои знакомые, родственники, как они живут. Потом объявил, что он вносит меня в списки кандидатов в полковую учебную команду.

— Завтра ты должен явиться к подпоручику Славину или к поручику Ивлеву. К какому сроку, тебе скажет командир взвода. Имей в виду, чтоб все было как полагается. А ну выйди за дверь и зайди ко мне, как к старшему командиру.

Я вышел, еще туже подтянул ремень, проверил, подходит ли кокарда моей бескозырки против носа, и постучал. Слышу голос фельдфебеля: «Войди!» Вхожу и докладываю: «Ваше благородие! Солдат Родин, третьего отделения второго взвода шестой роты, по вашему вызову явился!»

Фельдфебель, не дослушав, крикнул: «Отставить! Повторить!»

Я вышел, не зная, где допустил ошибку. И когда я в четвертый раз представился фельдфебелю, он заявил:

— Вот теперь правильно. Скажи-ка, в чем была твоя ошибка?

— Не могу знать!

— Дурак! Ты остановился за три шага, а нужно за четыре. Запомни это раз и навсегда. И сапоги чтоб блестели! А теперь иди.

Я повернулся и вышел. Хочу ли я быть зачисленным в учебную команду, об этом фельдфебель не спросил. Я понял, что с желанием солдата не считаются. И подумал, что надо найти предлог, чтобы отказаться. Не потому, что учеба не отвечала моему желанию, а для того, чтобы проявить свою волю, настоять на своем.

В то же время, наблюдая за учебной командой, марширующей на плацу накануне ее выпуска, я невольно испытывал зависть. Мне нравилось, как она четко пере-страивается. А когда шла с песнями, можно было заслушаться. Я подумал, что срок обучения небольшой — около четырех месяцев, чему-то научат, что-то пригодится на фронте.

Правда, меня не покидала одна навязчивая мысль: не стану ли я после учебы «тираном солдат», как тогда

называли чересчур усердствующих в своем служебном рвении унтер-офицеров и фельдфебелей. А почему я должен быть таким? Вон подпоручик Славин не рабочий, не крестьянин, учился в университете, окончил военное училище, а обходится с нами, солдатами, лучше, чем другие. Кто же мне запретит обращаться с подчиненными по-человечески?

На другой день меня пригласил командир полуроты. К нему я шел без волнения.

— Ну, братец, вы подаете надежды,— сказал Славин.— Вас рекомендуют в полковую учебную команду. Я поддерживаю эту идею. А вы как смотрите?

— Не хочется туда идти.

— Напрасно! Идите, учитесь. Имейте в виду, я буду интересоваться вашими успехами. У меня там хорошие знакомые. Затем, глядишь, и на фронте встретимся.

— Фронт большой,— сказал я.— Может ли быть встреча?

— А вы хотели бы ее? — поручик встал.

— Так точно, ваше благородие! И не только я, а все солдаты нашей роты.

— Это очень лестно.

— Так что, если на фронт, то под вашу команду. Все желают.

— Возможно, братец, возможно. Но сие от нас не зависит, правда? Впрочем, достаточно. Можете идти. Желаю удачи!

И снова я невольно отметил, что он обращается на «вы» и что-то его тяготит.

Вскоре меня зачислили в учебную команду. Это была полнокровная рота в 250 человек. Кроме того, десятка три солдат взяли на случай отсева.

Разместились мы на втором этаже одного из казарменных корпусов. Расположились повзводно. Каждый получил железную кровать (в полку спали на двухъярусных нарах), соломенный матрац, подушку, старое суконное одеяло, по две простыни. Это был комфорт в сравнении с тем, что мы видели до того.

Столовая находилась под открытым небом. Большие деревянные столы. Деревянные скамьи. Ели из больших чашек — одна на отделение.

Учебная команда состояла из четырех взводов, по 60—65 человек в каждом. Во главе взвода стоял офицер — подпоручик или прапорщик. Командир первого

взвода был в то же время командиром полуроты, командир третьего взвода — второй полуроты. Старшие унтер-офицеры считались заместителями командиров взводов. Командирами отделений были младшие унтер-офицеры. Обязанности фельдфебеля выполнял подпрапорщик. Начальником учебной команды был капитан.

Сразу бросилось в глаза то, что командиры любыми путями старались удержаться на своих должностях и очень боялись попасть в маршевую роту. Отправку на фронт они считали «тяжким наказанием», хотя солдатам внушали, что те должны, не щадя живота своего, биться «за веру, царя и отечество». В первый год войны, как говорили люди постарше, такого не наблюдалось.

Поскольку я имел рост 175 сантиметров, меня зачислили во второй взвод правофланговым второго отделения. Мы получили учебные винтовки и новое обмундирование. Черные мундиры заменили на гимнастерки цвета хаки. Нам выдали также парусиновые шинели и фуражки с козырьками.

Командиром взвода был прапорщик Глушков, его заместителем старший унтер-офицер Крюков, а отделенным младший унтер-офицер Прудников.

Вскоре начались регулярные программные занятия по 10 часов в день, плюс к тому два часа «самостоятельной» подготовки под наблюдением унтер-офицеров. В субботние дни занятия сокращались на два часа. Это время уходило на генеральную уборку помещений.

И здесь львиная доля времени приходилась на строевую подготовку. Шагистика одиночного бойца, отделения, взвода, роты, всевозможные построения и перестроения забирали сотни часов и все с тем расчетом, чтобы довести выполнение приемов до автоматизма. Понятно, что большинство курсантов испытывало сильное физическое перенапряжение. Поэтому уже на третьей неделе обучения из команды было отчислено больше сорока человек по состоянию здоровья.

И здесь на солдата смотрели, как на заводную игрушку. Никто не хотел понять его душу, характер, поинтересоваться его мыслями, настроением. Никому не было дела до того, что он прустен или подавлен морально, истерзан непомерной муштрой, насмешками или оскорблениями. Отсюда вырастала непроницаемая

стена между солдатом и командиром, даже младшим унтер-офицером. Выдерживал такое не каждый.

В одно из воскресений мы были буквально ошеломлены известием о том, что в лесу, который примыкал к нашей казарме, повесился курсант. Мы его знали. Он числился в отстающих, так как не мог преодолеть забор и поразить штыком чучело. Вместо помощи он получал от командира только издевательские насмешки. Это и привело к трагическому исходу.

Был и такой случай. Один из командиров отделений в обеденный перерыв тренировал курсантов ружейным приемам. Делал он это не первый раз и до тех пор, пока кто-либо не падал без сознания. В это время появился командир полка с дежурным офицером. Мы, наблюдавшие, как издеваются над нашими товарищами, подняли шум.

— В чем дело? — грозно спросил командир полка, но увидев марширующее отделение, быстро сообразил сам. Он подошел к отделенному, приказал поставить его на два часа под ружье, а затем разжаловал в рядовые.

Потом мы узнали, что командир полка вызвал к себе всех офицеров и строго их предупредил. Вначале мы не понимали, откуда вдруг такая милость, такое участие. Но скоро стало известно, что к чему. В соседнем 115-м запасном полку один солдат, доведенный до отчаяния издевательствами, во время занятий вместо чучела ударил штыком командира отделения. Солдата, конечно, отдали под суд.

Кое-какие выводы были сделаны, но взаимоотношения солдат и командиров не улучшились. Одни офицеры по-прежнему выделялись своей отчужденностью, казенным безразличием и подчеркнутым высокомерием, чем вызывали наше презрение. Другие своей неискренностью, робостью и боязливыми попытками казаться либералами производили отталкивающее впечатление, рождали настороженность, скрытность.

Были и такие, которые находили все же время поговорить с солдатом по душам, спросить его, какой он губернии, чем дома занимался, кто родные, получает ли от них письма, не скучает ли по дому, как привыкает к армейской службе. Это много значило. Мы сами искали встреч с такими командирами, но их было до обидного мало, точнее сказать, единицы.

Недели бежали одна за другой, а воинская служба вызывала во мне противоречивые чувства. В разговорах и спорах в своем кругу мы пытались найти ответы на волновавшие нас вопросы, но не находили их. С фронтов поступали неутешительные вести, что угнетало вдвойне. Мы же продолжали вышагивать по несколько часов в день.

Наконец от шагистики мы перешли к стрельбам из берданок. Это приносило некоторое удовлетворение. Но наибольший интерес вызвали полевые занятия. Находиться в разведке, в боевом охранении, в сторожевой или в походной заставе было удовольствием. Особенно охотно все шли в «секрет». Здесь можно было и выспаться, и помечтать, и вспомнить свой дом, родных, друзей.

В июле мы приняли присягу. Было воскресенье. Сначала нас повели в церковь. Там пел хор, быком ревел протодьякон. Они славили «благочестивого императора Николая». Зрелище было малоутешительное.

Пришли из церкви. Снова построение. Начальник учебной команды начал читать текст, курсанты за ним повторяли. Затем появился командир полка. Поздравил нас, произнес речь. Потом опять шагистика, нечто вроде парада. Командир полка громко кричал: «Молодцы, братцы!» или «Молодцы, орлы!» Курсанты неистово орали: «Рады стараться, ваше высокоблагородие!»

После этого нас стали назначать дублерами дежурных по команде, по кухне, по лазарету. На занятиях солдаты начали выступать в роли командиров. Одни быстро входили в свою роль, другим это давалось труднее. Курсанты мужали, чувствовали себя все увереннее.

Однажды во время построения, после того, как прозвучала команда «смирно», мне на нос села оса. Я потрянул головой, чтобы сбросить ее. Не получилось. Тогда я решил убрать осу левой рукой, так как в правой держал винтовку. Начальник команды это заметил. Тут же раздался грозный окрик:

— Прапорщик Глушков! Родина на два часа под ружье!

Прапорщик вытянулся в струнку и отчеканил:

— Слушаюсь!

Потом меня вызвал командир взвода.

— Почему шарлатанил в строю?

Я объяснил, что мне на нос села оса и я просто хотел ее смахнуть рукой.

— Она могла меня укусить,— добавил я.

— Хотя бы она нос тебе отгрызла, ты не имеешь права шевелиться после команды «смирно».

— Я не знал. Больше не буду.

— Марш под ружье!

Стоять на вытяжку по команде «смирно» и держать на плече винтовку нелегко. Начал хитрить. Попеременно ослаблял то одну, то вторую ногу, а угол приклада поставил на ребро пояса, закрыв его рукой. К счастью, этой широкоизвестной хитрости не заметили. А может, заметили, да учли, что я наказан впервые.

— Смотри, оса в нос залезет! Слизни ее языком,— издевался надо мной унтер.

— Если бы у меня был такой длинный язык, как у тебя,— думалось мне, но произнести эту фразу вслух я боялся.

Нравилось мне идти по Владимиру с песней. Четкий строевой шаг, хороший запевала. Стоит, бывало, грянуть:

Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, Москва, спаленная пожаром...—

и горожане начинали хлопать калитками, открывать окна, выходить на улицу. Улыбки женщин и девушек, их радостные возгласы «Молодцы!», «Ай да ребята!» действовали на солдат мгновенно. Они старались шагать и петь еще лучше. За «Бородино» следовали «Вейтесь, соколы, орлами!», «Во кузнице» и другие песни.

Пришла пора и мне дежурить по учебной команде. Я видел, что командир отделения и помощник командира взвода заволновались.

Перед дежурством я прошел инструктаж и ответил на множество вопросов. Тех, кто слабо знал свои обязанности, отсылали назад. Это потом отражалось в рапорте командиру полка. Тот в свою очередь реагировал приказом, в котором содержались выводы по адресу командиров рот. Последние в долгу не оставались и строго взыскивали с фельдфебелей и взводных. А солдата ожидал уже настоящий разнос.

Развод производил подпоручик Славин. Мне было приятно встретиться с ним. Я знал, что он дважды наводил справки у командира взвода о моей успеваемо-

сти и дисциплинированности. А теперь я собственной персоной стоял перед ним и ожидал, когда он начнет задавать вопросы.

Но вопросов, касающихся моих служебных обязанностей, не последовало. Подпоручик Славин первым делом запустил руку за мой ремень и сказал:

— Из шестой роты?

— Так точно!

— Хорошо, я приду на ваше дежурство,— он вынул руку из-за пояса, еще раз осмотрел меня и двинулся вдоль строя дальше. Я сильно жалел, что он ничего у меня не спросил. Ведь это было мое первое дежурство. Я так усердно готовился!

Успокаивало, что подпоручик обещал прийти. Но в какое время, трудно было угадать. Сначала я полагал, что он придет после развода, потом ждал его к вечерней поверке. Но Славин появился примерно во втором часу ночи. Все уже спали. Громко в это время не отпартикуешь, команды «смирно» не подашь. А так хотелось щегольнуть!

Пришлось разговаривать вполголоса. Офицер обошел спальные помещения, проверил, как сложено обмундирование, как несут службу дневальные, и потребовал журнал, в котором делаются записи о проверках. В канцелярии он положил его перед собой и закурил.

— Вы знаете, что после учебы вернетесь в свою роту? — спросил подпоручик.

— Так точно, знаю.

— Лучших унтер-офицеров мы оставляем в кадрах. У вас есть все данные. Как вы смотрите на это?

— Хотел бы на фронт,— сказал я.

Славин глубоко затянулся, задумался.

— Война — жестокое и бессмысленное уничтожение людей,— вымолвил он тихо, как бы про себя.

— Вы говорили, что можем встретиться на фронте,— продолжил я.

— Это весьма просто,— сказал он,— Однако многое надо обдумать. Ох, как много! Война не бесконечна. Она вступила в свой решающий период.

Подпоручик подвинул к себе журнал, сделал какую-то запись и встал.

— Ну, хорошо. Поживем, увидим. Желаю вам хорошо закончить дежурство.

Я проводил его до выхода, вернулся и посмотрел

запись в журнале. Там указывалось, что в учебной команде найден образцовый порядок, а дежурный и дневальные свои обязанности знают и выполняют хорошо.

Наступило утро. Начала одолевать усталость от бессонной ночи. Однако я бодрился. Вот, наконец, запел полковой горн. Подаю команду: «Подъем!» Дневальные ее повторяют. Жизнь пошла своей обычной колеей.

Пришел подпрапорщик, заслушал мой рапорт, посмотрел журнал приема и сдачи дежурства.

— Молодец, не подвел,— похвалил он.

В конце сентября из полка отправляли несколько маршевых рот. Уезжал на фронт мой друг Павел Родин. И здесь мы вдруг обнаружили, что в маршевой роте находится поручик Славин (ему присвоили новое звание). У солдат возникла мысль организовать его проводы.

На вокзал пришло человек тридцать. Мы быстро нашли Славина, выстроились перед вагоном. Я командовал «смирно» и подошел к нему.

— Ваше благородие, солдаты шестой роты в количестве тридцати человек по случаю ваших проводов построены!

Поручик был растроган до слез.

— Спасибо, братцы,— тихо вымолвил он.— Я всегда верил в доброе сердце нашего народа.— Он подошел ко мне и еще тише сказал:— Мой адрес узнаете у фельдфебеля шестой роты. До свидания! Спасибо вам!

Горнист протрубил сбор, паровоз дал гудок, эшелон отправился.

Утром меня вызвали к начальнику учебной команды.

— Для чего устроили эту демонстрацию? Многие офицеры уезжали на фронт, и прекрасно обходились без этих... ваших чувств. Кому они нужны! — со злостью сказал капитан.

— Мы находилсь в увольнении, в городе.

— Не рассуждать! Не думайте, что вы своей дурацкой выходкой осчастливили поручика Славина.

— Чем могли, ваше благородие,— попытался я возразить.

— Молчать! Не то прикажу поставить под ружье с полной выкладкой. Убирайся вон! — раздраженно бросил капитан.

Другим участникам проводов тоже пришлось «объяс-

няться». Всех вызывали по одному и каждому читали «мораль». Нас, солдат, этот случай сблизил еще больше.

Незаметно подошла пора выпуска. На дворе стоял октябрь, начинались холода. 17-го числа нам зачитали приказ. Мне присваивалось звание младшего унтер-офицера.

В конце октября нас обмундировали по-зимнему и посадили в железнодорожные вагоны. Перед отъездом я зашел к фельдфебелю и узнал, что поручик Славин на Западном фронте, командует ротой в 55-й пехотной дивизии, в 218-м Горбатовском полку.

На тот же фронт поехали и мы.

Глава четвертая

В ОКОПАХ

Но ехали мы в полном смысле этого слова только до Брянска. Дальше поезд тащился, как черепаха, потому что на станциях образовывались скопления воинских эшелонов и приходилось стоять сутками.

Поскольку офицеры располагались в отдельном вагоне, среди солдат складывалась атмосфера все большего взаимного доверия и откровенности. Поезда с ранеными, искалеченными людьми, которые попадались нам навстречу довольно часто, порождали у нас желание высказать свои соображения о войне. Сначала говорили осторожно, намеками, как бы проверяя друг друга. Постепенно взаимная боязнь растворялась общностью интересов, одинаковыми выводами, смысл которых заключался в одних и тех же вопросах:

— За что воевать? Кому нужна эта война?

— Нет, ты посмотри, кто воюет? — горячился Петр Овчинников, владимирский булочник. — Ты посмотри, кого калечат и убивают? Только трудовой народ, рабочих да крестьян. А барские сынки отсиживаются в тылу.

— У них мощна, полная денег. Вот и откупаются, — вторил Овчинникову другой солдат. — А у тебя что? Одни мозоли.

— Ранненкампфа — немца поставили командовать нашими солдатами. Это что же такое, а? Предательство?

— Я, как из лазарета уходил, слышал, что генерал Сухомлинов, военный министр, и какой-то полковник Мясоедов будто бы продавали наших солдат оптом и в розницу.

— Слушай, Расскажи, как это было? Где? — посыпались вопросы.

— А я почему знаю, где это было, — буркнул фронтовик.

— Теперь много разных слухов ходит. Не поймешь, где правда, а где брехня.

— Живешь, как в потемках ходишь.

— Надо кончать эту войну, — неожиданно бросил кто-то.

— Как же кончать, если ты ее еще не начинал?

— Дозвольте мне сказать, — приподнял голову солдат, на груди которого серебром поблескивала медаль. — Я думаю так. Эта война ничего кроме разорения не принесет. Я уже был там, — он махнул рукой в сторону фронта. — Понюхал пороху, кое-что посмотрел.

— Правильно!

— На черта она нам сдалась! — зашумели в вагоне. Разговор приобрел острый характер и вышел за рамки дозволенного. Во избежание неприятностей его следовало перевести в другое русло.

— Что бы вы ни говорили, а мы едем на фронт. Значит, воевать придется и нам, — уныло проговорил щуплый солдат с рябоватым лицом. Я уцепился за его мысль и сказал:

— Фронтвикам будет интересно услышать от нас, что делается в тылу.

Но моя реплика только подлила масла в огонь.

— Расскажем! Они небось не знают, что голод начался.

— В Костроме прошлым летом демонстрацию расстреляли.

— Это и у нас в Иваново-Вознесенске было.

— Говорят, наш царь у французского взял в долг восемь миллиардов рублей. Чтоб ему...

У дверей вагона появился офицер. Он уловил, что солдаты затеяли «крамольный» разговор.

— И вы спокойно слушаете, что какой-то негодяй поносит Его Императорское Величество?! — набросился он на меня.

— Это ж он про Вильгельма толковал.

— Про немецкого, не про нашего,— заговорили солдаты.

— Молчать!

— Правда, ваше благородие,— продолжали солдаты.— Это мы промежду собой Вильгельма ругали.

— Вильгельма? — переспросил офицер, сбитый с толку.— Гм... Гммм... Я уже слышал такие выражения. Они относились к нашему...

— Никак нет, ваше благородие! — вытянулся в струнку фронтовик с медалью. Его бравый вид, боевая награда окончательно повернули ход мыслей офицера в другую сторону.

— Попрошу навести порядок,— обратился он ко мне.— В вашем вагоне слишком шумно.

Я поднял руку, давая солдатам понять, что разговор окончен и невольно подумал, что в 1914 году против войны говорили очень осторожно. А сейчас о ее бесцельности и никчемности говорят открыто даже молодые, еще не обстрелянные. Но как бы то ни было, а ехали мы на войну.

На крупных железнодорожных станциях и во время длительных стоянок вагоны поезда обходил начальник эшелона — энергичный, быстрый в движениях капитан. Он собирал данные о наличии солдат, спрашивал, нет ли больных или отставших, подсказывал, где набрать кипятку, и предупреждал, чтобы из вагона не выходили. Но его предупреждения не действовали. Солдат неудержимо влекло к другим воинским эшелонам — поискать земляков или поговорить с теми, кто ехал с фронта.

Звучал, наконец, горн. Эшелон уходил на запад, все ближе к линии огня. Мелькали могилевские, бобруйские, минские деревни, очень похожие на наши орловские. Покосившиеся хатенки, крытые соломой. Бедные, плохо одетые люди. Изможденные, голодные ребяташки. Мужчин почти не видно. Печать войны...

Затемненный Минск проскочили без остановки. Двинулись в направлении Барановичей. В три часа ночи остановились на станции Городея. Начинался новый день 3 ноября, а с ним и другая, нам пока неизвестная фронтовая жизнь.

Несмотря на ранний час, нас встретили горячим завтраком и чаем с ржаными сухарями. На станции уже находились офицеры из 217-го Скопинского, 218-го Горбатовского и 219-го Котельнического полков 55-й

пехотной дивизии. Эти полки в летних наступательных боях понесли серьезные потери и теперь нуждались в пополнении.

Тем временем порожние вагоны заполнялись ранеными. При взгляде на них в душу закрадывалась тревога, трудно было побороть гнетущее чувство. Снова и снова все явственней проступала бессмысленность войны, та жестокость, с которой она калечила людей, вчерашних крестьянских парней, таких, как я, как мой земляк Павел Родин, как миллионы других.

От станции разгрузки в места расположения полков мы направились проселочными, почти непроезжими дорогами. Шел дождь, ноги вязли в грязи, идти становилось все тяжелее.

Шли молча, жадно всматриваясь в окружающую обстановку. Деревни были набиты войсками, а леса изрыты окопами и траншеями. Там и здесь тащились обозы, переругивались солдаты, временами тянулись легко раненые, кляня в бога-душу-мать все на свете.

Я попал в 219-й Котельнический полк, в третий батальон, который находился в резерве в семи верстах от передовой и должен был через пять дней сменить другой батальон этого же полка. Меня поставили командовать отделением в восьмой роте, командиром которой был капитан Романовский, вышесреднего роста, лет сорока. Франтоватый, всегда подтянутый и чисто выбритый, с холеными усами, он был вежлив, предупредителен, но требователен. Георгиевский крест свидетельствовал о том, что капитан не из робкого десятка.

С ним мне пришлось столкнуться уже на второй день, после того, как я заступил дежурным по роте. Вместе со «старым» дежурным мы пошли к Романовскому докладывать о приеме и сдаче дежурства, но его в своей землянке не оказалось. Мы остановились метрах в десяти от нее. Смотрим, идет ротный командир.

— Ваше благородие...— шагнул навстречу ему мой напарник. Но в это время появился немецкий самолет. Капитан посмотрел вверх, но остался на месте. Напарник тоже глянул вверх и... запнулся. Мне показалось, что он закончил. Я бросил руку к виску и начал докладывать. А от самолета отделилась черная точка и стремительно полетела к земле.

— Ложись! Бомба!—крикнул ротный, падая под дерево. Ничего не поняв, я стоял с раскрытым ртом.

Гроыхнул взрыв, к счастью, от нас далеко. Самолет улетел.

— Ну что стоишь столбом? — Романовский встал и принялся отряхивать с себя землю. — Еще не кушал такого пирога?

— Никак нет, — ответил я.

— Покушаешь, умнее станешь. Можете идти. Репорт принят.

Четыре дня пролетели незаметно. На пятый с наступлением темноты пошли на передовую. Нас встретили проводники и указали дорогу на позиции. И вот мы в окопах первой линии. Изредка взлетают ракеты, освещая все вокруг мертвенно бледным светом. Впереди видны проволочные заграждения. Это уже фронт, война.

Командир взвода Гріднев водил меня по ходам сообщения, рассказывал о поведении противника, об особенностях данного участка, о порядке питания людей... Однажды мы зашли на наблюдательный пункт артиллеристов и долго рассматривали позиции немцев через стереотрубу. Постепенно у меня сложилось полное представление о районах обороны своего взвода, роты, батальона, а также о расположении противника, размещении его огневых средств, заграждений. Все это я сообщал солдатам отделения. Их было двенадцать человек разных национальностей — два татарина, поляк, латыш, белорус, остальные русские, среди которых заметно выделялся москвич Володя Ганин. Постепенно они все глубже усваивали особенности позиционной войны, но не только это.

В нашей роте проходил службу вольноопределяющийся Картышев, бывший землемер, примерно лет тридцати с небольшим. Уже в первые дни я обратил внимание, что мои солдаты испытывают желание поговорить с Картышевым, тянутся к нему. Один из них, белорус Крюковский как-то заметил:

— Что-то не заходит к нам вольноопределяющийся. Хоть бы рассказал, что на белом свете творится.

Я был с Картышевым еще плохо знаком и разговоров с ним сторонился. Но потом набрался смелости и, повстречав его, сказал, что солдаты хотели бы послушать от него, что «на белом свете творится».

— А что хотели бы они услышать? — прощупывая меня зорким взглядом, спросил Картышев.

— Скоро ли кончится война? Когда будем отпущены домой? Как будут обходиться семьи, которые потеряли кормильцев?

— О! Многие хотят знать солдаты! — улыбнулся он. — На все вопросы, пожалуй, не сразу ответишь. Ведь у меня нет связей ни с военным министерством, ни с министерством иностранных дел, ни с хотя бы Государственной думой.

Было видно, что он хитрит, проверяет.

— Впрочем, что творится в России, вы, наверное, знаете не хуже меня, — продолжал Картышев после небольшой паузы. — Ведь вы недавно оттуда. Еще, как говорится, впечатления свежи. Не правда ли?

— Да как сказать, — пожал я плечами. — О том же солдатам и из дома пишут.

— Писать-то пишут, а читают они ту правду? Нет. Цензура ее оставляет у себя. Очень многие еще не знают, что в стране проходят мощные забастовки рабочих, что свирепствует голод и повсюду колоссальные очереди за продуктами... Вы-то видели это?

— Приходилось.

— Вот и расскажите солдатам. Узнаете, что думают люди, о чем говорят, что их волнует.

— Я только прибыл, народ плохо знаю.

— Ничего. Раз-другой поговорите, узнаете лучше. А будет у меня свободное время, постараюсь зайти. — Картышев откозырял и удалился.

В два часа ночи началась сильная стрельба. Активно действовала пулеметная команда, била наша артиллерия. Немцы ответили ураганным огнем и осветили поле прожекторами и ракетами. Оказалось, что по соседству предприняли ночной поиск с целью взять «языка». Противник подумал, что мы перешли в наступление. Но стало светать, и перестрелка затихла.

Днем мы узнали, что наших разведчиков обнаружили на подходе к проволочному заграждению. Они вернулись ни с чем. Двое были убиты и пятеро ранены на нейтральной полосе, еще одиннадцать человек, среди которых оказалось трое убитых, попали под вражеский огонь уже в полосе своей обороны. Солдаты бурно обсуждали происшедшее.

— Зачем полезли? Как следует не подготовились, на «ура» хотели взять.

— Сидели бы спокойно. Нет, «язык» понадобился!

— Из-за этого «языка» сразу пять голов слетело.

— Пять вдов прибавилось да шестнадцать калек,— слышались негодующие возгласы.

С каждым днем становилось все холоднее. Наступала зима с ее леденящим дыханием. Люди недосыпали и недоедали, не раздевались и подолгу не бывали в бане. Все это грозило обратиться истощением, болезнями, оказывало пагубное влияние на моральное состояние солдат. Офицеры будто не замечали ничего. Целые дни они проводили за игрой в карты и без зазрения совести пьянствовали. Их влияние на солдат падало день ото дня. Армия разваливалась на глазах.

— Вот здесь среди вас,— говорил однажды Картышев,— есть живые участники и свидетели наступления в районе Барановичей. Вы знаете, что это наступление окончилось провалом. Правильно?

— Гнали, как баранов на бойню.

— Мы его на «ура», а он нас из пулеметов.

— А вам известно,— продолжал Картышев,— что все три полка нашей дивизии были выбиты наполовину. Теперь вот пополнение пришло,— он кивнул в мою сторону.— Что его ожидает? Та же участь— сложить голову или на всю жизнь остаться калеккой. И за что? Да ни за что. А может, у вас была своя крупорушка или мельница? — спросил он меня неожиданно.— Может, вы имели тыщонку десятин земли, батраков?

Я покраснел до корней волос. Солдаты заулыбались, слышались реплики.

— У него конный завод свой. Орловских рысаков разводил.

— И здесь это занятие не бросил. Вот посидит в окопах месяц-другой, таких «рысаков» разведет, что не обчешется.

— Это я, конечно, пошутил,— Картышев повернулся в мою сторону, как бы извиняясь.— Но воевать за крупорушки, мельницы, заводы, фабрики, которые принадлежат не вам— глупое занятие. Надо сделать их собственностью народа. Надо всем внимательно следить за тем, что происходит в Москве, в Петрограде и в других местах нашей страны, каждому определить свое отношение к этим событиям и идти вместе с народом. Попрошу каждого серьезно подумать, но не над тем, чтобы бросить винтовку и без оглядки мчаться домой, а чтобы еще крепче держать ее в руках.

Этого потребует строительство новой жизни. Ну, мне пора,—Картышев посмотрел на часы и пошел к выходу. Я решил его проводить.

— Вы не обиделись, что я поставил вас в неловкое положение? — спросил он, шагая рядом.

— Из-за чего обижаться-то? Солдаты знают, кто я.

— Я на это и рассчитывал.

Меня подмывало спросить о поручике Славине, но я сдерживался, не находя удобного момента.

— Сейчас бы в Петроград или в Москву! — проговорил он мечтательно. — Какие там дела разворачиваются! Вам не приходилось бывать в Петрограде?

— Нет, не был.

— Чудесный город! А в Москве?

— Немного жил. На заводе Гужона работал.

— Неужели? — он остановился и пристально посмотрел на меня. — А я и не предполагал. Оттуда и в армию призвали?

— Да. Во Владимир оттуда уехал.

— Очевидно, и в Москве и во Владимире у вас были интересные знакомые? — Картышев с тем же пристальным вниманием глянул мне в лицо.

— Без знакомых оно как-то и жить неинтересно, — ответил я уклончиво. — Во Владимире у нас был поручик Славин. Не знали такого? Он тоже был направлен сюда.

— Славин? — переспросил он быстро.

— Так точно, господин...

— Меня зовут Виктор Михайлович, — Картышев взял меня под руку. — Называйте по имени-отчеству. Славина я знал, и неплохо. Не раз встречался с ним, о многом говорил. Умный был человек.

— Он отсюда уехал?

— Он был тяжело ранен и здесь умер. Умный был человек! — повторил Картышев. — Но полностью себя не раскрыл. Не смог.

Наконец нас отвели с передовой — на отдых. Трудно передать, с каким наслаждением мылись мы в неказистой прифронтовой бане, брили друг друга остро отточенными ножами, сделанными из косы. С каким удовольствием бросали грязное, зашивленное белье и влезали хоть не в новое, но в чистое!

После нескольких дней отдыха начались учения. Говорили, что теперь, оценивая уроки войны, следует

внедрять новую систему боевых порядков, новые формы боя. Только никакой новизны солдаты не видели. В заключительный день учений командир полка сделал разбор занятий. Раздраженный и неуравновешенный, он ничего путного не сказал, ругал всех за медлительность и вялость, за неумение правильно воспринимать сигналы и еще за многое. Солдаты, отдохнувшие и многое за эти дни передумавшие, реагировали на ругань довольно остро.

— Кормить надо лучше, тогда и бегать будем быстрее.

— Хватит! Пусть поищет рысаков в другом месте.

— Сам к бабе под теплое одеяло, а нас в окоп под пули,— слышались возмущенные голоса после того, как командир полка уехал, и мы вновь направились на передовую.

Участок нашей обороны лишь считался обжитым. Холодные, занесенные снегом окопы, блиндажи, ходы сообщения и укрытия плохо спасали от огня вражеской артиллерии, пулеметов, снайперов. Каждый день мы несли потери, обрастали пярзью, вшами, недоедали и недосыпали... И опять надеялись на скорую смену.

Как-то утром меня вызвал фельдфебель роты Дружинин.

— Ну как спалось? Ничего во сне не видел?

— Нет,— сказал я.

— Не в предков ты пошел. Все изменения в жизни они сначала обязательно во сне видели. А тебе должность командира взвода даже не приснилась.

— Не понимаю.

— А чего тут понимать? Принимай взвод от Гриднева. Он назначен в девятую роту фельдфебелем, а ты на его место.

— Жаль уходить из взвода,— сказал при встрече Гриднев.— Привык к своим ребятам. А ты, вижу, оробел? Не бойся, привыкнешь. Ты молодой, у тебя все впереди. Принимай взвод и команду!

Легко сказать — команду. Все-таки взвод — это не отделение, а вчетверо большее количество солдат. Я думал: одной только силой данной тебе власти их можно заставить слепо повиноваться и следовать уставу. Но так никогда не добиться их расположения, не войти в круг их интересов, дум и чаяний. Нет, тут нужен солидный опыт. А у меня его не было и я побаивался, как бы это

не оттолкнуло от меня людей и не обособило от них. Но несмотря на все беспокойства, сомнения и волнения, взвод я все-таки принял. Через несколько дней меня произвели в старшие унтер-офицеры.

В середине декабря (приближался 1917 год) меня пригласил командир роты Романовский. Когда я пришел в его землянку, там находился прапорщик Сомов. К этому времени на нашем участке фронта, как и на других, охота за «языком» приняла прямо-таки эпидемический характер.

Среди офицеров разговоры шли только об одном — как взять «языка». Почти каждый расхваливал свой вариант, хвастался оригинальностью и выставлял напоказ свою фальшивую доблесть. Все это напоминало карточную игру, захватившую игроков настолько, что они уже утратили чувство реального и ставят на банк все, что взбредет на ум, вплоть до своих жен. Во власти такой заразы оказался и прапорщик Сомов. Это я увидел, как только перешагнул порог землянки.

— Садись и слушай,— глазами показал мне капитан Романовский. Я робко присел на краешек грубо сколоченной табуретки и очутился за одним столом с офицерами. Если мне оказали такое внимание, подумал я, значит, затевается что-то особо серьезное. Просто так за один стол господа офицеры не сажали. Низших чинов они держали на расстоянии.

— Я считаю, что фортуна улыбнется нам именно на этом участке,— прапорщик сунул огрызком карандаша в разложенную на столе карту.— Мне представляется, что именно здесь мы добьемся успеха и покажем другим, как надо брать «языка».

— Согласен, что объектом должна быть вот эта землянка,— командир роты указал на синий квадратик.— Но что в ней находится, мы пока не знаем. Я от предположений воздерживаюсь. Вот этот пункт, как установлено наблюдением, не что иное, как тропинка к проволочному заграждению...

— Но она вот здесь, у третьей полосы заграждения, обрывается,— произнес прапорщик.

— Почему, как думаете?

— Я от предположений тоже воздержусь,— ответил Сомов.

— Эта тропинка и дальше не просматривается,— продолжая вести пальцем по карте, говорил ротный.—

Короче, здесь много неясного. Это и есть условие задачи, которую следует решить вашему взводу.— Романовский повернулся в мою сторону. Я встал, чтобы ответить.

— Думаю, что там, где тропа обрывается, немцы ставят ночные посты. Они у них парные, двусменные. Четверо на посту, а четверо и капрал пятый—в землянке, отдыхают. Но это требует проверки и уточнения.

— Мы затем вас и пригласили,— заметил прапорщик.

— Сколько на это нужно времени? Дней пять хватит?— спросил ротный.

— Не могу знать. Для меня это дело новое,— чисто-сердечно признался я.

— Пора бы уже не так отвечать,— опять вступил в разговор Сомов.— Вы уже старший унтер-офицер, поставлены командовать взводом. Это вам не в деревне волам хвосты крутить!

Я промолчал.

— Таким образом, вам дается пять дней на подготовку,— сказал капитан и повернулся к прапорщику.— Схему примем ту, о которой мы с вами говорили.

Сомов встал, сунул руку в карман брюк, прошел до двери, вернулся к столу.

— Да, конечно,— бросил он напыщенно.— Считаю, что эта схема наиболее совершенная. Поверьте, наш успех явится приятным сюрпризом командиру дивизии.

— Для круглосуточного наблюдения выделите семь человек,— продолжал Романовский.— Восемь человек войдут в группу захвата и семь—в группу прикрытия. Трех хватит для выноса раненых. Всего двадцать пять человек. Вы—двадцать шестой. От нарядов освобождаетесь. О результатах докладывайте мне в конце каждого дня. Можете идти.

На дороге мне встретился Картышев.

— Здравствуйте! Почему невеселы? Что случилось?

— Получил задание взять «языка».

— А-а,— понимающе протянул он.— Сейчас этим все заражены. Ну, а как вы мыслите выполнить задание?

— Да не успел еще обмозговать.

— Вот что я вам скажу,— Картышев взял меня под руку.— Прапорщик сам напросился, знаю точно, сам слышал. Но он будет в роли наблюдателя. Хочет проверить свою схему. Поэтому главная задача—сохранить

людей. На вас ляжет ответственность за потери солдат. А сами-то вы не боитесь?

— Нет, сам не боюсь. Но я пошел бы за «языком» с добровольцами.

— Охотников теперь не найдешь. Прошли те времена. Народ все больше понимает, что этой бойне пора положить конец. И случится это довольно скоро. Так будьте осторожны, прошу вас.

Мы разошлись. Я все-таки решил поступить по-своему — выявить добровольцев. Но землянки, где можно было бы собрать взвод, у нас не было. Пришлось ходить от солдата к солдату. Мои вопросы встречали гробовым молчанием. Лишь двое изъявили желание идти в поиск. Остальных подбирали с командирами отделений. Выбирали холостяков и малосемейных.

Через несколько дней получили план действий, составленный прапорщиком Сомовым, и приступили к его выполнению. Сначала вели наблюдение. Установили места размещения постов противника, время их смены, определили огневые точки, наметили маршруты движения, условные сигналы, порядок отхода.

Нападать решили ночью, огонь открывать только по сигналу — две красные ракеты. Меня поставили во главе группы захвата и вооружили ножницами для резания проволоки. Прапорщик, руководивший операцией, оставался с группой прикрытия. Его указания должны были передаваться по цепочке солдат.

Темной декабрьской ночью разведчики заняли исходный рубеж — залегли в воронках, густо занесенных снегом. Мороз крепчал, к полуночи он достиг примерно двадцати пяти градусов и начал как следует пробираться. Лежать на снегу без движения, соблюдая все правила предосторожности и маскировки, становилось все труднее. Но солдаты ничем не выдавали своего присутствия.

После двенадцати ночи мы двинулись к первой полосе проволочного заграждения и начали орудовать ножницами. Действовать приходилось осторожно, потому что на проволоке были подвешены пустые консервные банки, каждая из которых могла в любую секунду загреметь. Минут через двадцать — тридцать проход был готов.

Мы подползли ко второй полосе заграждения и снова пустили в работу ножницы. Вокруг стояла ти-

шина, гнетущая, подозрительная. Мороз обжигал лицо и руки, останавливал дыхание. Однако наше внимание было сосредоточено на том, чтобы бесшумно проделать проход.

Внезапно дверь землянки открылась и перед нами очутилось пятеро немцев. Куда они направлялись? Почему именно в это время? На смену? Но по нашим расчетам сейчас смены не должно было быть. Тогда в чем же дело? Я терялся в догадках и сообщил прапорщику. Тот ничего не ответил. Видимо, его план не предусматривал внезапного появления противника. Сомов явно растерялся.

Несколько минут немцы стояли в полный рост, о чем-то переговариваясь, и показывали руками в нашу сторону. Мы, конечно, могли открыть по ним огонь и перебить всех до одного. Но нам нужен был «язык». Броситься за ним мешала третья полоса проволочного заграждения.

Напряжение нарастало с каждой секундой. Прапорщик не давал никакой команды, может быть, полагая, что немцы уйдут, а мы продолжим операцию. Однако немцы залегли и открыли огонь. Над нами засвистели пули, взмыли ракеты. Из глубины вражеских укреплений вспыхнул луч прожектора. Стало ясно, что дальше мы не продвинемся ни на шаг. Нужно было немедленно выползти из-за проволочного заграждения, пока не ударила вражеская артиллерия и не уничтожила всю нашу группу. Я дал команду отходить.

Наша артиллерия накрыла огнем передний край немцев, что дало нам возможность выползти из-за проволочного заграждения. Немцы тоже усилили обстрел. Два наших солдата были ранены. Им тут же сделали перевязку.

Перестрелка длилась долго. После трех часов утра она стала ослабевать и вскоре затихла. Все вернулись на свои позиции. Потерь, не считая двух легкораненых, не было. Но прапорщик был недоволен. Он поносил разведчиков на чем свет стоит, не стесняясь самых похабных выражений. Он не понимал, что причиной неудачи явился его непродуманный план операции, многое не учитывавший, слишком прямолинейный, принятый к исполнению чересчур легко и просто.

Прапорщик готов был считать нас виновниками всего — и того, что усилился мороз, и что из-за этого нем-

цы стали менять посты не через два часа, как было до того, а через час... А между прочим, ему на это указывали и предлагали предусмотреть несколько вариантов захвата «языка».

— Рад вас видеть здоровым и невредимым,—весело заметил Картышев на другой день.—Хорошо, что все благополучно обошлось. А могло обернуться по-другому.

— Сомов давал полную гарантию успеха. Но теперь все валит на нас,—сказал я.

— Надеюсь, вас не огорчает, что прапорщику не удалось шагнуть к славе через ваши трупы? Правда? А что он винит во всем солдат, я знаю. Меня приглашал командир роты на разбор этой «гарантированной» операции. Романовский понимает, что в неудаче есть и его вина, поэтому постарается не предавать это дело широкой огласке.

В первых числах января 1917 года наш полк сняли с передовой и пешим порядком направили в другой район. Сто сорок верст мы прошли менее чем за четыре дня и остановились в местечке Крево, в сорока верстах от Молодечно. Это был тяжелый переход. В полку оказалось около двухсот человек обмороженных, почти пятьдесят солдат замерзло совсем. Полуголодные, предельно уставшие, мы буквально валились с ног. На улице властвовала зима, а разместить людей в домах, казалось, не было никакой возможности—все было занято солдатами других воинских частей. После долгой перебранки между командирами частей было все же решено потесниться, чтобы дать нашим людям возможность отдохнуть под крышей.

Но это оказалось не так просто. В некоторых домах нам совсем не открыли дверей, другие были заполнены до отказа. Приходилось довольствоваться нетоплеными горницами, располагаться в сенях, в сараях. Это было все же лучше, чем под открытым небом, на снегу. С большим трудом взвод наконец был размещен, и я облегченно вздохнул, устроившись, как обычно, с первым отделением.

Среди ночи трое солдат, спавших сидя, прислонившись к стене, попросили разрешения перейти в нетопленную горницу. Хозяин сначала не давал ключ, говоря, что там холодно и солдаты могут простудиться, но потом махнул рукой. В горнице лежала куча грязного

белья, подготовленного для отправки в стирку. Рядовой Потапов посчитал, что ему повезло и, будучи сильно уставшим, зарылся в эту кучу и заснул.

На какое-то время установилась тишина, нарушаемая богатырским храпом или бессвязной речью тех, кто разговаривает во сне. Я тоже заснул. Слышу, кто-то толкает меня в плечо. Открываю глаза, спрашиваю, в чем дело.

— Нашего Потапова покусали, — тихо, почти шепотом говорит солдат.

Я не удивился. Потапов был нечист на руку. Случалось, что он лазил по погребам, воровал кур, гусей. Я подумал, что он опять взялся за свое и его покусали собаки.

— Где он попался? — спрашиваю солдата, а сам думаю, что опять придется извиняться перед хозяином и объясняться перед командиром роты, а может, батальона или полка, если им станет известно о безобразном поступке.

— Да нигде. Он здесь, в горнице.

У хозяина нашелся фонарь. Зажгли его, пошли в горницу. Открыли дверь и обомлели от ужаса. Потапов с ног до головы был усеян вшами. Кишащей, грязно-желтой массой они ползали по нему во всех направлениях. Пришлось поднимать еще троих. Двух послал на кухню за горячей водой, татарину Низмутдинову — нашему парикмахеру — приказал подготовить нож, чтобы побрить Потапова. В доме отыскали корыто. Потапов вымылся, побрился. Я дал ему пару чистого белья и упросил хозяина положить солдата на печке.

В рождественские дни мы вышли западнее Молодечно и заняли оборону. Снова потекли нелегкие фронтовые будни: добыча «языков», разведки боем...

Питание ухудшалось день ото дня. Хлеб стали заменять заплесневевшими сухарями. Соленая рыба, чечевичный суп всем надоели. Люди страдали от цинги, «куриной слепоты», других болезней, их досаждали чирьи. Участились случаи воровства. Усилилось дезертирство.

К середине февраля из большевистских листовок, получивших в полку широкое распространение, стало известно, что в Москве, Петрограде и в других местах России, Украины, Белоруссии под лозунгами «Долой войну!», «Долой самодержавие!», «Да здравствует

Республика!» проходят мощные забастовки, демонстрации рабочих и крестьян.

Монархически настроенное офицерство, осведомленное о том, что происходит в стране, попыталось удержать контроль над солдатами. Были усилены репрессивные меры, введены беседы о патриотизме, о необходимости «обороны отечества», «защиты царя и православной веры».

Но нарастающий шквал революции уже ничем нельзя было остановить.

Глава пятая

РЕВОЛЮЦИЯ

В конце февраля нам стало известно, что в Петрограде победило восстание рабочих и солдат, вслед за которым следует революционный переворот по всей стране и повсеместно создаются Советы рабочих и солдатских депутатов. Указывалось, что Советы упраздняют полицию, организуют красногвардейские отряды, вводят восьмичасовой рабочий день и рабочий контроль над производством, что воинские гарнизоны переходят в их подчинение.

Эти сообщения поступали к нам по разным каналам. Они содержались в рассказах отпускников и раненых, которые возвращались на фронт. Но главным источником наиболее правдивой и точной информации служили листовки, выпускавшиеся Минской подпольной организацией большевиков, в которой активно работал в те дни прапорщик Александр Федорович Масникян (Мясников), большевик.

Положение в полках дивизии, в том числе и в нашем, усложнялось. Солдаты бурно реагировали на события, происходящие в стране. Офицеры — сторонники самодержавия — пытались сохранить свое влияние, любыми мерами укрепить дисциплину. Начались аресты революционно настроенных солдат, были запрещены отпуска, а также выезды в Минск и другие ближайшие города, усилена патрульная служба, отобраны патроны и гранаты. Проводились беседы о патриотизме, о про-

шлом царской армии. У нас их проводил командир батальона Глущенко, ярый монархист, приверженец самодержавия.

— Солдаты! — говорил он в одной из своих «проповедей». — Во главе нашей доблестной армии стал сам император. Он сделал это для того, чтобы обеспечить быстрый разгром врага, закончить войну и распустить вас по домам. Но сейчас мы переживаем некоторые трудности. В Петрограде и Москве, а также в армии немецкие шпионы распускают провокационные слухи, сеют смуту и призывают к непослушанию. Это пагубно отражается на дисциплине, на работе фабрик и заводов, на наших успехах здесь, на фронте. Но это временные трудности. Они будут преодолены. Мы в этом уверены. Мы надеемся, что братья по оружию наведут порядок и в тылу. Мы уверены, что и наш батальон докажет свою преданность императору и мужественно перенесет все тяготы. Да здравствует наша доблестная армия!

Подполковник ожидал, что солдаты грянут «Ура!», но они стояли молча, опустив головы. Комбат растерянно посмотрел по сторонам, остановил взгляд на группе офицеров, но те молчали, неловко переминаясь с ноги на ногу.

— Может, у кого вопросы будут? — нашелся подполковник. — Задавайте, братцы. Не стесняйтесь.

Руку поднял москвич Ганин, солдат моего взвода.

— Можно?

— Конечно! Пожалуйста, я слушаю.

— Вы сейчас говорили, что германцы хотят сделать нас рабами. А наших помещиков и капиталистов они тоже сделают рабами?

— Да. Они не исключают и владельцев собственности, — отчеканил подполковник.

— Почему же в таком случае, — продолжал Ганин, — мы не видим в окопах этих владельцев собственности? Им-то в первую очередь надо воевать. Защищать свою собственность.

По рядам прокатилось оживление.

— Видишь ли, братец, — комбат на секунду замаялся. — Ты просто плохо осведомлен. Если взять в процентном отношении, то их на фронте не меньше, чем других.

— Ого! Вот это бухнул! Что в лужу... — зашевелились солдаты, посылая едкие реплики.

— Дайте я скажу! — раздался чей-то голос и опять стало тихо. — Вы, офицеры и генералы, стоите ближе к царю. Попросили бы его замириться с германцами.

— Император лично бывает в войсках и в наших советах не нуждается.

— Э, была не была! — бросил пожилой солдат, вытягивая над головой широкую ладонь. — У меня тоже вопрос. Можно?

— Да, конечно, — подполковник нервно потряс головой.

— Вы говорите, что наши братья по оружию наведут порядок. Это что же, они будут стрелять по своим?

— Это неправильное понимание. Я не говорил, что будут стрелять по своим.

Я тоже решился задать вопрос и поднял руку.

— Разрешите?

— Слушаю! — комбат остановил на мне настороженный взгляд.

— Будут ли народу царские милости?

— О каких милостях речь?

— Крестьянам бы землю дать, а рабочему труд облегчить.

— Император, его министры социальными вопросами занимаются. Наше дело — выполнять присягу, одержать над врагом победу.

Вопросы следовали один за другим. Солдаты спрашивали, почему семьи фронтовиков-инвалидов не получают пособий, правда ли, что мы воюем за захват чужих земель, когда кончится голод и чем он вызван...

Подполковник отвечал уклончиво и невразумительно, пытаясь все свести к необходимости выполнять присягу, оборонять отечество и воевать до победы.

Неожиданно раздался звук горна — играли построение.

— Не будем нарушать распорядок дня, — быстро заключил Глущенков. — Продолжим нашу беседу в другой раз.

Солдаты побежали в строй.

— Ну молодцы ребята! — торжествовал Картышев. — Прижали его вопросами. Пусть знает, что солдат — не скотина. У него есть свои интересы, за которые он пойдет в огонь и в воду. Заметил, что Глущенкова при каждом вопросе дрожь пробирала? Пусть дрожит, царская шкура!

Потом Картышев вдруг исчез и несколько дней не появлялся. Позднее стало известно, что ему удалось найти благовидный предлог и якобы по делам роты отправиться в Минск. Мы догадывались, что вольноопределяющийся выходил на связь со своей организацией, видимо, передавал какую-то информацию, получал указания о дальнейших действиях.

В первых числах марта в дивизии начали создаваться ротные, батальонные и полковые комитеты. Собрания проходили бурно, выдвигаемые кандидатуры утверждались после длительного и разностороннего обсуждения.

В нашей роте в комитет избрали пять человек: по одному от каждого взвода — от солдат, и одного — от офицеров. Первоначально офицеры выставили кандидатуру прапорщика Сомова. Солдаты категорически заявили, что не допустят в комитет карьериста. После долгих дебатов в комитет избрали командира роты Романовского, а от солдат — меня, старшего унтер-офицера Галактионова, москвича, в прошлом рабочего, и еще двоих. Несколькими днями позже я был избран также в батальонный и полковой комитеты.

Ротный комитет возглавил Галактионов, председателем батальонного комитета стал фельдфебель нашей роты Дружинин. Приятной неожиданностью явилось то, что Дружинин оказался большевиком и имел связи с подпольной большевистской организацией. В батальонный и полковой комитеты был избран и вольноопределяющийся Картышев. Правда, его кандидатуру пытались отвести под тем предлогом, что он якобы командировается в школу прапорщиков. Но собрание потребовало, чтобы его никуда не направляли.

Четвертого марта нам, наконец, официально объявили, что царь Николай Второй, этот российский палач и убийца, утопивший страну в крови рабочих и крестьян, отрекся от престола. Нам сообщили также, что вся полнота власти перешла в руки Временного правительства, которое поддерживает Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов (о том, что в Совете преобладали эсеры и меньшевики, сказано не было) и что армия тоже на его стороне.

Создавалось впечатление, что цель революции (и об этом усиленно трубило офицерство) достигнута — царизм сброшен. То же самое офицерство настой-

чиво старалось ограничить деятельность солдатских комитетов, направить ее на решение мелких хозяйственных и бытовых вопросов и увести в сторону от политики. Одновременно оно развернуло активную подготовку солдат к принятию присяги на верность Временному правительству.

Реакционному офицерству солдатские комитеты, руководимые и направляемые большевиками, противопоставили свою настойчивость, свою волю. Развернулась упорная борьба, в ходе которой каждая из сторон пыталась повести полк за собой. Постепенно чаша весов склонилась в сторону комитетов. Их широкая разъяснительная работа привела к тому, что солдаты отказались присягать Временному правительству. По настоятельному требованию комитетов были возвращены патроны и гранаты, сняты с должностей некоторые наиболее реакционные офицеры, отменены отдельные уставные положения, осуществлен ряд других мероприятий.

В конце марта полк занял позицию западнее Молодечно. Ни с нашей, ни со стороны немцев боевых действий не велось. На заседаниях комитетов, на собраниях поднимался вопрос о братании. Определили тех, кто может просто и доходчиво рассказать немецким солдатам о нашей революции, о необходимости повернуть оружие против своих эксплуататоров, крепить интернациональную солидарность рабочих и крестьян, объединить усилия в борьбе за свои права, за мир, за хлеб, за свободную и счастливую жизнь.

Однако выполнить намеченные планы на этом участке фронта мы не смогли. Видимо, наши планы не отвечали чьим-то интересам, потому что дивизию вдруг сняли с передовой, перебросили в район озера Нарочь и попытались направить энергию солдат на совершенствование оборонительных рубежей.

Здесь тоже был фронт, передовая, но боевых действий не велось. Солдаты занимались укреплением блиндажей, строительством землянок, бань, прачечных, развивали ходы сообщения. Кто-то полагал, что после тяжелого физического труда людям будет не до политики.

Наши комитеты разгадали нехитрый замысел: изнурительной работой отвлечь внимание людей от насущных жизненных вопросов. Было решено усилить

агитационную работу, регулярно проводить беседы по вопросам политики, внутреннего и международного положения страны. Солдатам рекомендовалось беречь силы, к выполнению заданий относиться осмотрительно, не изнурять себя.

Батальонный комитет, имевший связи с большевиками через Дружинина, оперативно снабжал нас необходимыми материалами: газетами «Правда», «Солдатская правда», «Окопная правда», листовками. В них мы находили ответы на то, что нас волновало, познакомились с Апрельскими тезисами В. И. Ленина, с содержанием ленинских работ «Письма из далека», «Письма о тактике», «Задачи пролетариата в нашей революции» и других.

Шаг за шагом благодарная работа большевистских агитаторов вела солдат к пониманию того, что Временное правительство — это те же помещики и капиталисты, что оно обманывает народ фальшивыми лозунгами и стремится подавить революцию, а поэтому никакой поддержки ему быть не должно.

Эта работа проходила в сложных условиях, в обстановке ожесточенной борьбы с эсерами и меньшевиками, которые считали, что революция закончена и с ее победой характер войны изменился. Они призывали оборонять буржуазное отечество, а рабочие и крестьяне, одетые в солдатские шинели, в войне не были заинтересованы. Вместе с тем, как отмечал В. И. Ленин, ввиду своего добросовестного заблуждения какая-то часть солдат разделяла взгляды «революционных оборонцев».

Утром 23 мая я получил записку Галактионова. Он просил явиться на заседание комитета и взять с собой еще пять-шесть человек, бойких и расторопных, как он подчеркивал. Во взводе у меня сложилась небольшая группа солдат и командиров отделений, которые сравнительно неплохо разбирались в политической обстановке и могли по-деловому ответить «революционным оборонцам». Это были Ганин, Марухняк, Шомка, Крюков, некоторые другие. С ними я и пошел к Галактионову.

На полянке, окаймленной зеленью деревьев и кустарников, уже сидели человек тридцать, а может, больше. Среди них я увидел Картышева, о чем-то беседовавшего с солдатами. Мы направились к этой группе

и расположились на траве. Появился командир роты Романовский. Кто-то скомандовал: «Встать! Смирно!», но капитан махнул рукой, показывая, чтобы мы оставались на своих местах.

— Не надо рапортов,— произнес он как-то сконфуженно.— Пожалуйста, сидите.

Теперь ему приходилось считаться с комитетом.

Заседание открыл председатель. Он объявил повестку дня—о текущем моменте—и предоставил слово Картышеву, члену полкового комитета.

— Товарищи,—начал Картышев,—стало известно, что Временное правительство готовится отдать приказ о наступлении на нашем фронте. Это правительство продолжает ту же политику, какую проводил царь Николай Кровавый. Оно готово продолжать войну в интересах капиталистов руками рабочих и крестьян. Мы должны сказать: «Довольно морочить солдатам голову! Долой войну! Власть Советам!»

Картышев говорил о том, что наша армия понесла большие потери, страна наводнена инвалидами и калеками, промышленность на грани развала и не может удовлетворить самых насущных требований дня, а в сельском хозяйстве из-за отсутствия рабочих рук и конского поголовья много земли не обрабатывается.

Речь Картышева длилась более часа.

— Будем, товарищи, активно выступать против войны,—заклучил он.—Даешь республику Советов! Никакой поддержки Временному правительству! Вот лозунги, за которые должны проголосовать сегодня на митинге батальона все наши солдаты. Митинг состоится в четыре часа дня.

Картышев, вытирая платком вспотевший лоб, отошел в сторону, а председательствующий предоставил слово капитану Романовскому. Он встал, покрутил холеные усы и сказал:

— Занятия сегодня отменяются. Готовьтесь, пожалуйста, к митингу.

Всем членам ротного комитета было предложено разойтись по своим взводам, провести беседы в соответствии с докладом Картышева и подготовить людей к митингу. Нас предупредили, что эсеры и кадеты тоже готовятся и поэтому надо быть начеку. С группой солдат и младших командиров мы разработали перечень

вопросов, которые следует задавать своим противникам. Среди этих вопросов были и такие:

— Почему Временное правительство не хочет прекращать войну?

— Почему откладываются выборы Учредительного собрания?

— Почему Временное правительство не устанавливает 8-часовой рабочий день?

— Что мешает остановить голод? Если война, ее нужно закончить, если капиталисты, их нужно убрать.

— Почему крестьянам не дают земли?

В назначенное время батальон собрался на митинг. Наскоро была сколочена трибуна, в стороне стоял стол, накрытый палаткой. Народу было много: пришли наши солдаты, представители соседних батальонов, полкового комитета, штаба дивизии. Находился здесь и представитель Минского Совета, меньшевик.

Митинг открыл Картышев, избранный заместителем председателя полкового комитета. В коротком слове он напомнил о характере войны, о том, что присутствующие здесь эсеры и кадеты желают высказать свое мнение о войне и послушать, что о ней думают солдаты. Затем он предоставил слово человеку невысокого роста с невзрачным лицом и погонами капитана.

— Граждане солдаты! — начал тот, запуская левую руку в карман и жестикулируя правой. — Революция победила! Но мы обязаны до конца выполнить свой союзнический долг и продолжать войну до полной победы над врагом.

— Пусть продолжает тот, кто ее начал! — бросил кто-то.

— Граждане солдаты, поймите, сейчас нет смысла вести спор, законно Временное правительство или Советы, — продолжал оратор. — История убедительно показала, что существующее правительство заботится только о благе народа.

— Хватит болтать, уважаемый.

— Почему твое правительство ничего не говорит ни о мире, ни о земле? — слышались голоса с мест.

— Вот разобьем врага, тогда и наступит мир. Появится возможность выбрать Учредительное собрание, которое и займется внутренними делами нашей многострадальной Родины.

— Долой его с трибуны!

— Он из той же шайки-лейки.

— Мягко стелет, стервец!

— Господа офицеры! Я не могу их перекричать. Меня перебивают глупыми вопросами,—оратор повернулся в сторону офицеров, но те остались безучастными к его призыву навести порядок.

— Хватит! Слышали!

— Слезай оттедова, а то скинем!—зашумели солдаты, и капитану пришлось покинуть трибуну.

Картышев едва заметно усмехнулся и предложил послушать представителя из Минска. На вид ему было не больше сорока лет, одет скромно, лицо интеллигентное.

— Солдаты!—с достоинством произнес он, кладя перед собой на трибуну обе руки, белые, тонкие, очевидно, никогда не испытывавшие, что такое физический труд.—К оценке чрезвычайно сложных явлений, имеющих сейчас место, надо подходить серьезно, без взаимных нападок, а тем более оскорблений. Только при этом мы с вами найдем верное решение и сможем хорошо понять, что оборона отечества—наш долг, наша обязанность.

— Какого отечества? Буржуазного?—перебили его.

— Скажи лучше, когда крестьянам землю дадут?

— Скажу, почему же,—неожиданно согласился выступавший.—Вот вы говорите—землю. А кто же дал такие полномочия правительству? Оно получит их от Учредительного собрания. А когда, вы спрашиваете, будет выбрано Учредительное собрание? Когда доведем войну до победного конца.

— Что-то мне тут непонятно в одном месте,—встал пожилой солдат.—Дозвольте спросить?

— Готов вас выслушать.

— Вот вы тут насчет полномочиев правительства толковали. Дескать, нет их у него, чтобы крестьянину землю дать. Правильно?

— Так, так. Вы точно пересказали мою мысль. Что же вам непонятно?

— Непонятно мне вот что. Дать землю у правительства полномочиев нет. А кто ему давал полномочия гнать нас на войну, распоряжаться нашими жизнями?

— Мы, социал-демократы, против захватнических войн,—с пафосом начал оратор.—Но сейчас следует оборонять революцию, то есть война приобрела другое

содержание. Вы говорите о братании. В принципе мы не против этого. Но в данной ситуации это следует расценивать как предательство.

— Ишь, как изворачивается!

— Слезай и ты, все понятно,— засвистели солдаты.

Третий — кадет — от выступления отказался.

— Может, кто из нашего батальона выступит? — спросил Картышев.

Таких тоже не нашлось.

— На этом митинг считаю закрытым,— объявил председательствующий. Солдаты пошли в свои подразделения и еще долго обсуждали выступления сторонников продолжения войны. В их сознании все прочнее закреплялась мысль, что необходимо поддерживать не Временное правительство, а Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, бороться за республику Советов.

Через некоторое время в Петрограде было образовано так называемое коалиционное правительство, в состав которого вошли представители эсеров и меньшевиков. Сделано это было с единственной целью — задержать развитие революции, обмануть народ и армию, сохранить власть буржуазии.

Эсеры и меньшевики, окопавшиеся в нашем полку, тоже почувствовали себя «на коне» и еще яростнее стали защищать идею продолжения войны. Прикрываясь фальшивыми лозунгами «революционного оборончества», они призывали выполнить союзнические обязательства царской России и вести войну «до победного конца».

Солдаты живо интересовались всем, что происходит в стране, и осаждали командиров многочисленными, самыми неожиданными вопросами. Они спрашивали, изменится ли политика коалиционного правительства, можно ли надеяться, что крестьянам дадут землю, что Керенский, став военным министром, скоро закончит войну. Большевики разъясняли, что надо бороться за Советы и выступать против Керенского, против Временного правительства, поскольку они — представители буржуазии, и трудовому люду, солдатам ждать от них нечего.

В конце мая, в один из теплых вечеров нашу роту неожиданно вызвали на построение. Мы полагали, что нас ожидает очередная переброска в другой район

фронта, однако узнали совсем другое. Командир роты объявил, что командование решило послать на учебу вольноопределяющегося Картышева, и он хочет попрощаться с ротой.

Это был предлог, чтобы от него избавиться. В адрес Картышева ротный высказал много лестных слов, но сам вольноопределяющийся был невесел и молчалив. А когда он уехал, солдаты выражали опасение, не арестован ли Картышев, и чистосердечно жалели его, хвалили его ум, способности.

Тогда же в мае развернулась подготовка к братанию. Солдатские комитеты раздобыли листовки на русском и немецком языках, подобрали переводчиков, наметили меры, обеспечивающие безопасность встречи наших и немецких солдат. Для братания выделили группу, насчитывавшую человек двадцать пять. В нее вошли солдаты — бывалые фронтовики, разбирающиеся в политике, настроенные по-революционному, остро ненавидевшие войну.

По рекомендации комитета группу возглавил подпоручик шестой роты, владевший немецким языком. От нашей восьмой роты был послан Галактионов, председатель ротного комитета, и ефрейтор моего взвода Альберт Шомка, латыш, умевший объясняться по-немецки.

Первую встречу наметили провести пятого июня. Чтобы не допустить открытия огня, члены комитетов прошли по всем подразделениям, предупредили солдат, и особенно офицеров, некоторые из которых могли пойти на провокацию. Сомнение вызвала пулеметная команда, где сильно ощущалось влияние эсеров. Полковой комитет для контроля и обеспечения безопасности направил туда меня и младшего офицера пятой роты. Мы быстро нашли «общий язык» с пулеметчиками.

Командиру полка комитет предъявил ультимативное требование: если при братании будет открыт огонь и появятся человеческие жертвы хоть с нашей, хоть с той стороны, полк оставит свой участок фронта.

Офицеров, в которых мы не были уверены, взяли под особый контроль, для чего специально выделили проверенных людей. Солдат, которые могли не устоять под нажимом офицеров, решено было в день братания на огневые позиции не допускать, для чего следовало ис-

пользовать любые предлоги. Под контроль взяли также батареи артиллерийского полка.

Ночью наши разведчики забросили в немецкие окопы листовки, в которых содержался призыв к братанию и рассказывалось, что немецким рабочим и крестьянам не следует воевать за интересы капиталистов и помещиков. Листовки звали объединить усилия для победы мировой революции, для установления народной власти как в России, так и в Германии.

Затем решили проверить противника. Солдаты стали показывать чучела. Немцы, огня не открыли. Тогда смельчаки начали показываться из окопов и махать шапками. Через некоторое время появились немецкие солдаты и тоже начали махать своими головными уборами. Огня не открывали ни с той, ни с другой стороны.

Потом через самодельный рупор самый горластый солдат еще раз сообщил немцам о том, что пятого июня в десять часов утра к ним пойдет делегация русских солдат. Если они не возражают против братания, то пусть выбросят красный флаг, а белым флагом обозначат место встречи.

Утром пятого июня примерно в трехстах метрах от немецких окопов мы увидели белый флаг, а к девяти часам над бруствером появился красный. Выброской нескольких флагов мы ответили, что у нас все готово.

Наши посланцы, оделись в приличное обмундирование, подстриглись и побрились, приготовили подарки — хорошие куски сала, специально выпеченный каравай хлеба и даже булки с кренделями. Они гордились тем, что им первым предстоит проложить путь к сердцам немецких солдат, таких же рабочих и крестьян, как и они сами, рассказать им о русской революции.

В то же время нас не покидало и волнение. Встреча с немцами таила в себе много неизвестного. Ее инициаторами выступали мы. Значит, наша делегация должна первой подняться в полный рост и пойти на позиции противника. А там вооруженные солдаты, там пулеметы, артиллерия...

Кто даст гарантию, что они не откроют огня? Не станет ли этот путь последним в жизни наших ребят? Ведь они не смогут ответить, потому что оставляют оружие на своей стороне и идут с благородным намерением, с открытым сердцем. Найдут ли они взаим-

ность или их сразят пулеметные очереди на виду у всех?

Едва один из наших солдат влез на бруствер окопа, как выскочила дикая коза и на бешеной скорости помчалась вдоль проволочного заграждения. Солдат тут же нырнул обратно в окоп. Обычно в таких случаях наши и немцы открывали огонь и стреляли до тех пор, пока животное (они на нашем участке фронта появлялись нередко) не оставалось лежать бездыханным на нейтральной полосе. Однако на этот раз никто не стрелял.

Наша делегация по команде старшего дружно вышла из окопов и с развернутым красным флагом пошла навстречу немцам. В ту же минуту из немецких окопов вышла большая группа солдат. Мы наблюдали с замиранием сердца. Наконец, между обеими группами осталось не больше одного шага.

На какое-то мгновение наши и немцы остановились, словно впервые увидели друг друга, а потом кинулись в объятия. Солдаты хлопали друг друга по плечам, обнимались, затеяли оживленные беседы. Наши вручили им подарки, немцы в свою очередь дарили зажигалки, курительные трубки, губные гармошки и даже часы. Встреча продолжалась более трех часов.

В тот же день и в то же самое время такая же встреча состоялась на участке 218-го Горбатовского полка.

О братании много говорилось на заседаниях солдатских комитетов, а потом во всех подразделениях. Солдаты пришли к выводу, что необходимо развернуть еще более широкую работу в полках с тем расчетом, чтобы провести братание в масштабе всей дивизии. Об этом узнало командование. Оно отдало приказ занять позиции и находиться в полной боевой готовности.

В приказе говорилось, что братание запрещается и будет наказываться самым строжайшим образом, вплоть до расстрела перед строем. Если же солдатские делегации все-таки осмелятся пойти на встречу с немцами, по ним будет открыт артиллерийский огонь. Чувствовалось, что «временщики» затевают что-то недоброе.

Так оно и случилось. По приказу Керенского 18 июня Юго-Западный фронт начал наступление, но оно провалилось. В первых числах июля распространились кле-

ветнические сообщения, что большевики подняли в Петрограде антинародное восстание, но войска Временного правительства быстро и решительно подавили его, что в провале наступления на фронте опять же повинны большевики и их партия.

Это была ложь, шитая белыми нитками. Клевета стала еще более очевидной, когда солдаты узнали о запрещении газеты «Правда», о приказе на арест В. И. Ленина якобы за его «тайные связи» с немцами. Целые роты открыто высказывали свое возмущение. В отдельных из них с помощью эсеров-меньшевистских комитетов прошло разоружение солдат. Керенский ввел на фронте смертную казнь.

Нам было объявлено, что на 10 июня назначено наступление Западного фронта. Затем его отнесли на 13 июня, но оно не началось и еще через два дня, 15 июня к вечеру членам всех комитетов было приказано собраться у блиндажа командира батальона. Туда же пришли все офицеры. Перед собравшимися выступил командир полка Павловский, вышесреднего роста, худощавый, с коротко подстриженными усами, полковник по званию.

— Господа офицеры! Граждане солдаты! — начал он неуверенно. — Нашему полку выпала большая честь — выполнить приказ революционного правительства, которое пользуется поддержкой всех народов России. Не щадя жизни, мы будем биться с германцами и австро-венграми до победы. Соседний Юго-Западный фронт уже две недели ведет успешные наступательные бои, наносит по врагу сокрушительные удары и продвигается на запад. Армия, в том числе и наш полк, полна решимости уничтожить врага, а не брататься с ним, к чему так усердно и совершенно бесплодно призывали большевистские агитаторы. Эти агитаторы, будучи агентами немцев, хотели разоружить нашу доблестную армию и без боя сдать родину врагам. Но этого не произошло и, смею вас заверить, не произойдет. Перед нами поставлена задача — развить успех соседей, показать, на что способен русский солдат, преданный своему правительству, своему народу...

Демагогический поток слов лился долго, и я, облокотившись на что-то, задремал — так усыпляюще действовала эта длинная и бессвязная речь. Когда сосед толкнул меня в бок и я открыл глаза, Павловского не

было. Выступал командир батальона. Он уверял, что наша наступательная операция в отличие от других будет лучше обеспечена артиллерией, что успех гарантирован уже потому, что немцы перебросили все резервы на Юго-Западный фронт, а нам остается прорвать лишь первую линию укреплений, а дальше все пойдет, как по маслу.

Рано утром 17 июня орудия начали обработку немецкой линии укреплений. Противник ответил тем же. Развернулась артиллерийская дуэль, в грохоте которой потонуло все — и земля и небо. Взрывами снарядов заваливало ходы сообщения, рушило окопы и блиндажи. Появились убитые и раненые. Двусторонняя артиллерийская канонада продолжалась несколько часов. Казалось, что у немцев не осталось ничего живого. Но когда полки двинулись вперед, их встретил сильный пулеметный и ружейный огонь, а из глубины обороны ударили минометы и артиллерия. Оставляя убитых и подхватывая на ходу раненых, пехота вернулась на свои позиции. Первый блин получился безобразным комом и крепко ударил по моральному состоянию солдат, и без того уставших и измученных нелегкой окопной жизнью.

Между тем, артиллерия возобновила обработку немецких укреплений, продолжала ее вечером и с перерывами — ночью. Утром мы снова двинулись в наступление и стремительной атакой заняли первую и вторую линии противника. Убитых и раненых было много, серьезные потери нес и мой взвод. К вечеру бой стал затихать, а к ночи перестрелка почти прекратилась.

Казалось, все складывается в нашу пользу. Но сильной ночной атакой, поддержанной интенсивным артиллерийским огнем, немцы выбили нас сначала из второй, а потом и из первой линии траншей. Они ввели в бой свежие резервы, и нам пришлось убираться восвояси. С этого, собственно, начался отход, превратившийся через некоторое время в беспорядочное отступление.

Неудачи побудили «верхи» усилить репрессивные меры. Солдат стали запугивать военно-полевыми судами и смертной казнью. В спешном порядке формировались карательные подразделения («батальоны смерти»). Солдаты, зачисленные в них, носили на рукаве нашивку с изображением черепа и перекрещенных костей. Однако скрыть правду от народа, запугать людей и заставить их сражаться за буржуазное Временное правительство

за интересы капиталистов и помещиков уже было нельзя. Армия с каждым днем все больше выходила из подчинения командования.

Новый главнокомандующий генерал Корнилов в своем приказе отмечал, что армия темных и невежественных людей, не огражденных от систематического «развращения», бежит. На полях, которые трудно назвать полями сражений, царит хаос. Русская армия переживает «позор и срам», которых не знала с самого начала своего рождения, а существующее правительство не имеет нигде поддержки — ни в армии, ни в народе. Эти откровенные высказывания свидетельствовали о том, что контрреволюция хочет ввести военную диктатуру, а на роль диктатора прочат Корнилова.

В конце августа нас вывели в резерв в район северо-восточнее Вилейки. Офицеры, следуя приказам главнокомандующего, начали всячески мешать работе солдатских комитетов, чтобы постепенно свести ее к нулю, а затем и вовсе запретить. Наиболее активных, революционно настроенных солдат и младших командиров отправили неизвестно куда.

Вскоре до нас дошли вести о том, что Корнилов предпринял попытку осуществить контрреволюционный переворот и захватить Петроград, но потерпел поражение и был арестован. Среди солдат усилилось возмущение действиями офицеров. По ротам и батальонам прошли митинги и собрания под лозунгом «Долой войну!», «Долой Временное правительство!», «Вся власть — Советам!»

На собраниях выдвигались требования убрать отдельных офицеров. В конце концов четырнадцать из них — ярых корниловцев — под напором солдатских требований были отчислены из полка. Из нашей роты в то число вошел незадачливый Сомов.

Массовое недовольство солдат нарастало изо дня в день. Оно готово было вылиться в восстание. Целые подразделения отказывались продолжать войну и открыто высказывались за власть Советов, переходили на сторону большевиков.

Солдаты самовольно бросали позиции и исчезали с фронта. Роты и батальоны да, пожалуй, и вся дивизия оказались неуправляемыми. Командиры утратили какую-либо власть. Армия, как насквозь прогнившая пор-

тянка, расползалась на глазах. Так продолжалось до конца октября.

Сообщение о том, что в Петрограде штурмом взят Зимний дворец, а Временное правительство арестовано, солдаты встретили восторженно. Небывалое воодушевление вызвали первые Декреты Советской власти — о мире, о земле. Повсеместно прошли собрания, на которых читались телеграммы Минского Совета рабочих и солдатских депутатов. Позже мы познакомились с ленинским воззванием к рабочим, солдатам и крестьянам России.

В первые же дни после Октябрьской социалистической революции состоялось объединенное заседание всех комитетов полка. Обсуждался один вопрос: «Наши задачи в новой обстановке». Все офицеры были без погон. Одни сняли их сами, другим напомнили, с третьих сорвали солдаты.

На заседании речь шла о революционной воинской дисциплине, об установлении тесного контакта в работе между командирами и комитетами. Говорили о необходимости наладить занятия и учить солдат воинскому мастерству, столь нужному для защиты пролетарской революции, о предстоящем выходе на фронтовые позиции, о многих хозяйственно-бытовых вопросах. На этом заседании я вместе с другими товарищами был утвержден членом дивизионной контрольно-ревизионной комиссии.

Через несколько дней председатель дивизионного комитета собрал членов контрольно-ревизионной комиссии. Сюда же пригласили дивизионного интенданта и предложили ему ознакомить нас с интендантским хозяйством. Мы с интересом слушали подробный доклад, все более чувствуя себя хозяевами положения, все отчетливее понимая, какая ответственность ложится на наши плечи.

Выяснилось, что дивизия испытывает острый недостаток в обмундировании, обуви, фуражке. Существенные пробелы выявились в организации снабжения продуктами питания, патронами и снарядами и еще во многом другом.

После подробной информации интенданта глава дивизионного комитета сказал, что нам необходимо избрать своего председателя, заместителя и секретаря. Мы не знали друг друга и не могли сказать что-то оп-

ределенное. Только переглядывались да пожимали плечами. Из затруднения вывел председатель дивизионного комитета. Он предложил избрать председателем контрольно-ревизионной комиссии меня. Я отказался, сославшись на молодость и отсутствие опыта.

— Ничего,— ободрил он меня.— Революция поставила перед нами задачи, которые надо решать независимо от возраста и опыта. Надо дорожить доверием, которое вам оказывают,— подчеркнул он наставительно и обратился к сидящим:— Что думаете, товарищи, насчет предложенной кандидатуры?

— Пусть расскажет о себе,— попросил кто-то.

Я рассказал свою автобиографию.

— Вопросы к товарищу Родину есть? Нет. Будем голосовать. Прошу!

Моим заместителем избрали георгиевского кавалера Серафима Герасимовича Мальцева из 218-го Горбатовского полка. Секретарем стал Роман Митрофанович Апальков из нашего Котельнического полка.

— Поздравляю! — председатель комитета пожал нам руки.— А теперь составьте план работы ревизионной комиссии. Мы не будем вам мешать и зайдем через несколько часов. Думаю, что этого времени вам хватит.

Он ушел вместе с интендантом, оставив нас наедине со своими горестными размышлениями. Никто не знал, с чего начать составление плана. Все почему-то смотрели на меня. Видимо, потому, что избрали председателем. Все чего-то ожидали, и все молчали, в том числе и я.

— Давай, председатель, соображай,— произнес наконец Мальцев. Мне не хотелось ударить лицом в грязь. Я думал, что мой авторитет председателя станет выше, если в плане будет возможно больше порядковых номеров, и стал называть их. Поскольку нет фуража и еще не выпал снег — надо лошадей пасти. Это было записано секретарем в пункте плана под № 1. Хотя травы и перестояли, но их можно косить. Надо организовать бригады косцов... Это легло на бумагу под № 2.

Вслед за мной, осмелев, заговорили и члены комиссии.

Поскольку заготовить сена в достатке здесь не сможем, надо направить людей в прифронтовую полосу.

Надо найти у себя сапожников, портных и наладить починку обуви и обмундирования.

Надо уточнить остатки продовольствия и установить строжайший порядок их расходования.

Надо установить жесткий контроль за работой поваров и ликвидировать воровство продуктов.

Надо учесть все боеприпасы. Надо беречь лошадей и повозки. Надо... Надо... Надо...

Когда пришел председатель дивизионного комитета, у нас уже был солидный перечень неотложных дел.

— Для начала неплохо! — похвалил он. — Конкретно. По-хозяйски. Но в будущем имейте в виду вот что. Планируйте свою работу и выполняйте план вместе с солдатскими комитетами. Они вас рекомендовали, они помогут вам. На мою помощь тоже можете рассчитывать.

От командования взводом я фактически не был освобожден. Приказа на это не было. Но практически обязанности командира взвода выполнял теперь Марухняк, командир отделения.

А я значительную часть времени занимался делами комиссии. Их было более чем достаточно. Плохой учет, хищение, обвешивание и обмеривание, порча продуктов, плохой ремонт оружия, вшивость, плохое содержание лошадей, жалобы больных — все эти и еще очень многие вопросы выносились на обсуждение контрольно-ревизионной комиссии. Тут выяснились виновные, принимались меры по устранению недостатков, давались рекомендации.

В ноябре, когда мы вновь вышли на передовую, состоялся фронтовой съезд солдатских депутатов. Он избрал А. Ф. Мясникова командующим Западным фронтом. Это сообщение было воспринято с радостью. Тогда же по приказу Советского правительства в Могилеве была ликвидирована Ставка старой армии.

На фронте стояла абсолютная тишина. Немцы знали, что в России произошла социалистическая революция и Советское правительство Декретом о мире объявило о полном отказе от всяких захватнических договоров и предложило всем воюющим народам и их правительствам заключить мир. Снова развернулось братание. Теперь немцы относились к нам значительно с большим доверием. Не приходилось уговаривать и наших, теперь уже бывших офицеров.

Вскоре начались холода. Намеченный план обеспечения лошадей кормом по многим пунктам оказался невыполненным. Надо было предпринимать экстренные меры, чтобы не допустить гибели конского поголовья. В начале декабря меня вызвали на заседание дивизионного комитета с отчетом. Тогда же я получил командировку в Витебск с заданием раздобыть сено.

Задача оказалась сложной. Чтобы ее выполнить, понадобилось около трех недель. Три недели бесконечных хлопот у начальника гарнизона, у коменданта, у местных военных и гражданских властей, в воинских частях вконец измотали меня. Все-таки пятьдесят платформ сена в адрес дивизии было отправлено. Однако на этом все и кончилось.

За неделю до Нового года я заболел брюшным тифом и попал в один из витебских госпиталей, в котором пробыл почти месяц. Там узнал, что Советское правительство распорядилось постепенно демобилизовать старую армию и издало декрет о Рабоче-Крестьянской Армии, создаваемой на добровольческих началах.

По выходе из госпиталя я получил длительный отпуск для продолжения лечения и поехал домой.

Глава шестая

КРАСНЫЙ КОМАНДИР

В начале 1918 года я приехал в Орел. Мела поземка. Солнце не появлялось несколько дней. Мороз обжигал лицо и руки, останавливал дыхание.

— Пойдем ко мне, — приглашал знакомый по вагону солдат, проживавший в городе. — Обогреешься, отдохнешь, а потом дальше.

— Благодарю, — вежливо отказался я. — Пойду домой. Давно мать не видел.

Закинув вещевой мешок за спину, я пошел к Ноугорскому шоссе. Пятнадцать километров отшагал легко. У крайнего дома своей деревни остановился, сбросил вещмешок и достал маленький образок, зашитый в серую полотняную тряпочку. Провожая на войну, мама вручила мне эту иконку и наказала носить ее на шее.

— Это святой угодник, — убежденно говорила она. — Он спасет тебя от вражьей пули. — Тогда я не мог ее

обидеть. Но по дороге на фронт снял «святого» и за-
прятал в вещевой мешок. Тогда многие солдаты имели
такие «талисманы», но все равно гибли под огнем вра-
жеских пулеметов или артиллерии. «Святой» их не бе-
рег и со спокойной совестью отправлял на тот свет.

Очутившись у родного очага, я нацепил на шею об-
разок и, перемахнув снежный сугроб, подошел к свое-
му дому. Постучал в замерзшее окошко и замер, ожи-
дая, когда загремит засов.

Мама, еще больше состарившаяся и поседевшая, не
спрашивая, распахнула дверь и, увидев меня, лишилась
чувств. Придя в себя, она потянулась к вороту моей
гимнастерки, расстегнула его, стала шарить на груди и
нашла иконку. Ее глаза засветились радостью и мате-
ринской любовью.

— Ну, что я тебе говорила! — прошептала она тор-
жествующе. — Он уберег тебя от смерти. Носи его, сы-
нок. Время нынче дюже опасное.

Время и в самом деле было весьма тревожное,
только «святой» вряд ли был в силах помочь. Наоборот,
он чрезвычайно спокойно взирал на то, что германская
армия, нарушив условия перемирия, развернула наступ-
ление по всему фронту и за несколько дней оккупиро-
вала Прибалтику, стала угрожать революционному Пет-
рограду.

По всей стране тогда пронесся тревожный ленинский
клич: «Социалистическое Отечество в опасности! Все
на защиту республики Советов!» Он вызвал среди тру-
дящихся небывалый подъем революционной энергии и
энтузиазма. Тысячи рабочих и крестьян, а также вче-
рашних солдат добровольно пошли в Красную Армию.
Я был в их числе и надеялся опять попасть на фронт.
Однако меня назначили инструктором по военному все-
обучу, а через несколько месяцев предложили:

— Красной Армии нужны красные командиры. По-
едешь учиться на курсы?

Поехал. В школу красных командиров. Теоретические
занятия в ней перемежались с практикой. Не успели,
как полагается, позаниматься и месяц, на Дону вспых-
нул кулацкий мятеж. Отряд наших курсантов дви-
нулся туда. После говорили, что действовали мы реши-
тельно и смело, что трудовой народ наши действия одо-
брил. В июне 1919 года меня приняли в члены больше-
вистской партии.

Г. С. Родин. 1919 год.
Орел.

Вернулись в Орел, начали учиться. Я полагал, что теперь-то мы вплотную займемся военной наукой. Не пришлось. К Ельцу прорвался Мамонтов. Отряд курсантов влился в группу войск, которыми командовал Я. Ф. Фабрициус, начальник обороны Ливно-Елецкого района. Среди нас было много фронтовиков, коммунистов и комсомольцев. Это в большой степени определяло высокую боеготовность отряда, его беззаветную преданность революции, святому ленинскому знамени.

Я командовал взводом разведки. Лихие были парни! Поддавали белогвардейцам жару, как надо. Взять хотя бы М. В. Ивашечкина *, неудержимо рвавшегося всегда в самую гущу событий, поразительно хладнокровного и бесстрашного. Под стать ему действовали и другие.

Потом отозвали с фронта и опять сказали: «Учись!», а в начале двадцатого года состоялся выпуск. Нам присвоили звание краскомов (красных командиров). Каким счастьем сияли наши лица! Сколько было гордости! За

* М. В. Ивашечкин был начальником штаба 3-й армии, освобождавшей Орел от фашистских захватчиков в 1943 году, генерал-майор.

плечами всего двадцать лет и уже — краскомы! И кто? Дети вчерашних обездоленных батраков, те, кто никогда не ел вдоволь хлеба!

Доверие партии окрыляло, звало на подвиг. Мы хорошо знали, что за подготовкой командных кадров из народа пристально следит Владимир Ильич Ленин, что созданию Рабоче-Крестьянской Красной Армии он уделяет исключительное внимание. Это воодушевляло нас еще больше.

В том же году, в марте, я приехал в Краснодар, в запасной полк 9-й Кубанской армии. Занимал должности командира учебного взвода, помощника командира роты, командовал ротой, численность которой в отдельные периоды превышала полторы тысячи человек. А когда на Таманском полуострове поднялись белогвардейцы во главе с Улагаям, пришлось участвовать и в ликвидации этого десанта.

Нередко приходилось наводить революционный порядок в самом Краснодаре. После разгрома деникинцев под Орлом там оказалось немало вражеского офицерья и других контрреволюционных элементов, остро ненавидевших Советскую власть. Это отребье затаилось и при всяком удобном случае старалось нанести удар в спину.

Спекуляция морфием, кокаином, антантовским обмундированием, золотом и многим другим, праздная, разгульная жизнь крупных и мелких собственников, воровство и прямой бандитизм — все это требовало принятия мер не только административного, но и воспитательного характера. В тесном контакте с местными партийными и советскими организациями коммунисты воинских частей проводили широкую агитационную работу среди населения, несли в гущу масс ленинскую правду о Советской власти, о Красной Армии.

Летом 1921 года в районе станицы Гривенской появилась банда во главе с атаманом Рябоконом. Насчитывала она несколько сот хорошо вооруженных людей, главным образом, белогвардейцев, кулаков и уголовников. Бандиты действовали мелкими группами. Они врывались в станицы, грабили население, убивали коммунистов и советский актив. Зажиточное казачество поддерживало бандитов.

Нашему батальону и, в частности, роте, которой я командовал, была поставлена задача ликвидировать отряд Рябокона и провести в станицах широкую разъяс-

нительную работу, вдохнуть в сердца людей уверенность, сеять страх, направить их силы на строительство новой жизни.

В сущности, мы начали с решения второй части задачи — в короткий срок сплотили вокруг себя подавляющее большинство трудящихся, заручились их поддержкой. Рябоконь понял, что проиграл, и оказался в изоляции. Он попытался увести свой отряд, но не успел. В июне банду полностью ликвидировали.

Как-то, проверяя ход занятий, меня подозвал командир полка П. И. Воскресенский *.

— Правда, что ты знаешь все марки гранат? — спросил он.

— В шестнадцатом году по этому делу проходил специальную подготовку.

— А ну-ка, возьми гранату?

Я взял.

— Товарищи, — объявил вдруг командир полка. — Давайте посмотрим, как наш командир роты метает гранаты. — Он повернулся ко мне и добавил: — Смелее, товарищ Родин! Попрошу вот с этого рубежа. — Он отчертил носком сапога линию на земле, а потом, указывая рукой, заметил группе красноармейцев:

— Нарисуйте, пожалуйста, там квадрат.

Бойцы быстро исполнили распоряжение.

— Пожалуйста! — глянул на меня командир.

Я разбежался и метнул гранату, за ней — вторую и третью.

— Теперь посмотрим, — командир полка повернулся к красноармейцам. — Попрошу, пожалуйста, промерить шагами.

Несколько бойцов с противоположной стороны плаца пошли нам навстречу, считая через шаг.

— Так сколько? — спросил командир полка.

— Почти семьдесят шагов. Две упали в квадрате, одна рядом.

— Замечательный результат! Учитесь у своего командира роты! — он взял меня за рукав, отвел в сторону и сказал:

— Не предполагал, что у вас такой талант. Поедете на курсы гранатометчиков. Не учиться, а других учить. Ясно?

* П. И. Воскресенский — впоследствии генерал Советской Армии, командир крупных соединений.

— Есть, товарищ командир!

После нескольких месяцев работы на курсах, где я командовал ротой, меня направили не в свой полк, а в Новороссийск, в 22-ю Краснодарскую стрелковую дивизию. Во главе ее стоял Епифан Иович Ковтюх, легендарный герой похода Таманской армии. Окруженная контрреволюционным казачеством, немецкими оккупантами и отрядами грузинских меньшевиков, отягченная обозами и беженцами, армия Ковтюха в невероятно тяжелых условиях совершила героический переход через горы и вышла на соединение с главными силами Красной Армии. Об этом очень хорошо написал в своей монументальной повести «Железный поток» советский писатель А. С. Серафимович.

Епифан Иович пользовался большой популярностью. Был он строг и требователен, проявлял исключительный интерес к людям, не терпел расхлябанности.

— А ну поди сюда,— подзовет, бывало, бойца, у которого ослаблен поясной ремень.— Подтяни на три дырки. И чтоб больше этого не было!

Случалось, окажется перед строем красноармейцев, непременно попросит винтовку. Вскинет ее на левую руку, ловким движением правой вытащит затвор и долго, придирчиво осматривает канал ствола. Потом сверкнет голубыми глазами и недовольно бросит:

— Горобцы гнизд понавывали. Куда ж ты глядэл?

И командир, и боец, слушая украинский говорок комдива, готовы были сквозь землю провалиться.

Но более всего любил Ковтюх пулеметы. Сам превосходный пулеметчик и меткий стрелок, он требовал, чтобы каждый боец с закрытыми глазами мог разобрать и собрать пулемет и стрелял без единого промаха. Красноармейцы и командиры понимали его с полуслова. Впрочем, удивляться тут было нечему. Ковтюх был подлинно народным командиром, вышедшим из самых низов.

Не один Ковтюх, много людей Краснодарской дивизии оставили в памяти свой след. В моей роте, например, два командира взвода были венгры Киш и Хильд — бывшие военнопленные. В гражданской войне они, не щадя жизни, громили врагов Советской власти, а затем окончили командные курсы и стали неплохими командирами — ревностными поборниками крепкой дисциплины, настоящей армейской дружбы.

Помнится, рота была построена для отправки в наряд. Я проводил обычную в таких случаях процедуру — осматривал оружие, проверял знание бойцами своих обязанностей и т. д. Неожиданно один из них в самой резкой и категорической форме заявил, что он в караул не пойдет и вообще не хочет находиться в Красной Армии. Он бросил оружие и демонстративно попытался уйти.

Такая выходка прозвучала, как гром среди ясного неба. Она возмутила роту до крайности, и мне с большим трудом удалось удержать бойцов на месте. Но когда я обернулся к тому, кто отказывался идти в наряд, то увидел, что Киш и Хильд, оба с винтовками наперевес, уже конвоируют его к выходу. Они неплохо владели русским языком и быстро поняли, что к чему. Как потом выяснилось, арестованный был сыном матерого антисоветчика и имел от него задание вести подрывную работу в армии.

Случаи проявления классовой враждебности были редкостью, но не учитывать их мы не имели права. То было время, когда Красная Армия находилась в процессе своего становления, только что вышла из гражданской войны, а в отдельных районах страны еще продолжала борьбу с контрреволюцией — с басмачами, заговорщиками, белогвардейскими бандами.

К тому времени относится и зарождение шефства — замечательной формы связи трудящихся со своей родной армией. С большим радушием встречали шефы представителей нашего 65-го стрелкового полка, которым командовал А. В. Катков, опытный, вдумчивый командир*.

С чувством высокой ответственности и с нескрываемым волнением готовились каждый раз к встрече своих шефов и воины. Мы смотрели на них не только как на гостей, а как на полпредов рабочих и крестьян — строгих контролеров нашей службы, кровно заинтересованных в том, чтобы у нас повсюду был идеальный порядок.

Бойцы несли службу еще ревностнее, стремились показать свое мастерство на спортивных соревнованиях или в военных играх, с большой любовью следили за порядком в ленинских комнатах, на учебных полях, в тире, в спортивном городке — везде.

* А. В. Катков — впоследствии генерал Советской Армии.

Нередко устраивались совместные вечера отдыха, выступления художественной самодеятельности, встречи с передовиками производства, ветеранами труда и революции. Воины живо интересовались работой, жизнью и бытом своих шефов. Деятельность партийных организаций была ключом. Братская дружба армии и трудящихся крепла, что называется, на глазах и оказывала благотворное влияние на боевую и политическую подготовку воинов.

Серьезное внимание шефской работе уделял К. Л. Добросердов, новый командир полка, о котором я на всю жизнь сохранил самые добрые воспоминания. Неизменно вежливый, корректный и уравновешенный, он являл собой образец настоящего воспитателя бойцов и умел к сердцу каждого подобрать свой ключик.

Его характерными чертами были исключительная скромность, горячая влюбленность в военное дело, умение ценить человека. К. Л. Добросердов был внимателен к нуждам подчиненных и специально приходил в роты, чтобы в свободное от занятий время побеседовать с воинами в непринужденной обстановке. Интересно, что он лично вникал в дисциплинарную практику командиров и учил нас всегда видеть в людях и достоинства и слабости.

Это был высокоэрудированный командир, любивший произведения Ленина, Горького, Льва Толстого, Пушкина, неплохо знавший военную историю.

— Не читали «Карамору» Максима Горького? Любопытная штука,— заметил он однажды, разворачивая журнал, кажется, «Беседа».— Ага, вот! «В глазу есть хрусталик, от которого зависит правильность зрения». Далее товарищ Горький говорит, что в душу человека тоже надо бы вложить хрусталик. Хорошо, правда?

Я согласно кивнул головой.

— Но вот Алексей Максимович сетует, что нет его, хрусталика, в душе человека. Как вы думаете?

— Над тем работаем, чтобы каждый сам вырабатывал верную точку зрения на вопросы жизни.

— Правильно! Партия развернула колоссальную работу в этом направлении. Недалеко время, когда товарищ Горький напишет о том, что в душе каждого советского человека выращен коммунистический хрус-

Курсы «Выстрел». 1925 год. Слева — В. Свирепов.

талик,— командир полка протянул мне журнал: — Советую, прочитайте.

То были годы, когда наша партия и народ потеряли своего вождя В. И. Ленина, а троцкисты подняли голову, когда страна переживала серьезные экономические затруднения. В этих условиях и Красная Армия не могла миновать трудностей. Железная партийная стойкость командиров, таких, как Ковтюх, Катков, Добросердов, комиссар дивизии Исаенко и другие, их богатый жизненный и политический опыт помогали нам идти ленинской дорогой. Они передавали нам свою любовь к армии, к военному делу, побуждали к совершенствованию.

Весной 1925 года (незадолго до этого я был избран депутатом Новороссийского горсовета) меня и начальника пулеметной команды полка Виктора Свирепова откомандировали на учебу. Курсы назывались коротко — «Выстрел». Они пользовались большой популярностью. Во главе их стоял комкор Г. Д. Хахоньян.

Среди преподавателей было много старых военных специалистов — Головкин, Беляев, Филатов, Морозов,

Мухин. Находили возможным использовать даже генерала Шувалова, одного из министров правительства Керенского, а также генерала Слащева, бывшего командира корпуса деникинской армии.

Время учебы пролетело незаметно. Я возвратился в свой же батальон на должность командира третьей роты. Виктора Свирепова* оставили на курсах преподавателем. Вторую роту возглавил Н. Игнатович, а первую — П. Ягунов**. Командовать нашим батальоном прибыл Андрей Клочкив, тоже окончивший курсы «Выстрел», участник гражданской войны, за храбрость и большое личное мужество награжденный орденом Боевого Красного Знамени. Он пользовался непререкаемым авторитетом и большой любовью бойцов.

Хорошее пополнение пришло и на должности командиров взводов. В моей роте как-то сразу выделился большой эрудицией, умением быстро оценивать складывающуюся обстановку и принимать нужные решения Сергей Бирюзов***, умный и общительный командир взвода. Осенью, когда по распоряжению командования Северо-Кавказского военного округа проводились крупные маневры, командир батальона взял его к себе адъютантом и остался им очень доволен.

— Далеко пойдет. Умница! — похвалил Сергея Бирюзова после маневров Клочкив. — Будем рекомендовать его в полковую школу.

Я промолчал. Жаль было отпускать хорошего командира.

— Не нравится, да? — в упор спросил комбат и, не дождавшись моего ответа, продолжал: — Понимаю, понимаю... Но ничего, перетерпится. Там он нужнее.

— А здесь и так сойдет? Вы же командуете батальоном, из которого уйдет лучший командир взвода, — недовольно отозвался я.

— Ну и что? — Клочкив подступил ко мне и глянул прямо в лицо: — Я еще раз могу повторить: Бирюзов там нужнее! Пойми, он будет учить младших командиров, которые придут в твою же роту. Он сделает там в десять раз больше. Будем рекомендовать — и точка! Впрочем, и тебе пора выписывать новую путевку.

* Позже В. Свирепов воевал в Испании в составе Интернациональной бригады.

** П. М. Ягунов, руководя позднее борьбой против фашистов в Аджимушайских каменоломнях, погиб.

*** Впоследствии Маршал Советского Союза, крупный военачальник.

Клочков не бросал слов на ветер. После ухода Сергея Бирюзова меня рекомендовали на работу в Орджоникидзевскую пехотную школу, которой командовал Г. А. Буриченков, старый большевик, участник гражданской войны, весьма требовательный, но заботливый командир и заядлый охотник. Я прибыл в его распоряжение, однако получилось так, что когда приехал, начальника школы не было.

Меня встретил его заместитель по строевой части, обходительный и вежливый. Он сразу, как говорится, «с колес», начал посвящать меня в дела школы, объяснять ее задачи и цели, рассказывать о командирах и курсантах, о техническом оснащении и учебном обеспечении. Словом, я тут же почувствовал, что меня ждет довольно интересная работа.

— Семья есть? — спросил он.

— Пока вдвоем с женой.

— А жена где?

— Приехала со мной. Да вот жить не знаю где.

— Вот что. Жилье получите сегодня же. Приедет сейчас комдив и все уладится.

— Спасибо! — Я проникался к этому беспокойному человеку все большим уважением.

— А сейчас я представлю вас командиру батальона, — сказал он, отдавая распоряжение кого-то пригласить к себе. Через несколько минут дверь открылась и в комнату вошел коренастый, среднего роста человек со смуглым лицом, с прямым и смелым взглядом зорких, многое повидавших глаз.

— Знакомьтесь, пожалуйста, наш новый командир роты товарищ Родин Георгий Семенович, — он показал рукой в мою сторону. Я встал.

— А это наш командир батальона товарищ Рябинин Алексей Андреевич.

Комбат протянул мне руку.

— Побеседуйте, пожалуйста. Я сейчас, — заместитель начальника школы вышел, оставив нас вдвоем.

Мы разговорились. Я узнал, что комбат в военном деле не новичок. В старой армии был офицером гвардейского полка. В годы революции с оружием в руках отстаивал Советскую власть. В период гражданской войны был командиром полка в 21-й стрелковой дивизии, которой командовал Г. А. Буриченков.

Вскоре вернулся зампострой. Он сказал, что начальник школы приехал и готов принять меня.

— Мне тоже быть с вами? — спросил комбат.

— Не надо. При необходимости мы вас пригласим. Рябинин щелкнул каблуками до блеска начищенных сапог, бросил руку к козырьку фуражки и скрылся за дверью.

— О квартире я уже с комдивом говорил, — сообщил зампострой. — Обещал помочь. Ну, пойдемте.

Г. А. Буриченков, пропыленный и загорелый, сидел за столом.

— Садитесь, садитесь, — комдив широким жестом пригласил нас подойти ближе. Я заметил, что перед ним лежало мое личное дело. Буриченков полистал его, закрыл, отложил в сторону и сказал:

— Семья у вас большая? Как доехали?

— Спасибо. Доехали без приключений. А семья у меня — я да жена.

— Вы кушали? — спросил он вдруг, вглядываясь в мое лицо. Я замялся, потому что совсем не ожидал такого вопроса.

— Что же вы не покормили командира роты? — повернулся он к заместителю. — Попрошу позаботиться. Товарищ с дороги, еще не устроен.

Я ожидал, что комдив начнет расспрашивать о моей воинской службе, поставит какие-то задачи или поинтересуется чем-то другим. Он же достал носовой платок, развернул его на своей ладони и принялся вытирать вспотевший лоб.

— Оформите товарищу Родину ордер на квартиру, — попросил он заместителя и заключил: — Все! Знакомиться будем в другой обстановке, на работе.

В тот же день мы заняли небольшую двухкомнатную квартиру. Жену это очень обрадовало, и она с присущей женщинам хлопотливостью принялась наводить свой порядок. А я целыми днями пропадал в школе. Знакомился с личным составом роты, с постановкой учебного процесса, с программами занятий и многим другим, что относилось к моей работе.

Узнал, что в школе четыре роты и одна артиллерийская батарея, сведенные в батальон, что имеется превосходный тир, хорошее стрельбище, умело и со знанием дела оборудованные учебные поля, спортивный городок, классные комнаты.

Курсанты и командиры жили большой и дружной семьей, спаянной единством цели. Во всем чувствовалось сильное влияние партийной и комсомольской организаций, высокая требовательность, глубокое взаимное уважение командиров и подчиненных.

Собственно, удивляться было нечему. Образцовый порядок во многом зависел от кадров. А командиры здесь были такие, что, несмотря на многочисленные трудности (шел 1929-й год), сумели сплотить коллектив, зажечь его дерзанием, смелыми поисками.

Из бесед с курсантами и командирами я узнал много хорошего о заместителе начальника школы по политчасти И. Т. Куприне, который приходился мне земляком (он был из Тросны, что недалеко от Орла), о комбате А. А. Рябине, беспредельно влюбленном в военное дело, о начальнике учебной части Городинском, который до того работал военным советником в Китае, о старом коммунисте Гиле, начальнике общественно-политического цикла, который в свое время давал решительный отпор проискам троцкистов в городской партийной организации. Много лестного я услышал и о начальнике школы Г. А. Буриченкове.

Начав работать, я уже глубже понял, что значит умелая организация всего учебного процесса. Я не только учил других, но и сам учился. Во всех подразделениях было развернуто социалистическое соревнование. Действовала определенная система контроля за выполнением взятых обязательств. За отличное знание оружия, Уставов боролись буквально все. Каждый курсант получал хорошие политические знания, навыки командования, разностороннюю физическую подготовку.

Летом и зимой проводились тактические учения с боевыми стрельбами. Строились они в форме военной игры, проходили увлекательно и интересно. Наши курсанты и командиры были тесно связаны с местным населением. Они оказывали ему помощь в полевых работах, проводили беседы, выступали с докладами, разъясняли политику партии и правительства по национальному вопросу, по коллективизации. Необходимость такой работы диктовалась тем, что классовый враг нет-нет да и поднимал голову.

Однажды в конце октября ночью школа была под-

нята по тревоге. Начальник школы вызвал всех командиров к себе.

— Сейчас три часа сорок минут,— комдив Буриченков посмотрел на часы.— В пять часов сорок минут каждый из вас доложит мне о полной готовности подразделения вступить в бой. Можете идти.

Через два часа мы покинули свой военный городок и марш-броском достигли железнодорожной станции. Там стоял воинский состав. Мы быстро погрузились, паровоз дал сигнал, поезд отправился. В пути комдив сообщил, что это не учения, а боевая операция, в которой нам отводится центральное место.

По прибытии в Грозный мы получили более подробную информацию: в одном из районов духовенство, бывшие белогвардейские офицеры, кулаки и торговцы в тесном союзе с уголовниками и националистами подняли мятеж. Угрозами и враждебной пропагандой им удалось привлечь к себе некоторую часть населения: много темных, невежественных людей, до фанатизма зараженных религией.

Мятежники схватили и расстреляли некоторых партийных и советских работников и терроризировали в своей округе весь народ.

Попытки подавить их местными силами успеха не принесли. Штаб этой банды по-прежнему находился в районном центре. Банда насчитывала несколько сот человек, вооруженных огнестрельным и холодным оружием, легкими пулеметами иностранного производства.

Оперативное руководство ликвидацией мятежа обком партии и облисполком возложили на начальника Ростовского ОГПУ Крафта. Непосредственно военными действиями руководил комдив Г. А. Буриченков. Кроме нашей школы, ему были подчинены другие воинские подразделения.

На совещании командиров нам объявили план операции. Наш отряд должен был выйти в район села Гойты и блокировать его. Это мы сделали быстро. Село, в котором засело более двухсот мятежников, было оцеплено со всех сторон, все выходы из него мы перекрыли. Затем попытались уладить конфликт без кровопролития. Но стоило нашей разведгруппе приблизиться к селению, как оттуда раздались выстрелы.

Тем временем наступила темнота. Боевые действия

исключались, так как могло пострадать ни в чем не повинное мирное население. Мы решили попробовать еще раз обратиться к разуму мятежников и передали им письменный ультиматум. В нем, в частности, говорилось, что если они поймут бессмысленность сопротивления и сложат оружие, всем гарантируется жизнь и возвращение домой. В противном случае утром будет начато наступление.

Утром, к великому огорчению, мы обнаружили, что бандиты исчезли. Куда? Каким образом? Мы терялись в догадках. Село оцеплено, на ночь охранение было усилено. И тем не менее мятежников след простыл.

Беседы с местными жителями помогли понять, в чем дело. Оказывается, враг нас обманул. Он воспользовался тем, что наши воины беспрепятственно пропускали женщин, которые ходили за водой с большими кувшинами на плечах. В течение ночи мятежники, переодевшись в женское платье — широкое, с чадрой на лице, — в одиночку и маленькими группками проскользнули сквозь наше оцепление. Потеря бдительности отдельными бойцами помогла им скрыться и унести с собой оружие.

Однако ушли не все. Кое-кто, поняв, что даже удавшаяся хитрость лишь на некоторое время отодвигает срок расплаты, утром пришел с повинной. К вечеру банда была уничтожена. Лишь отдельным удалось удрать, но недалеко. Через несколько дней и те были пойманы и разоружены.

На этом наши действия не кончились. За две недели курсанты побывали во всех окрестных селах. Они проводили собрания и беседы, выступали перед населением с докладами, показывая обреченность попыток свергнутых народом господствующих классов вернуться на старые позиции. Наша политическая работа сыграла немалую роль в разоблачении буржуазных националистов, в укреплении советской власти в национальных районах Кавказа. Она помогла местным партийным организациям в проведении коллективизации.

Военный совет Северо-Кавказского военного округа, обком партии и облисполком по достоинству оценили труд курсантов и командиров нашей школы. Многие были награждены ценными подарками, отмечены благодарностями. Я получил именное оружие с серебряной монограммой — пистолет «браунинг».

Весной 1930 года в связи с повышением в должности от нас уехал Г. А. Буриченков. Его сменил бывший командир 15-й Сивашской стрелковой дивизии Кимундрис, участник гражданской войны, награжденный тремя орденами Боевого Красного Знамени. Но он тяжело болел, и работа на посту начальника школы была ему просто не под силу.

Вскоре начальником школы стал Ржевский, до того командовавший одной из дивизий в Московском военном округе. Жизнь курсантов постепенно пошла своим чередом в соответствии с учебными планами и программами. Не стало нервозности, раздражительности, учебный процесс стабилизировался, но ненадолго.

Мы вынуждены были прервать занятия и в спешном порядке покинуть свой городок. В ряде населенных пунктов в районе Чигемского и Баксанского ущелий вспыхнуло кулацкое восстание. Перед нами поставили задачу — ликвидировать банду.

Курсанты школы вошли в состав двух отрядов. Во главе одного был поставлен С. И. Поветкин *. Этому отряду придавался кавалерийский полк. Командовать другим отрядом поручили мне. В него влилась рота, сформированная из местного партийного и советского актива.

Я вывел свой отряд в долину Суалзу, откуда начиналось Чигемское ущелье, чтобы затем двинуться к селению Ахтопрак — опорной базе врага. Но пройти намеченным путем не удалось. Ущелье перекрывалось огнем кулаков. Мы приняли решение взять Ахтопрак обходным маневром, для чего надо было преодолеть горный перевал. Дорог через него мы не знали. Помогли местные активисты — вызвались быть проводниками.

На перевале группа бойцов под командованием Кузьмичева встретила сопротивление врага. Смелым маневром курсанты смяли бандитов и принудили их сложить оружие. Утром отряд неожиданно для противника окружил селение. Сопротивление врага было сломлено в скоротечных боях, и кулачье, прятав оружие, попыталось скрыться в горах. При активной помощи местных жителей за два дня мы выловили более ста человек и изъяли их вооружение.

* В 1943 году я встретил С. И. Поветкина в районе Можайска под Москвой в звании генерал-лейтенанта. Он тогда командовал стрелковым корпусом.

Успешно действовал в районе Баксанского ущелья и отряд С. И. Поветкина.

И снова наши курсанты и командиры пошли по окрестным селениям. Они встречались с местными жителями на собраниях, учили их детей читать и писать. Многие за это были отмечены потом ценными подарками, получили отпуска.

Вскоре меня пригласили в штаб округа и предложили занять должность военного коменданта города Ростова. Истекал пятый год моего пребывания в школе и, честно сказать, мне уже хотелось в войска, а не на административную работу. Я не принял предложение.

Поздней осенью 1932 года меня назначили на должность заместителя командира полка, и я приехал в Сибирь.

Здесь морозы доходили до сорока пяти градусов. После двенадцати лет службы на Кавказе, где климат, условия жизни и труда были совсем иными, это что-то значило. Если не для меня, погрузившегося в круг своих служебных обязанностей, то по крайней мере для жены и трехлетнего сына, еще не встречавших столь крепких, сибирских холодов.

Командир полка Н. Е. Белов, с которым я познакомился в первый же день приезда, оказался интересным человеком. Его доброта, отзывчивость, умное и уважительное обращение с людьми рождали желание ответить ему тем же, поступать, как он. Н. Е. Белов любезно предложил мне занять одну из комнат его двухкомнатной квартиры.

— Вы нам нисколько не мешаете, — добавил он. — Поживете пока у меня, а мы похлопочем, чтобы вам поскорее дали квартиру.

Мне было неудобно стеснять своего командира и я, поблагодарив его, поселился в гостинице. А в скором времени получил квартиру, работать стало веселее. Опыт, приобретенный в школе, пригодился.

Командир полка любил, чтобы его подчиненные проявляли самостоятельность, широко использовали возможности, силу и влияние партийной и комсомольской организаций. Он испытывал большое удовлетворение, когда командиры шли к нему со своими предложениями, направленными на повышение боеготовности подразделения или просто посоветоваться, высказать

свою точку зрения, свое отношение к какому-либо служебному вопросу. Он побуждал к тому, чтобы люди относились к делу творчески, а не только полагались на силу приказа.

И мы были весьма удивлены, когда после внеплановой проверки услышали от командира дивизии нелестные замечания по адресу командира полка.

Он вызвал, в частности, меня и прямо поставил такой вопрос:

— У нас есть данные, что Белов сковывает инициативу командиров? Правильно это или нет?

— Ничего подобного не замечал. У нас с командиром полка полное взаимопонимание,— ответил я.— Может, вас неправильно информировали?

— Попробуем разобраться,— комдив полистал какие-то бумаги и встал, давая понять, что разговор окончен.— А результатами проверки я доволен, хотя есть и существенные недоработки. Особо в огневой подготовке.

Не прошло и двух недель, как неожиданно для всех, в том числе и для меня, я получил приказ принять полк. Командовал им около пяти месяцев. Затем по окончании курсов «Выстрел» к нам приехал Лойф, который и стал во главе полка. Некоторое время мы вместе готовили подразделения к выезду в летние лагеря, потом меня командировали на сборы по подготовке речников-водолазов.

Тогда о речниках-водолазах в армейской среде говорили много. Считали, что в будущем они сыграют немаловажную роль и найдут широкое поле боевой работы. Словом, прогнозы строились самые обнадеживающие.

В это время я в последний раз встретился со своим бывшим командиром полка К. Л. Добросердовым. Мы провели вместе несколько приятных часов и переговорили о многом. Он был обрадован, что его бывшие подчиненные продвигаются по службе.

Я получил задание организовать подготовку водолазов для частей Сибирского военного округа. Эта работа меня увлекла. На реке построили водную станцию. Затем сформировали подразделение из красноармейцев и младших командиров, специально отобранных для того, чтобы учиться действовать под во-

дой — крепких здоровьем, обязательно некурящих, хороших спортсменов.

Хлопот в этом новом деле было много. Река не маленькая. Ее ширина превышает полкилометра, а глубина — свыше десяти метров. Форсировать ее по дну в специальном снаряжении с материальной частью и вооружением оказывалось не так просто. Но шло время, накапливался опыт, появились первые успехи.

Была в этом немалая заслуга и командующего Сибирским округом Гайлита, который уделял нам самое пристальное внимание. Он любил физкультуру, сам отлично плавал, занимался другими видами спорта и порой продолжительное время проводил на водной станции, вместе с нами отрабатывая тот или иной тактический маневр.

Иногда командующий увлекался до того, что его трудно было уговорить подняться со дна реки. Мы не на шутку начинали волноваться, а он, поняв наше беспокойство, недовольно бросал в таких случаях:

— Нельзя ли без паники, товарищи? Дайте мне буюк, и не мешайте, пожалуйста. — Он привязывал буюк к поясу и снова погружался. Мы чувствовали себя спокойнее — поплавок на поверхности воды указывал, в каком месте находится наш командующий.

В короткое время было подготовлено несколько сот подводников. Специальная инспекция, принимавшая зачеты, дала им хорошую оценку.

В общевойсковых соединениях того времени танковых подразделений не было. Постепенно на тактических занятиях стали вводить условные танковые подразделения, применять макеты.

В танки я влюбился, как говорят, с первого взгляда, и решил стать танкистом. Я обратился с просьбой к командующему военным округом, но получил отказ. Тогда написал в Москву, и через некоторое время меня вызвали в столицу. Я полагал, что все уже согласовано с командующим, в Новосибирске сошел с поезда и явился в штаб округа. Гайлит был на месте и согласился меня принять.

— Какая нужда принесла? Садись, рассказывай, — предложил он, ничего не подозревая.

— Еду в Москву, — бодро ответил я, подавая вызов. — Хочу стать танкистом.

— Ка-а-ак в Москву? — приподымаясь из-за стола, в сильном возмущении протянул командующий. — Кто дал согласие? Кто разрешил?

Командующий телеграммой потребовал отменить мой вызов. С ним не согласились. Он повторил запрос. Ответ был тот же. Гайлита это разозлило и он не пожелал больше встречаться со мной, но приказал начальнику по кадрам Рязанову отправить меня, как полагается, с полным обеспечением.

А в Москве меня ожидала еще одна неприятность. Я заболел двусторонним воспалением легких и вместо того, чтобы находиться на лекциях, оказался в санчасти военной академии *. Пугала не столько сама болезнь, сколько боязнь того, что будет много пропусков занятий, и меня отчислят. Но этого не произошло.

После фанерных макетов увидеть настоящие отечественные танки БТ-5, БТ-7 и другие — значило для нас очень многое. А повести их собственноручно по танкодрому через различные препятствия — и того более. И если мы чего-то достигли, то этим обязаны были прежде всего замечательному коллективу преподавателей академии, ее партийной организации, бережно растивших из нас командиров механизированных войск. Много сил и труда отдавали нашей подготовке инженеры и военные специалисты разных профилей.

Пройдя длительную стажировку в танковой бригаде, мы разъехались по частям. Я был направлен командиром отдельного танкового батальона в легендарную 25-ю Чапаевскую дивизию. Правда, мне хотелось попасть в отдельное танковое соединение, чтобы поработать под руководством опытных командиров-танкистов. Но и послужить в дивизии, которую водил в бой прославленный полководец В. И. Чапаев, — тоже большая честь! Я поехал к чапаевцам.

На узком совещании, которое провел командир дивизии В. П. Бутырский, перед нами была поставлена задача — в короткий срок закончить формирование танкового батальона и после Первомайских праздников перебазироваться в лагеря, которые к тому же сроку тоже надо было отстроить заново. Контроль за испол-

* Ныне академия имени Р. Я. Малиновского.

нением комдив возложил на своего заместителя К. П. Трубникова.

Как водится, мы погоревали, что дается мало времени и, засучив рукава, взялись за дело. Мы — это заместитель по политчасти Пономаренко, начальник штаба Кульба и другие командиры будущего танкового батальона.

К Первомаю закончили комплектование, получили материальную часть. Сложнее было с подготовкой летних лагерей, потому что нам отвели совсем необжитое место, по существу, пустырь. Здорово помогли шефы — строители меланжевого комбината. Особенно большую заботу проявлял В. И. Октябрьский, главный инженер этого предприятия.

В нашем батальоне не раз бывали комдив Зюк, сменивший Бутырского, комбриг Скулаченко — начальник бронетанковых войск военного округа, и другие военачальники (жаль, что годы стерли из памяти имена этих и многих других моих бывших сослуживцев и я называю их здесь только по фамилии). Проводились также командирские сборы, семинары политрабработников: у нас для этого была неплохая база.

Между тем, батальон жил напряженной, расписанной по часам и минутам, жизнью. Во всех подразделениях развернулось социалистическое соревнование за отличное овладение материальной частью и оружием, за образцовый внутренний порядок и крепкую дисциплину. Его организаторами выступали коммунисты и комсомольцы. Постепенно батальон занял ведущее место среди прославленных чапаевских полков.

— Был бы жив Василий Иванович Чапаев, как бы он пораздовался! — не раз приходилось слышать от бойцов.

17 августа 1936 года за успехи в боевой подготовке меня наградили орденом Красной Звезды. Я не находил слов, чтобы отблагодарить большевистскую партию и Советское правительство. Орден мне вручали в Москве. Это были очень волнующие минуты! Когда я вернулся, в батальоне состоялся митинг.

Окрыленный наградой, я работал с небывалым воодушевлением. Однако вскоре меня неизвестно за что исключили из партии. Пришлось немало поволноваться. Но, к счастью, все стало на свои места.

Глава седьмая

ТРЕВОЖНОЕ ВРЕМЯ

Накануне первомайских торжеств 1939 года я был назначен командиром батальона в отдельную тяжелую танковую бригаду и выехал на Смоленщину.

— Вижу, ты опытный командир, — задумчиво произнес командир бригады Потатурчев, — принимай батальон — и за работу! Правильно я говорю, товарищи? — Комбриг посмотрел на сидевших здесь же бригадного комиссара Соломко, начальника штаба бригады Бахметьева, начальника политотдела Канышева.

— Батальон требует большого внимания. Поработать есть над чем, — сказал полковой комиссар Канышев. — С дисциплиной не все благополучно. Ослаблена политическая работа с людьми.

— Кстати, в вашем батальоне есть выпускники Орловского бронетанкового училища*, — повернулся ко мне комбриг, — это облегчит вашу работу. С земляками быстрее находится общий язык, правда?

С земляками я познакомился уже на другой день. Андрей Сиднев, Сергей Юношев, Василий Филимонов и другие получили хорошую подготовку в Орловском училище, но на должностях командиров рот и взводов были недавно, нужного опыта еще не имели. Работали они действительно с огромным энтузиазмом и с большим напряжением. Это были замечательные ребята! Скромные, горячо влюбленные в свою профессию танкиста, не пасовавшие ни перед какими трудностями. А ведь их пришлось преодолевать немало.

Международная обстановка усложнялась. Фашистская Германия шла открыто агрессивным курсом. Мы в своей среде не раз говорили о том, что договор о ненападении хоть и отсрочил войну, но полагаться на него опасно и доверять гитлеровцам нельзя.

Незадолго до того, как Германия напала на Польшу, в батальон пришло пополнение. Надо было учить людей воевать, учить в обстановке, максимально приближенной к боевой, повысить уровень всей политико-воспитательной работы. На все нужно было время, а его оказалось в обрез.

* Расформировано после Великой Отечественной войны.

1 сентября 1939 года гитлеровцы вторглись в пределы Польши. Вторая мировая война началась. Если бы наша страна оставалась безучастным наблюдателем, фашистские войска, пройдя Польшу, вышли бы на ближайшие подступы к Минску, недалеко от которого проходила тогда государственная граница. Они непосредственно угрожали бы жизненным центрам страны. К тому же, под пятой фашизма оказались бы братские народы западных областей Украины и Белоруссии, чего нельзя было допускать.

17 сентября части Красной Армии перешли границу. В первый же день наш батальон совершил 70-километровый марш. Стояла жара. В танках температура приближалась к сорока градусам. Нечем было дышать, танкисты обливались потом, но самоотверженно вели машины вперед и в точно назначенное время выходили на указанные рубежи.

Население Западной Белоруссии встречало своих освободителей очень радушно. У дорог собирались толпы народа. Женщины несли нашим воинам холодное молоко, угощали фруктами, дарили цветы, расшитые полотенца, приглашали в гости.

В первый же день на марше я почувствовал приступ малярии. Меня то трепал озноб, то все тело разламывалось от жары. Поднялась температура. На одном из привалов командиры рот заметили это и собирались доложить командиру бригады. Я категорически запретил им это делать, сославшись на то, что просто плохо спал. Кажется, они поверили. Но я побаивался, как бы кто из них не проговорился, старался казаться бодрым и без меры принимал хинин. Мне думалось, что если я уйду с марша в госпиталь, то это вызовет нежелательные толкования, и на меня опять ляжет какое-нибудь подозрение.

В этом походе нам не пришлось вести боевые действия, но вся бригада и мой батальон в частности, получили хорошую закалку и успешно решили ряд комплексных тактических задач. Мы прошли до Гродно, не имея ни одной аварии, ни единой поломки.

От Гродно мы своим ходом вернулись в Минск, а через некоторое время бригада получила приглашение принять участие в Московском параде по случаю годовщины Октябрьской революции. Развернулась актив-

ная подготовка, проходившая в атмосфере большой приподнятости и радостного оживления.

Мне тоже впервые предстояло проехать по Красной площади перед Мавзолеем великого Ленина, и я погрузился в многочисленные заботы. Особенно напряженно пришлось трудиться с механиками-водителями. Ведь от их мастерства зависела красота зрелища. Каждый из них должен был образцово подготовить материальную часть, вести машину в строго заданном режиме, ежесекундно чувствуя локоть товарища.

В отдельные моменты наша радость омрачалась известием о том, что такой-то из танкистов к параду не допускается.

— Почему? — спрашивал я.

— Много будете знать, скоро состаритесь, — следовал ответ.

Это вызывало недоумение. Человеку с оружием в руках месяц назад доверялось защищать интересы государства, а сейчас его считали «неблагонадежным» без каких-либо оснований.

Наконец, генеральная репетиция... И рано утром 7-го ноября батальон занял исходную позицию. Прозвучала команда. Взревели моторы. Танки изумительно четким и красивым строем двинулись по брусчатке Красной площади. Люки было приказано закрыть, и мы могли только догадываться, что на трибунах Мавзолея находятся руководители партии и правительства, известные военачальники. Мы никого из них не увидели. Я подумал, что и здесь, наверное, сыграла свою роль ничем не оправданная подозрительность.

После парада нам передали благодарность Народного Комиссара обороны СССР, а потом пригласили в Кремль на прием. Но и здесь не обошлось без шероховатостей. В последний момент стало известно, что наш начальник штаба, имевший немалый партийный стаж, скромный и трудолюбивый товарищ, исключен из списков приглашенных.

— Почему? — поинтересовался я.

— По нашим соображениям, — был ответ.

Мне и моим сослуживцам остались непонятны эти «соображения». Тем более, что человек продолжал работать в той же должности и после приема в Кремле.

Из Москвы мы возвратились в Минск и начали за-

ниматься в соответствии с планом. Однако спровоцированная белофиннами война усложнила наши задачи. Пришлось уплотнять распорядок дня и учебную программу. Нашим воинам необходимо было уметь действовать в суровых климатических условиях, знать систему вражеских укреплений, технику и тактику противника, быть выносливыми.

Это были трудные дни. Коммунисты батальона не жалели сил и времени, чтобы в короткий срок поднять боеготовность. Они заражали людей личным примером и пламенным словом агитатора, везде шли первыми.

— Ну, как танкисты? — спросил меня командир бригады в одну из проверок. — С Маннергеймом справятся?

— Считаю, что батальон готов для решения боевых задач.

— Хорошо. Сам поведешь его в бой. Ясно?

— Ясно, товарищ комбриг!

Однако вскоре я получил назначение на должность командира танкового полка и, откровенно говоря, уезжал с сожалением. Столько было вложено труда, столько отдано сил! Я прирос к своему батальону, знал его людей, хорошо сработался с командирами всех степеней. И вот... Хотя и повышение, радоваться положено, а у меня боль в сердце.

Город, куда я приехал в январе, встретил холодами. В штабе части узнал, что полк находится в процессе формирования, и мы должны не только полностью завершить эту сложную работу, но и активно готовить людей к боевым действиям.

Несколько дней затратил на ознакомление с личным составом полка, с его хозяйством, с постановкой всей внутриполковой работы и службы. Впечатление сложилось неважное. Свои соображения я изложил на командирском совещании, а затем на партийном собрании. Подавляющее большинство объективно оценило мои замечания. Однако были и такие, которые придерживались принципа: «Нам все нипочем. Мы кого угодно шапками закидаем».

— Напрасно сомневаетесь, — простодушно говорил один из младших командиров. — Неисправны несколько машин? Ерунда! Сделаем. Люди отсиживаются в казарме? А мороз-то — 25 градусов.

— Вы что же думаете, в морозные дни танкисты на войне сидят на теплой печке?

— Зачем на печке? В танке не холодно. Потом же у него мощнейшие гусеницы. Наскочил, смял — точка!

Кое у кого, к сожалению, еще преобладали «гусеничные» настроения, а весь расчет строился на механической мощи машины, на ее устрашающем психологическом воздействии. Но так рассуждали в период гражданской войны, когда и танков почти что не было, и противотанковые средства только зарождались. С той поры минуло двадцать лет. Развитие военной техники шагнуло далеко вперед.

— А если враг и близко вас не подпустит? — возразил я.

— Как это не допустит? — удивился мой собеседник. — Это же — танк! Сила!

— С ним теперь тоже умеют бороться. Противотанковая артиллерия, минные поля, гранаты... Для «гусеницы» это уже много!

— Э, — махнул он рукой. — Ерунда! Перед танком ничто не устоит.

Ночью я приказал поднять полк по боевой тревоге. В подразделениях началась беготня и суета. В темноте кое-кто терял ориентировку и попадал не туда, куда следовало. Некоторые командиры, плохо уяснившие порядок действия в боевой готовности № 1, просили уточнить маршруты движения, ориентиры, очередность выхода на тот или иной рубеж, порядок взаимодействия с соседями.

Двадцатипятикилометровый форсированный марш с боевыми стрельбами в заданном районе выявил новые недостатки. Почти в каждой роте недосчитались танков, вышедших из строя по техническим неисправностям. Оставляла желать много лучшего организация разведки, охранения, взаимодействия взводов и рот. Некоторые экипажи плохо переносили морозы. Серьезные недочеты обнаружились в управлении огнем. Хотелось видеть больше пораженных мишеней.

Обо всем этом я доложил на разборе.

Полк «излечивался» медленно, но верно. Это радовало, но не успокаивало. Мы продолжали свою работу даже тогда, когда уже находились в пути на Петрозаводское направление: в вагонах шли занятия, на длительных остановках устраивались лыжные соревнова-

На врага.

ния. Люди не теряли время понапрасну и это сказалось буквально в первые же дни боевых действий.

Суровая снежная зима, лесистая местность, пересеченная озерами, реками и болотами, пористый лед, легко ломавшийся под тяжестью машин, доты и дзоты, эскарпы и бетонные надолбы, противотанковые рвы — все эти и другие препятствия создавали для танков немалые трудности. Броня некоторых марок наших машин оказалась слабой и пробивалась огнем крупнокалиберных пулеметов.

В этих сложных условиях надо было действовать на повышенных скоростях и с большой маневренностью, в тесном взаимодействии с пехотой и артиллерией, порой дерзко и весьма находчиво. Танкистам приходилось трудно, но они не пасовали ни перед какими препятствиями.

Дружным натиском наших войск пресловутая линия Маннергейма была сломлена, Рабоче-Крестьянская Красная Армия Страны Советов одержала победу, исключительно важную для укрепления своей северо-за-

падной границы и обороны цитадели революции — города Ленина.

Летом сорокового года полк перебазировался. Я настоял на том, чтобы расположить его за городом, в лагерях. Война с белофиннами научила нас многому. Учитывая приобретенный в тяжелых боях опыт, а также то, что агрессия Гитлера нарастает с каждым месяцем, мы развернули широкую подготовку личного состава. На летних учениях полк проверяла комиссия Закавказского военного округа. Она дала высокую оценку выучке наших танкистов. Воины удостоились также похвалы другой комиссии, работой которой руководил генерал П. П. Собенников, представитель Наркомата обороны.

Мне присвоили звание полковника. А зимой того же года я получил новое назначение и прибыл в распоряжение командующего Одесским военным округом. Шел тревожный 1941 год...

Глава восьмая

22 ИЮНЯ...

В тот навеки памятный советским людям год Одесским военным округом командовал генерал-полковник Я. Т. Черевиченко, человек волевой, настойчивый, умеющий смотреть вперед. Принял он меня тепло, внимательно. До этого мне не приходилось с ним встречаться, но в разговоре мы довольно скоро нашли общих знакомых, что внесло в беседу еще большую непринужденность и откровенность.

— Вам в кавалерии служить не приходилось? — спросил командующий, приглашая сесть.

— Было. Служил в 24-й дивизии, — ответил я, про себя отмечая, что генерал-полковник, видимо, неплохой знаток кавалерии и ценит этот род войск, много сделавший в годы гражданской войны.

— В 24-й? — оживился Черевиченко. — У Ахлюстина?

— Да, дивизией командовал генерал-майор Ахлюстин.

— Толковый командир! Знаю.

— Смелый, храбрый,— добавил я.— Мне пришлось видеть его в боях с белофиннами. Непосредственно в боевой обстановке.

— Обстановка, она по существу и сейчас боевая,— хмуря брови, заметил командующий.

Генерал Я. Т. Черевиченко говорил о политике буржуазной Румынии с глубоким знанием дела, умно оценивая складывающуюся международную обстановку.

— Граница у нас рядом,— он подошел к висевшей на стене карте.— Ухо надо держать остро! Здесь можно ожидать от них все, что угодно, в том числе и прямое вооруженное нападение. Почему? Да потому, что правители Румынии ориентируются на фашистскую Германию, которая взяла откровенно агрессивный курс. Они следуют дорогой Гитлера, а это опасно.

В беседе были рассмотрены самые различные стороны формирования танкового соединения, которым мне предстояло командовать. Я. Т. Черевиченко был весьма внимателен к каждому моему вопросу и обещал всемерную поддержку.

— Натиск, отвага, смелость! Вот что требуется от твоих танкистов,— подавая руку, сказал командующий на прощание.

Обстоятельный разговор состоялся и с начальником штаба округа генерал-майором М. В. Захаровым *. Он тоже выражал серьезную озабоченность обстановкой на западных границах нашей Родины и просил обратить особое внимание на подготовку штабов.

— Придется нам здесь воевать или нет — покажет время. Скорее всего, да,— подчеркнул начальник штаба.— Полагаться на благоразумие тигра глупо. Нужно держать палец на курке и быть готовым ко всему. Вы на финском были?

— Был.

— Опыт войны с японскими самураями у озера Хасан, на реке Халхин-Гол, а также с белофиннами гово-

* М. В. Захаров — ныне Маршал Советского Союза, первый заместитель Министра обороны СССР.

рит о том, что в бою очень многое зависит от умелой работы штабов. Не только тех, что находятся «наверху», — Захаров поднял указательный палец. — Не умаляйте значения штабов батальонов и полков. В боевой обстановке нередко они играют решающую роль в обеспечении и развитии успеха. Приступайте к делу без проволочек. Заранее предупреждаю — спрашивать будем строго. Случатся неувязки в работе — звоните, пишите.

Из Одессы я уезжал после встречи с членом Военного совета, который рекомендовал ускорить создание партийных организаций, поставить перед коммунистами подразделений конкретные задачи и усилить политическую подготовку личного состава. Как и командуемый округом, он обратил мое внимание на особенности нашей дислокации и предупредил о том, что нужно быть бдительными.

— Фашисты, несомненно, оставили свою агентуру. Это что-то значит и к чему-то обязывает, — сказал он, давая понять, что фашисты немаловажное значение придают так называемой «пятой колонне».

В марте состоялась дивизионная партийная конференция, после которой боевая и политическая подготовка личного состава пошла еще интенсивнее и в условиях, максимально приближенных к боевым. Бойцам и командирам всех степеней приходилось трудно. Были даже нарекания со стороны некоторых вышестоящих начальников в наш адрес за то, что мы, как говорится, «не с того бока» начали свою работу. Суть этих нареканий сводилась к тому, что сначала главное внимание надо обратить на создание комфортабельных бытовых условий. У нас, к сожалению, на это оставалось мало времени и поэтому главное внимание мы обратили на боевую и политическую подготовку. Мастерство воинов росло день ото дня. А это было как раз то, чего требовала обстановка.

21 июня, в субботу, наши подразделения находились за городом — отрабатывали вождение танков по пересеченной местности со стрельбой на ходу. День прошел успешно, результаты радовали. По инициативе коммунистов и комсомольцев, поддержанной командованием и всем личным составом, было решено 22-го

Март 1941 года. Слева направо: Митьков, Волох, Родин.

июня провести воскресник по благоустройству территории и казарм, в которых мы располагались.

Домой я вернулся примерно в десять часов вечера. Сын Генрих меня ждал. Он перешел в шестой класс с похвальной грамотой, за что я купил ему велосипед и обещал с утра 22-го июня помочь научиться кататься. Но все случилось не так, как мы рассчитывали.

В пятом часу утра прибежал посыльный штаба.

— Товарищ командир! Срочно...

Уже по одному виду бойца, взволнованного, раскрасневшегося, стало понятно, что дело не терпит никакого промедления. Быстро одевшись, застегивая на ходу ремень с пистолетом, я направился в штаб.

Там увидел командиров Митькова, Уськова, Соколова, Смирнова. Подошли Максенков, Гудилин, начальник артиллерии Семенов, заместитель по политчасти Андреев, другие командиры и работники штаба. Начальник штаба Задорожный молча протянул мне лист бумаги. Это была директива командования.

Директива предписывала привести в боевую готовность все воинские части, рассредоточить их и замаскировать. Указывалось, что возможно 22 или 23 июня

гитлеровцы предпримут нападение, которое, по всей вероятности, начнется с какой-либо провокации. Поэтому надо быть начеку, но никаких самостоятельных действий не начинать.

Между тем, война уже шла. Гитлеровские орды, вторгшиеся в пределы нашей страны, уже топтали нашу родную землю, жгли села и города, убивали наших людей, грабили и разрушали культурные ценности. И вслед за директивой пришло распоряжение выступить навстречу врагу.

За двое суток до погрузки частей в эшелоны, взяв на себя всю ответственность, мы с невероятным трудом успели организовать эвакуацию наших семей. Моя жена с сыном смогли уехать только 3-го июля в Одессу, откуда их с огромными трудностями отправил в Полтаву мой бывший сослуживец полковник Н. Е. Белов.

24 июня решением Ставки был образован Южный фронт, командовать которым назначили генерала армии И. В. Тюленева. В состав этого фронта вошла и вновь сформированная 18-я армия под командованием генерал-лейтенанта А. К. Смирнова. Ему был подчинен 18-й танковый корпус, в который входили и мы.

Против наших 18-й и 9-й армий Южного фронта от Каменец-Подольска до устья Дуная наступали 11-я немецкая армия, 3 и 4-я румынские армии, 8-й венгерский корпус, а всего 24 дивизии и 15 бригад, поддерживаемые 450 самолетами. Численное превосходство врага было явным. Меня тревожило не только это. Очень беспокоила мысль, что не все наши командиры при всех их положительных качествах имели необходимый опыт руководства войсками в быстро меняющейся обстановке, обладали достаточной оперативно-тактической подготовкой.

1 июля немецко-румынские войска повели широкое наступление. Главный удар они нанесли в общем направлении на Могилев-Подольский, ставя целью обеспечить захват Киева окружением трех наших армий Юго-Западного фронта в районе Бердичев — Винница.

Форсированным маршем наша дивизия вышла в район Жмеринки. В местечке Красное мы в спешном порядке заняли оборону и приняли на себя удар 100-й

моторизованной дивизии гитлеровцев. Завязались упорные кровопролитные бои. Исключительно самоотверженно действовали артиллеристы полка, которым командовал подполковник Смирнов, выделявшийся большим хладнокровием. Беспощадно громили врага танкисты 93-го танкового полка под командованием подполковника Митькова. Я хорошо знал и глубоко уважал этого решительного, вдумчивого командира. К выполнению каждой боевой задачи он подходил осмотрительно и расчетливо, трезво оценивая соотношение сил и складывающуюся обстановку. Инициативный и находчивый, подполковник Митьков обладал способностью удивительно верно ориентироваться в любых условиях.

Умело командовал ротой старший лейтенант Павлов, член партии, из 94-го танкового полка. Его воины метко поражали вражеские машины, применяли дерзкие маневры и наносили по гитлеровцам удар за ударом там, где они их меньше всего ожидали. В одной из схваток коммунист Павлов подбил два фашистских танка, раздавил минометную батарею с расчетом и уничтожил около двух десятков гитлеровцев. Когда я поздравил его с первой крупной победой, он, не ожидая похвалы, сильно смутился, но, как и принято, отчеканил:

— Служу Советскому Союзу!

Командир взвода первой роты 93-го танкового полка лейтенант Высоков, заняв место убитого башенного стрелка, подбил танк и уничтожил двенадцать немецких солдат. Мужественно дрались с врагом подразделения, которыми командовали майоры Бубнов и Мочан, разведчики капитана Кислицкого, воины майора Соколова и многие другие.

В течение нескольких дней дивизия оборонялась в районе местечка Красное, а затем получила приказ отойти на новый рубеж, что проходил по населенным пунктам Стояны — Бушинка. Для прикрытия была образована специальная группа, в которую вошли танковый батальон, рота пехоты и артиллерийская батарея. Командование приняли на себя майор М. Т. Мельничук и старший политрук Субботин.

Когда полки начали скрытно уходить, эта группа развернула активную обработку вражеского переднего края. Она беспокоила гитлеровцев огнем танков,

совершала на них дерзкие налеты, держала под контролем пути их передвижения. У фашистов сложилось впечатление, что наша дивизия продолжает удерживать район обороны. Они подтянули резервы, провели дополнительную подготовку для наступления.

Темной ночью группа Мельничука покинула свои позиции, а рано утром немцы обрушили на это место ураганный огонь артиллерии и минометов. Он длился минут сорок. Затем под прикрытием танков гитлеровская пехота двинулась в атаку. Первое время шла она довольно бодро, но чем ближе подходила к нашим окопам, тем короче становился ее шаг. Немцы посчитали, что если мы не стреляем, значит, хотим пустить их ближе и ударить наверняка. Танки сбавили скорость, пехота залегла. Артиллерия усилила огонь по пустому месту...

Время, очень дорогое для нас время, было выиграно. За тридцать шесть часов, в течение которых группа Мельничука сдерживала фашистов, дивизия сумела оторваться от врага и выйти на новые огневые рубежи. По пути было оставлено несколько подвижных групп во главе с начальником штаба батальона старшим лейтенантом Жила и секретарем партбюро батальона старшим лейтенантом Пономаревым.

Поняв, что их провели, гитлеровцы организовали преследование, но наткнулись на эти подвижные группы и были снова остановлены. Их били из засад, расстреливали с заранее подготовленных позиций, уничтожали на путях обхода. Враг потерял еще около десятка танков, восемь бронемашин, десять грузовиков, до сорока мотоциклов и почти двести солдат и офицеров.

Тем временем дивизия успела замаскировать технику, организовать определенную систему огня на вероятных направлениях появления фашистов, пополниться боеприпасами, провести заправку машин горючим. Измотанные тяжелыми боями экипажи и расчеты были наконец хорошо накормлены.

Соседом справа у нас оказалась 39-я танковая дивизия. Слева фланг был открыт, и нам пришлось позаботиться о том, чтобы обезопасить себя с этой стороны.

Тихая, звездная украинская ночь, не однажды воспетая нашими соотечественниками в стихах и прозе, прошла спокойно. Люки танков были открыты. Танкисты

спали, не покидая своих мест. У орудий расположились артиллеристы. Только часовые вышагивали туда-сюда, чутко улавливая звуки, которые доносились с той стороны, откуда двигался враг.

Утром появились фашистские самолеты. Была дана команда уйти в укрытия и ничем не выдавать своего присутствия. Стервятники покружились, посылая на землю редкие пулеметные очереди, и улетели. Потерь у нас не было. Сосед тоже не проявлял активности. Очевидно, он тоже решил не показывать своего присутствия.

В полдень доложили, что на дороге появилась небольшая группа вражеских мотоциклистов в сопровождении нескольких бронемашин. Мы дали боевому охранению указание пропустить ее. Когда гитлеровцы приблизились к переднему краю нашей обороны, по бронемашинам ударили из пушек. Они загорелись. Мотоциклисты заметались из стороны в сторону, ища объезды и пытаясь удрать. По ним стеганули свинцовые очереди пулеметов.

Вражескую разведгруппу полностью ликвидировали. Появились военнопленные. Это были первые военнопленные, взятые нами в те дни. У бойцов очень велико было желание увидеть вблизи живого немца, и они группами и в одиночку прибегали к штабу посмотреть, что это за «гуси». Но оказавшись с нами лицом к лицу, «гуси» опустили крылья. Они стояли растерянные и ошеломленные. Куда девались спесь и высокомерие!

Допрос показал, что перед нами все та же 100-я дивизия. Только прежде мы знали о ней по донесениям разведчиков, а теперь имели возможность почерпнуть свежие сведения от самих гитлеровцев. Они сообщили, что вслед за разведгруппой движется головной отряд с танками и мотопехотой, рассказали о вооружении и численном составе некоторых частей, дали другие ценные показания. Отправив пленных в тыл, мы изготовились к встрече врага.

Через некоторое время наше боевое охранение завязало ожесточенную перестрелку, примерно на час остановило гитлеровцев, а потом заняло свое место в первой оборонительной линии. Напряжение нарастало. Бойцы и командиры замерли — каждый там, где находился. Взоры всех устремились вперед. Перед нами ровное поле, на котором все хорошо просматривается, все пристреляно.

С. А. Семенов, начальник артиллерии 47-й танковой дивизии. 1941 год.

Вот из-за бугра выскочила лавина вражеских танков и, на ходу принимая боевой порядок, покатились на наши позиции. Расстояние сокращается с каждой секундой. В бинокль уже отчетливо видны паучьи кресты на бортах машин. Они все ближе и ближе.

Взмывают к небу ракеты — сигнал открытия огня. В тот же миг заговорили наши пушки и врытые в землю танки. Сразу загорелись и остались на месте восемь вражеских машин из головной группы. Огонь перенесли в глубину боевых порядков и вывели из строя еще несколько танков. С автомашин, шедших позади, начала спрыгивать пехота и развертываться цепью. По ней ударили наши пулеметчики и прижали к земле.

Я не отводил бинокль от глаз, наблюдая за полем боя, и восхищался действиями наших танкистов, артиллеристов, всех бойцов и командиров. Четко работал начальник артиллерии полковник С. А. Семенов. До прибытия в дивизию он был старшим преподавателем военного училища, прекрасно знал материальную часть, огневое дело, тактику, настойчиво изучал зарубежный военный опыт. А теперь с большим мастерством использовал свои богатые знания на практике.

Хладнокровно и расчетливо использовал силы механизированного полка его командир майор Соколов, участник боев с белофиннами. В четком взаимодействии крушили врага танковые полки, руководимые подполковником Уськовым и подполковником Митьковым. Пламенным большевистским словом вдохновляли воинов политработники — начальник политотдела дивизии Максенков, старший батальонный комиссар Арцинов, старший политрук Лишевский и другие, находившиеся все время на переднем крае. Мой заместитель по технической части подполковник Ермоленко проявил немало изобретательности, находчивости и смекалки, чтобы при острой нехватке ремонтных средств ставить в строй поврежденные танки и автомашины, чтобы в невероятно сложной обстановке обеспечивать их горючим.

Фашисты откатились, но от своего намерения не отказались. Перегруппировав силы, они повторили попытку смять нас. Мы опасались за свой открытый левый фланг, но гитлеровцы пошли в обход правого. Там их встретил огонь 39-й танковой дивизии и нашей артиллерии. Враг был снова отброшен. Наступила ночь, прошедшая в тревожном ожидании. Над районом нашей обороны появились две группы самолетов — по двадцать в каждой. Это были пикирующие бомбардировщики. Отбомбившись, они улетели, и вслед за тем последовали очередные атаки танков, за которыми двигалась пехота. Но успеха гитлеровцы не добились и на этот раз.

После этих боев 100-ю вражескую дивизию мы больше не встречали. Она понесла крупные потери в технике и живой силе, была растрепана и обескровлена, и, очевидно, выведена для пополнения или расформирования.

Однако, несмотря на отдельные наши успехи, общая обстановка складывалась не в нашу пользу. Мы вынуждены были снова отходить и на рубеже Гайсин — Жерденевка — Мартьяновка сдерживать фашистские части 49-го горно-стрелкового корпуса. Еще на марше тыльная застава, давая возможность основным силам дивизии закрепиться, вступила в яростную схватку с врагом. Туда немедленно отправился майор Соколов, командир механизированного полка, волевой, энергичный коммунист. Наши воины стремительной контратакой

отбросили гитлеровцев и продолжали марш. Вместе с ними остался и Соколов.

На рассвете застава сделала остановку, но внезапным ударом группы мотопехоты была окружена. Несколько часов длился этот неравный бой. Вырваться удалось не многим. Они сообщили, что майор ранен, однако продолжает руководить боем. Мы немедленно организовали ударный отряд под командованием майора Белогрищенко и послали его на помощь. Но было уже поздно. На месте отряд не нашел ни командира полка, ни тех, кто с ним был в тыльной заставе. Среди убитых Соколова также не обнаружили. По всей вероятности, раненый, он попал в плен. Мы тяжело переживали эту потерю.

И снова дивизия отходит на восток...

На берегах Южного Буга она несколько дней отбивается от фашистов, несет тяжелые потери, но продолжает удерживать свой район обороны.

Врагу все же удалось нащупать уязвимые места на наших флангах, и он обошел нас справа и слева. Все пути выхода оказались отрезанными. Мы были окружены. Ко мне на оперативное совещание сразу же собрались все командиры и политработники. Длилось оно недолго. Решение было единодушным: «Готовиться к прорыву. Драться до последнего патрона».

По радио я доложил обстановку командиру танкового корпуса генерал-майору П. В. Волоху и запросил у него некоторые распоряжения. Однако связь неожиданно оборвалась, и на мои вопросы ответа не последовало. Впоследствии мы узнали, что на штаб корпуса вышли гитлеровцы, и ему с боем пришлось уходить в другое место.

Сначала фашисты непрерывно (четыре-пять раз в день) атаковали нас, пытались расчленить дивизию и уничтожить ее по частям. Но от такого намерения им вскоре пришлось отказаться, так как, заняв круговую оборону, наши бойцы разбивали все их попытки.

Тогда гитлеровцы повели психологическую обработку. По радио и через листовки, сбрасываемые с самолетов, они твердили, что Москва и Ленинград пали, что мы сидим в стальном кольце и нам никогда из него не вырваться, лучше прекратить сопротивление и сдаться в плен. Ко мне они обращались персонально,

называя по званию и фамилии, обещая райскую жизнь, если я отдам предательский приказ.

Подлый враг хотел убить веру в наше правое дело, посеять сомнение, безнадежность, вызвать панику, разрушить наше моральное единство, святую армейскую дружбу. Мы хорошо понимали, что в семье, как говорят, не без уroda, и кое-кто из слабовольных, нестойких характером может клюнуть на удочку гитлеровской пропаганды.

К тому же, трудности нарастали. Быстро таяли остатки продовольствия, на счету был каждый снаряд и патрон, а надежды на их получение никакой. Люди сильно устали. В помощи нуждались раненые, а медикаментов не оставалось. Все это было благоприятной почвой, на которой, случается, произрастает недисциплинированность, смятение, паника, а то и прямая измена Родине. Момент возник чрезвычайно ответственный.

Политработники всех рангов, коммунисты, наш беспартийный актив повели среди личного состава широкую разъяснительную работу. Они разоблачали лживые утверждения геббельсовской пропаганды, в доходчивой и убедительной форме показывали смысл и характер войны, примеры взаимовыручки и стойкости наших бойцов. Они несли людям правду, ничего не скрывая и не приукрашивая.

В первый период войны слово «окружение» производило на отдельных людей ошеломляющее впечатление. Это объяснялось тем, что их заблаговременно психологически не подготовили к тому, чтобы правильно воспринимать его и не терять самообладания даже если ты действительно попал в окружение врага.

Политработники и командиры терпеливо разъясняли, что в условиях маневренной войны, войны моторов и совершенной техники, возможны и допустимы отрывы отдельных частей и соединений от своих основных сил, возможно и окружение. И в таком положении войска остаются воинскими частями и обязаны выполнять боевые задачи, бить по тылам врага, разрушать его коммуникации, базы снабжения, линии связи, громить его везде, где он появляется, и стремиться выйти к своим основным силам.

К сожалению, не все смогли это сразу уяснить. Даже бывалые люди впадали в ошибку, полагая, что в окружении можно обойтись без воинских знаков раз-

личия, заменить военную форму, непременно раздробить силы, чтобы выходить чуть ли не в одиночку и даже без оружия. Стоило больших трудов, чтобы сбить ошибающихся с ложных позиций.

Пришлось, в частности, повозиться с помощником начальника по разведке. К нам он прибыл после окончания бронетанковой академии, а до того воевал в Испании и дважды был отмечен правительственными наградами. Волевой, энергичный, смелый, он в первых же схватках с фашистами показал незаурядные способности разведчика и добывал весьма ценные сведения о противнике. Активное участие принял он и в разработке плана прорыва вражеского кольца, но в то же время, пойдя на поводу нытиков, хотел снять ордена и воинские знаки различия. Нас удивило это до крайности.

— Вы — трус и заслуживаете суда военного трибунала, — прямо в глаза сказали ему товарищи. Это подействовало.

— Я никогда не был трусом и не стану им! — отрезал он и оставил на себе ордена и знаки различия. — Вы в этом убедитесь!

Однако колебания сильно подорвали его авторитет, и ему пришлось изрядно потрудиться, чтобы его восстановить.

Данные разведки показали, что на восток и на юг нам не пробиться — слишком было насыщено огневыми средствами вражеское кольцо. Оставалось идти на север. Было создано четыре отряда: прорыва, прикрытия с запада, с востока и с юга. Отряд прорыва возглавили я и комиссар Андреев, прикрытия с запада поручили организовать моему заместителю полковнику Михайлову, с юга — начальнику артиллерии Семенову, а с востока — подполковнику Митькову, командиру танкового полка.

В головной отряд прорыва брали только добровольцев, ибо от его действий зависела судьба всей дивизии. Активно хлопотали над формированием отряда старший батальонный комиссар Андреев, батальонный комиссар Максенов и ряд других товарищей. Им удалось сколотить крепкую группу, в которую вошли воины, готовые скорее умереть в честном бою, нежели уступить врагу.

Удар решили нанести в полночь в направлении дороги Гайсин — Кубличи, чтобы оседлать ее и выйти к

**Н. Ф. Михайлов, заместитель
командира 47-й танковой ди-
визии.**

своим. Решение было рискованное уже потому, что длительный бой выдержать мы не могли: в обрез было горючего и боеприпасов. Но другого выбора у нас не было.

На наше счастье, к вечеру небо стало заволакиваться тучами, пошел мелкий дождь. Это затруднило действия вражеской авиации, и нам придало сил и уверенности. Все подразделения заняли исходные позиции.

В двенадцать ночи разведгруппа головного отряда бесшумно уничтожила гитлеровские дозоры и дала сигнал к началу действий. Таранным ударом головной отряд разорвал вражеское кольцо. В пробитую брешь устремились полки дивизии. Наконец, мы на спасительной дороге. Я и комиссар Максенов стоим на обочине, подставляя лица освежающему июльскому дождю, а мимо идут танки, автомашины, артиллерия... Настроение людей поднялось. Это можно было без труда определить по разговорам и репликам бойцов, по их возгласам и замечаниям.

На подходе к Кубличи было получено сообщение, что там большое скопление фашистов. Примерно так мы и представляли. С расчетом на это строили и наш план. Поэтому, не доходя до населенного пункта, дивизия

повернула на девяносто градусов, двинулась прямо на восток и к пяти утра втянулась в Голованевский лесной массив, небольшой, но хорошо скрывший наше «хозяйство».

Не обошлось без нервозности. Неожиданно командир полка Уськов донес, что противник танками обходит его левый фланг, в тылу слышна автоматная стрельба и его, по всей вероятности, окружают. Я объяснил, что это не так, потому что со своего командного пункта просматриваю район расположения 94-го полка и ничего похожего не замечаю.

— Хорошо, сейчас разберусь,— успокоился подполковник, и больше тревожных донесений от него не поступало. Видимо, ему неправильно донесли.

Около полудня установили, наконец, связь с полевым штабом нашей 18-й армии, где находился и ее командующий генерал-лейтенант А. К. Смирнов. А еще через несколько часов вышли на действующие части этой армии и были среди своих. Тут же начали приводить себя в порядок, организовали людям питание и отдых.

О состоянии дивизии, большой усталости воинов я доложил командующему армией и попросил его хотя бы на ближайшие часы не ставить боевой задачи. Командующий обрисовал общее положение фронта и, в частности, 18-й армии: не считаясь ни с какими потерями, гитлеровцы пытаются замкнуть кольцо окружения у Первомайска. Нашей дивизии ставилась задача — задержать врага на рубеже Голованевская — Альшаны — Лысая Гора, не допустить его переправы через реку Синюху и продвижения по линии Богуславка — Шпола.

30 июля полки, сведенные в батальоны, вышли на указанные направления и заняли оборону путем эшелонированных засад, которые в тот период себя оправдывали. На другой день примерно в полдень на дороге на Альшаны появилась группа мотоциклистов в 10—12 машин, три бронемашины и два транспортера с автоматчиками. Это была разведка. Ее пропустили, а затем встретили губительным огнем. Почти вся она была уничтожена.

Минут через тридцать — сорок показалась головная колонна вражеских танков. Ее накрыли огнем артиллеристы капитана Цыганкова и наши танки, врытые в землю. Бой длился несколько часов. Гитлеровцы отступи-

ли, оставив на поле сражения 26 горящих машин. Я считал их сам, и меня переполняли гордость и радость за своих воинов, которые, не дрогнув перед численным превосходством фашистов, уставшие и много пережившие за месяц непрерывных боев, дрались, как настоящие русские богатыри.

3-го августа в два часа ночи мы получили боевой приказ на отход, а позже я встретился с командующим группой наших войск генерал-майором Гольцовым и зам. командующего Южным фронтом генералом А. Д. Штевневым. Обсуждали варианты удержания Первомайска, но участь этого города уже была решена. Предпринять что-то радикальное моя, в частности, дивизия не могла. Тем не менее 4 и 5 августа мы еще вели активные действия, оттянули на себя крупную группировку вражеских сил, чем способствовали выходу из окружения некоторых наших соединений. А к 10 августа вышли в район Вознесенска, который расположен в 75 километрах северо-западнее Николаева на Буге.

Обстановка создавалась исключительно тяжелая: фашисты, силы которых превосходили наши в несколько раз, повели мощное наступление. С тяжелыми боями мы вышли на рубеж Долманевка — Акмечеть и заняли оборону. Несколько раз дивизия подвергалась ожесточенной бомбежке с воздуха.

12 августа мы вышли на доукомплектование в район Знаменки, а затем сосредоточились в 15 километрах западнее Полтавы. Сразу к нам пришло пополнение как людьми, так и техникой — получали танки Т-34. На подготовку дали всего 10 дней. Срок, понятно, очень малый, но в той обстановке на большее рассчитывать было нельзя.

Меня беспокоила судьба жены и сына, и я поделился тревожными думами с адъютантом лейтенантом Николаем Никулиным.

— Разрешите мне съездить в Полтаву, — сказал он неожиданно. — Это же рядом. Я все разузнаю и найду их.

Радости моей не было границ, когда адъютант привез сына и жену целыми и невредимыми. Со слезами на глазах жена несколько часов кряду рассказывала о тех ужасах, которые им довелось пережить при переезде из Одессы в Полтаву. Фашистские самолеты день и

ночь кружили над эшелоном, в котором ехали только дети, женщины и старики, и расстреливали его с бреющего полета.

В ночь с 30 до 31 августа дивизия пошла по маршруту Полтава — Санжары — Кобыляки. Все вокруг мне было хорошо знакомо. Я невольно вспоминал свою службу в легендарной 25-й Чапаевской дивизии.

И, конечно же, я хорошо знал Полтаву — город широкой известности, величия и славы России, у которого в 1709 году Петр I одержал блестящую победу над шведами. Я знал ее памятники и улицы, утопающие в зелени, носящие имена Гоголя, Шевченко, Котляревского, Панаса Мирного, Короленко. Я знал полтавчан — необычайно гостеприимных, трудолюбивых, щедрых душевно, наделенных тонким юмором и кипучей жизнерадостностью. Проклятый фашизм занес над ними, как и над всем советским народом, кровавый меч. Мы должны были выбить его из рук вандалов XX века.

В сорока километрах юго-восточнее Кременчуга наша дивизия вошла в состав 38-й армии генерала Н. В. Фекленко и была подчинена командиру 5-го кавалерийского корпуса генералу Ф. В. Комкову. По приказу комкора полки заняли исходные позиции, организовали разведку и охранение, установили связь с соседями, особое внимание уделили маскировке. После пополнения и кратковременного отдыха танкисты, стрелки, зенитчики, артиллеристы, связисты, медики, ремонтники — все были готовы снова вступить в смертельную схватку.

В 12 часов дня 31 августа генерал Ф. В. Комков вызвал командиров на оперативное совещание и сообщил, что противнику удалось перейти Днепр, он теснит наши войска. Особенно упорные бои идут в районе Кременчуга. Тут же комкор поставил боевые задачи. 47-я дивизия должна была нанести удар по группировке врага в районе селения Озеры.

В 17-00 по сигналу трех красных ракет наши танки с пехотой на броне пошли в атаку. Их встретил сильный огонь артиллерии, а группа в 12—15 вражеских танков повела контратаку. «Тридцатьчетверки» открыли по ним прицельный огонь и подожгли шесть машин, остальные попятились назад. Однако и наше движение было остановлено мощным противотанковым огнем.

Через некоторое время офицер связи сообщил, что кавалеристы также остановлены и просят прислать в помощь хотя бы по роте танков. Сделать это оказалось невозможным, так как все машины находились в бою. Снять их здесь — значит оголить участок, чем обязательно воспользуется враг. В таком положении нас застала ночь. Вскоре стало известно, что кавалеристы отошли на исходные. Наша дивизия осталась с открытыми флангами.

Было очевидно, что план наступления разработан плохо: он недооценивал силы противника, намечал наступать в светлое время, не обеспечивал нужного взаимодействия танков, артиллерии и пехоты. К тому же некоторые общевойсковые командиры пытались получить танки в свое распоряжение, что вело к распылению подразделений и снижало их ударную силу*.

Как и следовало ожидать, с рассветом 2 сентября гитлеровцы перешли в наступление. Наша дивизия нанесла контрудар, однако намеченной цели он не достиг. Чтобы не быть отрезанным от своих, я вынужден был отвести полки на рубежи, занимаемые кавалеристами. Час от часу противник наращивал огневое воздействие. Усилилась активность его авиации и артиллерии, перед фронтом нашей обороны скапливалось все больше танков.

В эти трудные дни особенно хорошо проявили себя командир танкового полка майор Решенцов, командир разведбатальона капитан Г. Е. Кислицкий, его заместитель по политчасти Пиликин, командир зенитного дивизиона капитан Калинович и сотни других таких же мужественных и преданных Родине воинов.

Вечером 3-го сентября я, отправив адъютанта Никулина, вызвал свой танк и поехал на передовую. Почему без адъютанта? Вот почему. Николай Никулин, молодой, смелый и храбрый офицер, весьма заботливый и неизменно вежливый, порой бывал чрезмерно предупредителен. Он мог заявить: «Товарищ командир дивизи-

* В январе 1942 года Ставка Верховного Главнокомандования специальным приказом потребовала применять в бою танковые бригады и батальоны в полном составе и в тесном взаимодействии с пехотой, авиацией и артиллерией. Этот приказ положил начало массированному использованию бронетанковых войск.

зии, вы туда не поедете. Это связано с большим риском для вашей жизни».

Бывало, я просто отчитывал его, приказывал садиться в машину и ехать туда, куда мне нужно. Однако адъютант был неумолим и продолжал свое. Где-нибудь на дороге он мог приказать водителю: «Остановись. Я сказал, туда ехать нельзя. Я отвечаю за командира головой». Я высаживал его и ехал один. Но и это не помогало. Я грозился отправить его в полк, наказать за то, что он мешает мне работать, только Никулин, как говорится, и в ус не дул. Тогда я решил прибегнуть еще к одному способу.

— По-моему, вы, лейтенант, боитесь,—сказал я ему.—Заботой о командире прикрываете свою трусость. У нас работа каждого — от солдата до генерала — связана с опасностью для жизни. Ведь мы — военные люди. Может, вы стали военным случайно?

— Я хорошо знаю, зачем вы это говорите,—спокойно ответил Никулин.—Пока я рядом с вами, я буду поступать так, как велит мне воинский долг.

Он был определенно неисправим. Я очень ценил его и любил и, чтобы не доходить до резкостей, попросил собрать для меня некоторые сведения, якобы весьма срочные. Он козырнул и ушел, а я вызвал свой танк и поехал на передовую. Но Никулин успел дать механику указание доехать до лощины и заглушить мотор, сказав, что случилась неисправность. Тот так и сделал.

Мне показалась странной эта неожиданная остановка. Я сам сел за рычаги и дал газ. Мотор работал, как часы. Я повел танк, но тут впереди появилось несколько пехотинцев.

«Куда они идут? Зачем? — промелькнула у меня мысль.— Неужели дезертиры?»

Останавливаю машину, вылезая, начинаю выяснять, что за люди. Оказывается, пулеметный расчет самовольно оставил позицию.

— Вся рота уничтожена, только мы остались и решили уйти,—оправдывался один из них.

— Ведите туда, где была ваша позиция,—приказываю им.

Без труда находим позицию. Справа и слева без усталости работают пехотинцы — зарываются в землю. Только здесь беглецы стали заверять, что они проклинают этот день и час, когда сняли пулемет. Они просили не отда-

вать их под суд и поклялись искупить свою вину. Возвратившись к себе, я рассказал об этом комиссару А. Ф. Андрееву, начальнику особого отдела Н. И. Гудилину, прокурору Шапиро. Мы пришли к решению оставить провинившихся в строю, и не ошиблись. Пулемтики делом доказали, что их слово — кремень.

Насколько мне помнится, это был единственный пример трусости, с которым лично мне пришлось встретиться.

Утро 4-го сентября (где-то ребята уже собирались в школу, а здесь вокруг стелился дым пожарищ и все, казалось, вымерло) выдалось сильно туманным. Видимость была плохая. Авиация не действовала. Я приказал усилить за противником наблюдение и приналечь на укрепление обороны, а после завтрака принял доклады командиров. Майор Решенцов сообщил, что за Днепром обнаружено движение автомашин в колоннах, капитан Г. М. Гурин доложил, что немцы подтягивают танки. Донесения других тоже говорили о том, что гитлеровцы готовятся наступать.

В восьмом часу утра фашисты открыли артиллерийский огонь. Снаряды начали рваться рядом с моим наблюдательным пунктом и узлом связи. Связистам было приказано переместиться в другое место, а мы с адъютантом, отойдя от НП метров на сто, сквозь дымку тумана заметили справа около десятка танков. Чьи это машины, нетрудно было сообразить. Используя сильный туман, гитлеровцы прошли на участок нашего соседа — 14-й кавалерийской дивизии. Медлить нельзя было ни секунды. Я приказал адъютанту дать две красные ракеты в сторону фашистских машин, чтобы привлечь внимание наших танкистов.

Танки 93-го полка, стоявшие на огневых позициях, ударили по врагу с короткой дистанции и подожгли две машины. Но три фашистских танка продолжали ползти прямо к... нашему узлу связи. Адъютант пустил в их сторону красные ракеты. Вражеские машины встретил меткий огонь танкистов майора Мельничука.

Немцы ответили мощным огневым налетом, а затем двинулись вперед. Прямым попаданием снаряда был разбит узел связи. Появились убитые и раненые. Стало очевидным, что фашисты хотят взять нас в клещи. На ликвидацию опасности справа я послал танкистов майора Мельничука, а слева — танкистов майора Мочана.

Мой командный пункт был на окраине деревни Озеры, и я с адъютантом поспешил туда. Но в нескольких шагах от него осколок вражеского снаряда, ударив в левую лопатку, свалил меня на землю. Это случилось 4-го сентября.

Меня эвакуировали в Полтаву, затем в Харьков. Оттуда я попросился в Ростов. Там с радостью узнал, что госпиталем руководит мой сослуживец по Орджоникидзе-вской пехотной школе полковник Лось, с которым я проработал около пяти лет. Это был опытный врач, хороший организатор, человек высокой культуры. Однако и здесь я пробыл недолго. Из Ростова меня отправили в Черкесск, а затем в Тбилиси.

После выздоровления получил назначение на должность командира 52-й танковой бригады. Она находилась в стадии формирования. Исключительную помощь и поддержку в оснащении этого соединения всем необходимым мы получили от генерала армии И. В. Тюленева, полковника А. И. Дементьева*, генерал-майора П. В. Волоха и других товарищей. Уже к маю 1942 года бригада находилась в полной боевой готовности и заслужила хорошую оценку при проверке командованием, на которой присутствовали члены ЦК компартии и правительства Грузии.

А в июне меня вызвали в Москву. В Кремле Михаил Иванович Калинин вручил мне, в числе других награжденных, орден Боевого Красного Знамени — за бои в первые месяцы войны.

На другой день я был в Наркомате обороны, у генерал-лейтенанта Я. Н. Федоренко.

— Как здоровье? (Федоренко всех встречал этим вопросом). Поздравляю с орденом! Слышал, что 52-ю бригаду хвалили члены ЦК компартии Грузии за меткую стрельбу. Очень рад!

— Спасибо! — ответил я. — Танкисты действительно стреляли хорошо.

— Если танкисты становятся мастерами огневого боя, в этом есть и заслуга командиров?

— Несомненно. Командиры нашей 52-й бригады работают, не зная усталости, товарищ генерал-лейтенант. Все живут одной мыслью — скорее на фронт, в бой.

— И вы тоже? А рана не беспокоит?

— Ничего. Заживет. Вся бригада ждет приказа.

* А. И. Дементьев — ныне генерал-лейтенант.

— Должен немного огорчить. 52-ю бригаду придется передать другому командиру...— Федоренко помедлил, а у меня от волнения сжалось сердце.

— Рекомендуем вас на должность командира корпуса. Срочно отправляйтесь в Сталинград. Генерала Фекленко знаете?

— Командующего 38-й армией? 47-я танковая дивизия была в этой армии.

— Сейчас Фекленко готовит кадры для фронта. Он тоже говорил, что знает вас. Значит, быстрее найдете общий язык.

Из Москвы я отправился самолетом. До Куйбышева летел с нашими дипломатами, от которых узнал много интересного. Мы говорили о том, что разгром фашистов под Москвой, развеяв миф о непобедимости гитлеровской армии, неизмеримо поднял престиж нашего государства в глазах народов Америки и Англии, дал новый толчок развитию национально-освободительного движения. Подписанный в мае 1942 года договор между СССР и Англией о союзе в войне против фашистской Германии еще больше укреплял антигитлеровскую коалицию. В нем говорилось, что оба государства и в послевоенный период примут необходимые меры, чтобы не допустить новой агрессии Германии.

В Тбилиси сдал бригаду, а затем был приглашен к командующему округом генералу И. В. Тюленеву, с которым мне приходилось встречаться и в довоенное время, и в первый период войны. Всегда уравновешенный, приветливый и гостеприимный, он и на этот раз не изменил своей привычке.

Лучше совсем не принять, чем принять плохо. Это железное правило генерала И. В. Тюленева знал каждый, кто хоть однажды побывал у него.

Простившись с женой и сыном (с невероятными трудностями они из-под Полтавы добрались до Тбилиси), 7 июля 1942 года я вылетел в Сталинград.

Глава девятая

В ИЗЛУЧИНЕ ДОНА

В Сталинград мы прилетели в тот же день вечером. На аэродроме меня встретил комиссар штаба корпуса Майоров, ладный, представительный, лет сорока, хоро-

шо загоревший. Мы познакомились. Майоров пригласил в легковую автомашину и по дороге сообщил, что начальник штаба корпуса А. А. Пошкус и другие офицеры уже на месте, связались с учебным центром и приступили к работе.

— Штаб корпуса располагается в Ельшанке и Ворошиловском поселке. Место в общем неплохое,— рассказывал комиссар.— Техника, правда, поступает слабо. С личным составом тоже пока не густо.

— Постепенно все отладится, станет на свое место.

— Это правильно,— согласился Майоров.— Надо работать, чтобы все поскорее отладилось.

У входа в штаб стоял молодцеватый, чисто выбритый и подтянутый дневальный. На его груди красовались боевые медали.

— На каком фронте получил? — поинтересовались мы.

— Под Калугой, товарищ полковник.

— А кем воевал?

— Башенным стрелком на «тридцатьчетверке», — с гордостью ответил боец.— Дали там фашисту по зубам прилично.

— Теперь здесь предстоит сделать то же самое.

— Сделаем, товарищ полковник. И здесь получит свое.

Подошел дежурный по штабу капитан Самсонов и доложил, что подполковник Пошкус выехал по вызову генерала Н. В. Фекленко. Однако не успел я привести себя с дороги в порядок, как вошел начальник штаба, худощавый, стройный, с умными темно-серыми глазами. Говорил он неторопливо, взвешивая и обдумывая каждую фразу. Корпус должен иметь три танковых и мотострелковую бригады, разведбатальон, некоторые другие подразделения, пояснял А. А. Пошкус.— Номера бригад, их командиры, общее состояние известны. Части располагаются в окрестностях города,— закончил Александр Адамович Пошкус, предлагая ознакомиться по карте с расположением бригад и отдельных частей.

На другой день я узнал, что здесь, в Сталинграде, находится полковой комиссар А. Ф. Андреев, бывший комиссар 47-й танковой дивизии, мой хороший друг и товарищ. Я послал за ним машину, и вскоре мы тиска-

**А. А. Пошкус, начальник
штаба 28-го танкового
корпуса.**

яи друг друга в объятиях. Выяснилось, что он тоже прибыл недавно и еще состоит в резерве. Через несколько дней А. Ф. Андреева назначили комиссаром 28-го танкового корпуса.

В те же дни прибыли и приступили к работе начальник оперативного отдела штаба корпуса подполковник Котлов и его помощник капитан Миронов, заместитель командира корпуса по технической части инженер-полковник Наркутский, интендант второго ранга Звездин, штабные работники подполковник Яборов, капитан Берковский и другие.

Неожиданно мне стало известно, что 32-й мотострелковой бригадой командует подполковник Хорошев. Уж не тот ли это Хорошев, что был командиром в Орджоникидзевской пехотной школе? — подумал я. И не ошибся. Несмотря на то, что минуло тринадцать лет, как мы расстались, удостоверений предъявлять не пришлось. Мы сразу узнали друг друга. Выяснилось, что Хорошев также воевал с белофиннами, прошел по тяжелым дорогам первого года войны с фашистами и неплохо усвоил, почем фунт лиха.

К своей большой радости, я встретил в корпусе еще одного товарища и друга. Им оказался командир 55-й

П. П. Лебеденко, командир 55-й танковой бригады.

танковой бригады полковник П. П. Лебеденко*. С ним я познакомился еще до войны, когда получил назначение на должность командира дивизии. П. П. Лебеденко принимал от меня полк. Тогда, помнится, я был удивлен, что он — участник гражданской войны, высокоэрудированный командир с высшим образованием, работавший начальником факультета военной академии, сам попросился в строевую часть.

— Все же столица, должность солидная, на виду у начальства, — заметил я. — Мог бы работать.

— Мог бы, конечно, — сказал тогда Лебеденко. — Только давно в войсках не был, заскучал, перестал чувствовать атмосферу строевиков. Потому и попросился. Должность — одно, а воинский долг — другое.

Он умно и доказательно говорил о том, что в мире неспокойно, обстановка складывается таким образом, что от каждого командира требуется постоянная готовность к управлению частями и подразделениями в самых сложных боевых условиях и с применением новейшей техники и вооружения.

* В настоящее время полковник П. П. Лебеденко вышел в отставку.

Это умение Лебеденко приобретал на практической работе. Полк, которым командовал Петр Павлович, дрался с фашистами в Крыму. На Керченском перешейке он отличился смелостью и храбростью, но понес серьезные потери. Командир полка тоже был ранен, лечился и вот теперь принял танковую бригаду.

— Как идет комплектование? — спросил я Лебеденко после того, как мы закончили свой небольшой экскурс в прошлое.

— Пока имеем пятьдесят процентов того, что нужно.

— Унывать нам не положено.

— Не унываю, — ответил он. — Просто беспокоюсь, сумеем ли все сделать, как хочется.

— Рассчитывать на это, пожалуй, не придется, — заметил комиссар 55-й бригады Николаев. — Фашисты рвутся к Сталинграду, сломя голову.

Будем ли мы иметь время, чтобы как полагается сколотить части и подразделения? — этот вопрос не выходил и у меня из головы, когда 12-го июля поехал к генералу Н. В. Фекленко.

— То, что корпус слабо обеспечен материальной частью, знаю, — сразу сказал Фекленко и посмотрел на меня так, как будто вслух произнес: «Кому ты доказываешь? Старому танкисту? Командиру корпуса первого месяца войны, а позже — командующему армией? Не трудись!»

— Танки получите несколько позже. Моторемонтные базы дадим. Определенное количество транспортных машин вам отпускаем, — продолжал генерал. — Да, совершенно забыл. Днями сюда прилетает генерал-полковник Федоренко. Во всех бригадах корпуса побывать он не сможет, а в вашем штабе будет обязательно. Попрошу это иметь в виду.

Вернулся я к себе в невеселом расположении духа, однако это не меняло положения вещей, и мы, засучив рукава, вновь принялись готовить бригады и отдельные подразделения к сражениям с фашистами.

Генерал-полковник Я. Н. Федоренко прибыл в штаб корпуса после полудня 14 июля.

— Объяснять мне, что у вас есть и чего нет, не надо, — предупредил он после моего доклада. — Шестдесят танков получите завтра-послезавтра, за ними пойдут остальные. Надеюсь, это вас удовлетворяет?

А. Ф. Андреев, комиссар танкового корпуса.

Я, начальник штаба Пошкус и другие присутствовавшие здесь облегченно вздохнули.

— Но получить танк — это еще полдела. Надо требовать, чтобы их использовали в полную силу, — генерал-полковник положил папку на стол и сделал выразительный жест правой рукой. — Это не танкист, который использует танк, как средство передвижения. Мне не раз приходилось видеть возмутительнейшую картину — или танки все двигаются и не ведут огня, или все останавливаются и стреляют. Это недопустимо — превращать сделанные таким героическим трудом машины в мишень для врага! Надо каждодневно требовать и учить людей сочетать движение с огнем. Это простая истина. Времени, говорите, не хватает? Тоже простая истина. Его на войне никому никогда не хватает. Такова природа войн! Впрочем, почему говорю только я? Давайте-ка и вы скажите свое слово. Ну хотя бы вот вы! — Федоренко повернулся к начальнику штаба, которого знал еще как преподавателя военной академии.

— Хотелось бы знать общую обстановку на Сталинградском фронте, товарищ генерал, — сказал Пошкус.

— Опять мне слово? Ну ладно, — Федоренко раз-

вернул карту. Офицеры тоже потянулись к своим картам.

— Может, ее прикрепить на стене? Лучше будет видно,— подсказал кто-то.

— Пожалуйста, пожалуйста,— согласился Федоренко. Он обладал хорошей памятью и знал почти все номера частей и соединений, оборонявших Сталинград, их командиров, занимаемые рубежи, четко обрисовывал намерение противника, наши возможности. Он не был склонен преувеличивать значение нависшей опасности, но и не преуменьшал ее, предупреждая, что корпусу придется вести тяжелые бои.

— А вы знаете, что я бывший моряк?— весело произнес генерал-лейтенант в конце беседы, отпустив офицеров.— Волга, конечно, не море, но давайте минут пятнадцать посидим на берегу.

Мы поехали к Волге.

— А вы искупайтесь,— предложил Федоренко. У него было больное сердце, и генерал от купания воздерживался. Но едва мы оказались в воде, как бывший моряк тоже не преодолел соблазна, сбросил свой костюм и начал плавать у берега.

— Товарищ генерал, прошу простить,— схитрил Пошкус.— Я забыл вам передать, что звонил генерал Толбухин и просил напомнить, что вы обещали к нему приехать.

— В самом деле! — хлопнул себя по лбу Федоренко.

— А я-то с вами тут увлекся...— Он заспешил из воды и стал прощаться. Как потом мы узнали, хитрость Пошкуса совпала с действительным намерением Федоренко поехать к генералу Ф. И. Толбухину.

Как и было обещано, танки мы получили, однако события развивались с такой быстротой, что нам пришлось готовиться по чрезвычайно сокращенной программе.

Прорвав в первых числах июля Юго-Западный фронт, фашистские войска ринулись к Волге. Наше командование приняло экстренные меры, чтобы остановить врага. 12 июля был образован Сталинградский фронт под командованием Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко.

Вокруг Сталинграда и в самом городе сооружались оборонительные рубежи. Почти все учреждения были

закрыты. Тысячи и тысячи людей работали не покладая рук и не зная усталости, чтобы возвести препятствия на пути гитлеровцев. Одновременно формировались части народного ополчения, истребительные батальоны.

17 июля 62-я армия завязала с противником тяжелейшие бои. Начался первый этап Сталинградского сражения. Более чем двойное численное превосходство врага позволило ему смять правый фланг 62-й армии и выйти на ближние подступы к Калачу. Создалась исключительно сложная и трудная обстановка, грозившая весьма серьезными последствиями для наших войск; в районе Манойлин — Калмыково оказались отрезанными три наши стрелковые дивизии и одна танковая бригада. Вражеские войска покатились к Дону, намереваясь с ходу форсировать его и в последующем развить успех на Сталинград.

23-го июля перед нами поставили задачу — срочно перебросить корпус в район Калача и войти в подчинение 1-й танковой армии. Надо заметить, что танковые бригады все еще имели большой некомплект в людях и технике. Даже управление корпусом не было полностью укомплектовано. Вакантными оставались должности начальников артиллерии, связи, разведки, некоторые другие. Не хватало транспорта, где-то на марше находился разведбатальон... Словом, до полной боеготовности корпуса было еще далеко. Конечно, имей мы время, все бы утряслось. Однако обстановка диктовала другое.

Корпус двинулся в указанный район двумя колоннами. Первая в составе 55-й и 56-й бригад шла по маршруту Разгуляевка — Гумрак, вторая в составе 39-й и 32-й бригад двигалась на Воропоновку — Карповку. Фашистская авиация совершала частые налеты на Сталинград. В полосе ее действия оказалась и 32-я мотострелковая бригада подполковника Хорошева. Однако все обошлось более или менее благополучно. К четырем часам утра 24 июля бригады заняли районы сосредоточения и стали зарываться в землю, маскироваться. Настроение у людей было хорошее, хотя 80-километровый ночной марш и наложил на них отпечаток усталости.

Поздно ночью установили связь со штабом первой танковой армии. Ее командующий генерал-майор К. С. Москаленко предложил мне приехать на его командный пункт. Около трех часов утра 25 июля я

был у него и узнал, что, кроме нашего 28-го корпуса, в состав армии входят 13-й танковый корпус, 131-я стрелковая дивизия, два арtpолка, 158-я танковая бригада.

— Возможно, будут введены и некоторые другие соединения,— Москаленко встал, заторопился в дорогу, пояснил: — Нас вызывают в штаб 62-й армии. По-едемте.

В пути командующий подробно расспрашивал о боеготовности корпуса, интересовался командирами, настроением личного состава, укомплектованностью бригад и полков. Он тоже находился в весьма затруднительном положении, так как соединения, входившие в армию, располагались в разных местах и не имели прочной связи со штабом армии и между собой. Все это сильно затрудняло работу командующего, требовало принятия быстрых и смелых решений, накладывало на него весьма высокую ответственность.

Беседы в штабе помогли нам еще лучше понять всю сложность обстановки, сложившейся на Сталинградском фронте. Выяснилось, например, что 13-й танковый корпус введен в бой командующим 62-й армией, 131-я стрелковая дивизия обороняется на восточном берегу Дона, а 23-й танковый корпус, 158-я танковая бригада, арtpолки еще находятся на марше. Практически в районе Калача генерал-майор Москаленко мог использовать только 28-й корпус, что и было сделано.

Первой начала переправляться через Дон 56-я танковая бригада полковника В. В. Лебедева. Над ней нависла фашистская авиация, а затем по переправе был открыт артиллерийский огонь. Но танкисты действовали самоотверженно и хладнокровно. Выйдя на западный берег, экипажи обнаружили противника в непосредственной близости от реки и вступили с ним в бой. Обстановка менялась буквально на глазах. Перед 56-й бригадой была поставлена задача — ударить по населенному пункту Березовский, чтобы уничтожить прорвавшихся фашистов и овладеть высотой 168,0, обеспечивая тем самым переправу других частей корпуса.

Танкисты Лебедева, действуя со стрелками подошедшей 131-й дивизии, заняли Березовский и отбросили гитлеровцев от переправы примерно километра на три, но были остановлены сильным огнем артилле-

В. В. Лебедев, командир 56-й танковой бригады.

рии, танков и минометов. Командир бригады ввел в бой еще одну только что переправившуюся роту с задачей выбить немцев из поселка Рубежанский, который служил подступом к Березовской переправе. В решении этой задачи активно участвовал и стрелковый батальон 131-й дивизии.

Однако гитлеровцы приняли меры, чтобы любой ценой сорвать переправу. Массированные налеты авиации последовали один за другим. Группы самолетов, по пятнадцати — двадцати, обрушивали смертоносный груз и на тех, кто был на западном берегу Дона, и на тех, кто находился еще на восточном. 56-я бригада несла потери, но продолжала переправу и громила фашистов у фермы совхоза № 2 и пункта «Полевой стан».

По сути дела наш корпус повел встречный наступательный бой, в котором противник быстро наращивал силы танков, артиллерии и особенно авиации, что ставило нас далеко в неравные условия. К тому же мы не имели необходимых сведений о неприятеле и вынуждены были приобретать их в ходе операции, а это усложняло руководство войсками, лишало командиров всех степеней возможности правильно сориентировать-

ся в данной обстановке, создать определенный резерв, осуществить тот или иной тактический маневр.

В разгар боя я увидел генерала, на груди которого поблескивала Золотая Звезда Героя Советского Союза. Коренастый, загорелый, он представился коротко:

— Пушкин, заместитель командующего фронтом по танковым войскам.

— Где же артиллерия, товарищ генерал? — начал я выкладывать свои беды после того, как доложил обстановку. — Хотя бы один полк противовоздушной обороны. Фашистская авиация безнаказанно бомбит наши переправы. Почему не даются заявки на авиацию? Хотя бы немного истребителей...

— Самолеты и зенитки нужны всем, но их нет. Да, нет, — повторил Е. Г. Пушкин. — Просто еще не хватает. Какая бригада переправляется?

— 55-я полковника Лебеденко.

— Задачу поставили? — генерал развернул карту.

— Ставил, но обстановка изменила ее, 55-я бригада вместе с 56-й сейчас ударит по ферме совхоза № 2 и «Полевому стану», чтобы обойти Ложки и закрепиться на высоте 192,8.

— А как намереваетесь использовать 39-ю танковую и 32-ю мотострелковую бригады?

— 32-я еще не прибыла, товарищ генерал. Будет только ночью.

— Понятно. Продолжайте выполнять намеченный план, я останусь у переправы и попробую ускорить переброску подходящих частей. А для Лебеденко я уточню задачу.

В этот момент появилась очередная группа фашистских стервятников. К нашей огромной радости, их встретил огонь зенитной артиллерии. Три самолета загорелись и камнем пошли к земле.

— Ну, вот видите? — заметил генерал. — А вы огорчались, что нет зенитчиков. Подходят и они.

В половине третьего 25 июля начали переправу танкисты 55-й бригады. Ее командир полковник Лебеденко переправился вместе с первой ротой. Е. Г. Пушкин поставил ему задачу наступать правее бригады Лебедева на «Полевой стан», а затем совместным ударом вышибить врага из Ложек и закрепиться на его северной окраине. Лебеденко быстро отдал нужные распоряжения, пуская в бой батальон капитана Довголюка, а

за ним мотострелковый батальон старшего лейтенанта Суха.

Получаю от комбрига Лебедеенко первое донесение. Он сообщает, что танкисты Довголюка и стрелки Суха с боем продвигаются вперед, однако враг оказывает яростное сопротивление, а на боевые порядки бригады совершает налет за налетом бомбардировочная авиация. Есть потери в танках и людях. Следующее донесение гласит, что противник с рубежа «Полевой стан» отброшен, уничтожено 8 его танков, 2 артиллерийские батареи, около 25 автомашин и бронетранспортеров, до батальона пехоты.

К исходу того же дня, несмотря на ожесточенное упорство 60-й моторизованной дивизии врага и на то, что на наши боевые порядки было произведено около 600 самолето-вылетов, мы имели на западном берегу Дона плацдарм глубиной до восьми километров. Боевое крещение корпуса состоялось. Танкисты оживленно обсуждали первые итоги боев. Мы с удовлетворением отмечали, что во всех бригадах царит приподнятое настроение.

Первый, пусть даже и небольшой успех, всегда вселяет уверенность в собственные силы. Политработники во главе с комиссаром Андреевым постарались использовать это, чтобы еще больше воодушевить бойцов, зажечь их огнем священной ненависти к поработителям. Повсеместно прошли беседы, в которых приводились примеры мужества и бесстрашия наших воинов, их умелой борьбы с фашистскими танками и пехотой. В 55-й бригаде отличился, например, механик-водитель старшина Золотаренко. Будучи раненым, он не покинул поле боя и смял гусеницами танка два орудия и группу автоматчиков. Геройской смертью в той же бригаде погиб командир роты Беркович.

Лейтенант Большаков, командир взвода, во время атаки увлекся преследованием противника и оторвался от своих. Вражеский снаряд сорвал с его танка гусеницу и повредил катки. Но экипаж не бросил машину. Под прикрытием огня подоспевшей «тридцатьчетверки» Большаков и механик-водитель Витюк исправили повреждение. Танк снова был в строю. Подобных примеров приводилось много.

Поздно вечером 25 июля командующий армией поставил перед нами задачу — в три часа утра 26 июля

перейти в наступление в направлении совхоз № 2 — Ближняя Перекопка и выйти к поселку Малонабатовский, который находится в тридцати километрах от Калача. Выполнение этой задачи усложнялось тем, что наступила ночь и мы не смогли провести рекогносцировку местности, на которой предстояло действовать. У нас были открытые фланги, и кроме всего прочего — не хватало артиллерийского и авиационного обеспечения.

В 2-00 командиры бригад доложили о готовности и сообщили, что ждут сигнала атаки. Ровно в три в воздух взмыли три красные ракеты, и наши воины двинулись вперед. На поле разбушевался огненный смерч, начали поступать донесения командиров. В 5-50 полковник Лебедев сообщил, что атакован танками противника с направления совхоза «10 лет Октября». Атака отбита, горят три вражеских машины.

Полковник Лебеде́нко донес, что противник ведет сильный огонь из танков, врытых в землю. Уничтожено две артиллерийских и три минометных батареи, около 150 солдат. Наши потери: три танка, убит командир батальона Грабовецкий, мужественный и решительный воин.

Над боевыми порядками корпуса появились группы вражеских самолетов — по 25—30 в каждой — и начали бомбить. Улетали одни, им на смену приходили другие. Наших самолетов нет, огня зениток тоже. Землю окутали клубы дыма и едкой июльской пыли. Кажется, нечем дышать. Хотя бы глоток холодной ключевой воды... Хотя бы один глоток!.. Но не до того.

Первая атака не удалась. В чем дело? Танки двигались на малых скоростях. Надо идти быстрее, сочетать движение с огнем. Конечно, под прикрытием огня полевой артиллерии танкам легче, но ее нет, она еще в пути. Неплохо бы иметь и прикрытия с воздуха... Может быть, поможет маневр с фланга? Нет, исключено. Справа — Дон, слева... тоже ничего не выйдет. Единственное решение — фронтальный удар. Теперь же, сейчас. Повторный.

Выкладываю свои соображения командирам. Соглашаются. Одобряют. Бить немедленно, пока враг не знает наших сил, пока не угас наступательный порыв и у всех велико стремление добиться успеха. Даю некоторое время на подготовку. Повторная атака назна-

чается на 14-00. Главное — скорость и еще раз — скорость!

На этот раз танковые бригады наступают слаженно и врываются в расположение врага. Однако мощный огонь артиллерии и минометов из глубины обороны прижимает нашу пехоту к земле. Между нею и танкистами образуется разрыв. Закрепить успех танков некому. Над головой с диким воем проносятся вражеские стервятники, группа за группой, в каждой тридцать — сорок штук. Рвутся бомбы, снаряды. Все вокруг потемнело.

Полковник Лебеденко донес, что командир батальона капитан Довгальюк возглавил группу танков, которая на предельной скорости ворвалась в стан гитлеровцев и завязала ожесточенный бой в районе расположения артиллерийских батарей. Они сдерживали движение всей бригады, и капитан решил уничтожить их дерзким рейдом. Вместе с тем Лебеденко сообщил, что батальоны несут большие потери. Враг по предварительным данным потерял до батальона пехоты, восемь танков, пять орудий, около тридцати автомашин.

Командиры других бригад сообщили, что дальнейшее движение вперед грозит потерей всех машин, необходимо перегруппировать силы с таким расчетом, чтобы действовать в тесной связи с мотострелками. Постепенно вырисовывается довольно неприятная картина: танки отошли на исходные позиции, вторая атака сорвалась, задача дня не выполнена. Правда, в полосе своего наступления корпус остановил врага. Это главное. И если командующий армией требует действовать в том же плане, значит, надо заставить фашистов обороняться, надо выиграть время, которое сейчас, видимо, очень необходимо для наращивания наших сил и последующего решительного удара.

Третья атака назначается на 19-00. Срочно перегруппировываем силы. Объединяем 39-ю и 55-ю танковые бригады под руководством более опытного полковника Лебеденко. Пехоту сажаем на броню в качестве десанта. Усиливаем эту группу тяжелыми танками КВ. Сам выезжаю на направление главного удара, где действует 55-я бригада. Прошу полковника Лебеденко объяснить, как он мыслит выполнить задачу. Петр Павлович разворачивает карту, показывает маршрут движения.

— Надеюсь, что пройдем незамеченными,— добавляет он.

— Разведчики все проверили.

— Не случится, как у Румянцева? — спрашиваю его, показывая в сторону командира 39-й бригады. Лебеденко молчит. Подполковник Румянцев тоже. Сказать последнему нечего. Его танки пошли по неразведанному пути и увязли в трясине.

— Нет, не случится,— произносит комбриг-55.

Действия 55-й бригады показали, что Лебеденко умно рассчитал удар. Первый эшелон его танков на большой скорости прорвался в глубь обороны немцев и начал крушить их огнем и гусеницами, а второй, искусно маневрируя, стал поддерживать первый и разить врага на главных направлениях его сопротивления. 56-я бригада стремительной атакой смяла гитлеровцев и вышла северо-западнее совхоза «10 лет Октября». А 32-я мотострелковая повела активное наступление с юга на Ложки. Наметился определенный успех. Гитлеровцы, прикрываясь огнем артиллерии и мелких подвижных групп танков, начали отходить.

В этот весьма ответственный момент на мой командный пункт из штаба армии прибыл офицер связи и передал приказ, которым мне предлагалось немедленно явиться к командующему армией. Я оказался в весьма щекотливом положении. С одной стороны, я имел боевой приказ командующего во что бы то ни стало задержать врага на западном берегу Дона, и сейчас после двух неудачных атак начиналась третья яростная схватка, из которой выйти я просто не мог, не имел права. С другой стороны, тот же командующий приказал немедленно явиться к нему...

— Что я должен передать генералу Москаленко? — позторил офицер связи.

— Передайте, что я прошу разрешения явиться в штаб армии после завершения атаки. Сейчас никак не могу. Все бригады в бою. Мой внезапный уход будет истолкован как преступление.

— В штабе армии находятся представитель Ставки генерал-полковник Василевский, командующий фронтом генерал Гордов,— проговорил офицер связи так, чтобы я мог слышать каждое слово.

— Хорошо понимаю вас, дорогой товарищ,— взмолился я.— Но поймите и вы меня. Даже приезд столь

высоких командиров не снимает с меня ответственности за исход боя, а наоборот — повышает.

Офицер связи постоял, обдумывая мой ответ, затем молча козырнул и уехал.

Атака продолжалась. Танкисты в тесном взаимодействии с пехотой шаг за шагом продвигались вперед, нанося врагу удар за ударом. Чтобы сбить наступательный порыв наших воинов, фашисты снова пустили авиацию. Волна за волной накатывалась она на наши боевые порядки, сбрасывая бомбы и тормозя наше наступление.

Неожиданно из-за бугра вынырнула бронемашина. Я подумал, что это опять офицер связи из штаба армии, и забеспокоился, как бы броневик не накрыли бомбы целой армады самолетов, кружившей над нами. Броневик остановился у стога соломы. Из него выскочил генерал и почти бегом направился к нам.

— Новиков, заместитель командующего армией, — бросил он на ходу и пожал мне руку. Засвистели бомбы, мы упали под «тридцатьчетверку». — Пушкин стал командиром 13-го корпуса. Я вместо него. Как дела?

Загрохотали взрывы, в которых потонул и мой ответ, и новые вопросы генерал-майора. Самолеты улетели.

— Как дела? — повторил Н. А. Новиков. — Что известно о Ложках и совхозе «10 лет Октября»?

Я доложил обстановку, сообщив, что эти населенные пункты снова наши, что у нас большие потери, враг поспешно отступает, но с заранее подготовленных рубежей ведет сильный огонь, и наступление застопорилось. Н. А. Новиков внимательно осматривал поле боя, танкистов, находившихся поодаль. Он видел горящие вражеские танки, искореженные орудия, сотни трупов гитлеровцев. Он видел наши потери и геройские усилия танкистов 28-го корпуса, грудью загородивших дорогу на Сталинград. Только когда он уехал, я вдруг вспомнил, что заместитель командующего почему-то ничего не сказал о моей явке в штаб армии.

«Может, забыл или в этом уже нет необходимости?» — подумал я, но тут же переключился на другое. Опустилась ночь, стрельба пошла на убыль. Надо было позаботиться о раненых и погибших, о том, чтобы накормить живых и дать им отдохнуть. Следовало организовать активную разведку, подумать о готовности к новым сражениям. Несмотря на то, что мы овладели рядом господствующих высот и населенных пунктов,

продвинулись вперед еще километров на пять и уничтожили около тридцати танков, 80 автомашин, 40 орудий разных калибров, свыше двух тысяч солдат и офицеров врага, задача дня осталась невыполненной.

Около одиннадцати часов вечера прибежал адъютант лейтенант Мартыненко. Я находился у дороги северо-восточнее Ложек.

— Генералы приехали, товарищ полковник, — взволнованно доложил Мартыненко. — Вот они. Сюда идут.

Я пошел навстречу группе, впереди которой шагал представитель Ставки генерал-полковник А. М. Василевский. За ним шли генерал-майор К. С. Москаленко, бригадный комиссар В. М. Лайок, командующий фронтом генерал-лейтенант В. Н. Гордов. В душе тревожно. Задачу дня не выполнил. На вызов не явился. Теперь жди разноса. Так думал я, подходя с докладом к представителю Ставки Верховного Главнокомандования. Но разноса не последовало.

— Говорят, полковник, у вас сегодня выдался жаркий день? — спросил Василевский после того, как спокойно выслушал мой доклад.

— Так точно, товарищ генерал, — ответил я. — Корпусу пришлось нелегко. День выдался действительно напряженный.

— Имейте в виду, — сказал Василевский, — что ваша армия и ваш корпус находятся в поле зрения Верховного Главнокомандования. Отсюда их роль. Мы должны остановить врага, не допустить его к Волге. Ваши действия призваны снизить наступательную мощь фашистов в большой излучине Дона. Перед вашей 1-й и 4-й танковыми армиями стоит задача разбить Верхне-Бузиновскую группировку немцев и восстановить положение 62-й армии. Вы знаете, какие соединения врага сдерживают ваше наступление?

— 60-я и 3-я моторизованные дивизии.

— Немцы могут ввести в бой также 16-ю и 24-ю танковые дивизии, — заметил Василевский.

— Мы готовы выполнить любую задачу, — уже смелее ответил я, — но нам нужны подкрепления, техника.

— Будет. Получите и то, и другое. — Василевский посмотрел на Гордова и Москаленко. Те утвердительно

На командном пункте, Сталинград. 1942 год.

кивнули головами.— Все будет в свое время! Как настроение людей?

— Боевое, товарищ генерал. Люди проявляют исключительный героизм и высокое понимание своего воинского долга перед Родиной.

— В этом наше непревзойденное превосходство,— заметил генерал-полковник.— В ближайшее время оно будет подкреплено значительными материальными силами. А за неявку в Калач в ответственный момент боя одобряю,— сказал Василевский на прощание и крепко пожал руку.— Сначала, признаться, рассердился, но генерал Новиков подтвердил, что обстановка требовала вашего присутствия на месте. А вы как думаете, Кирилл Семенович? — Василевский повернулся к командующему армией.

— Считаю, что командир корпуса поступил правильно,— ответил Москаленко.— Я бы на его месте сделал то же.

Минут через двадцать—тридцать после отъезда группы генералов мне доложили, что меньше чем в полукилометре взято в плен девять гитлеровских автоматчиков, прятавшихся в нескошенной пшенице. Это

лишний раз подтвердило, что фашисты продолжают добиваться осуществления своих преступных замыслов по прорыву к Сталинграду и по всем направлениям ведут активную разведку.

В 24-00 я приехал на «Полевой стан», что юго-восточнее Ложек. В сарайчике с плетневыми стенами собрался почти весь старший комсостав корпуса — полковой комиссар А. Ф. Андреев, полковник А. А. Пошкус, подполковник Ф. В. Румянцев, его военный комиссар Д. Е. Кузнецов и другие. Времени было в обрез, поэтому я предложил командирам бригад кратко доложить об обстановке в частях, и в свою очередь также кратко проинформировал собравшихся о встрече с представителем Ставки Верховного Главного командования.

С большим вниманием слушали мы рассказ полковника Лебеденко о героической смерти капитана Довголюка. Во главе группы «тридцатьчетверок» он прорвался к артиллерийским позициям врага, раздавил 12 орудий и уничтожил до сотни солдат. Против смельчаков немцы бросили крупную группу танков, накрыли их ураганным огнем артиллерии с другого участка. Все четыре наших танка были подбиты. Но и объятые пламенем, они продолжали стрелять до последнего снаряда и сразили еще немало фашистов. Раненый капитан Довголюк, когда не осталось боеприпасов, приказал экипажу покинуть машину. Трое танкистов во главе со своим командиром продолжали вести огонь из пистолетов. Каждый из них имел по два-три ранения, но, преодолевая боль, стоял насмерть. Фашистам удалось схватить раненого комбата (видимо, он потерял сознание). Они долго глумились над бесстрашным капитаном, потом облили его бензином и сожгли.

— Так погиб Петр Никитович Довголюк, сын крестьянина из житомирского села Малое Шумское, — закончил полковник Лебеденко. — Его героический рейд во многом определил успех нашей третьей атаки.

Мы долго молчали, придавленные тяжелым известием о гибели лучшего комбата корпуса.

В пять утра 27-го июля корпус во взаимодействии со 131-й и 196-й стрелковыми дивизиями и 158-й танковой бригадой развернул наступление с задачей ликвидировать Липо-Логовецкую группировку противника, но значительного успеха не добился. За четыре дня бо-

Ф. В. Румянцев, командир 39-й танковой бригады.

ев мы потеряли ряд командиров и среди них из строя по ранению выбыли комбриг Румянцев, которого сменил его заместитель майор Мирвода, комиссар 55-й бригады Николаев. Бесстрашно дрались с врагом и в честном бою отдали свои жизни за Родину командиры рот лейтенанты Яковенко, Перец, младший лейтенант Комаров, военфельдшер Кондратьев.

Храбростью и отвагой блеснули получившие ранения командиры танков Енин, Рябичев, Беречейко, командир взвода Корунный, зам. командира роты Гребнев. Офицер связи лейтенант Симонов в критическую минуту взял на себя командование сводным батальоном мотострелковой бригады, повел его в атаку и нанес противнику большой урон. При этом сам Симонов уничтожил около шестидесяти гитлеровских автоматчиков и подорвал гранатами артиллерийское орудие с прислугой.

Командир взвода лейтенант Антонов в бою за ферму совхоза № 2 уничтожил противотанковое орудие и двадцать гитлеровских солдат. Это было 26 июля, а 27—29 июля его взвод у высоты 169,8 разбил 5 минометов и 4 пулемета, поджег танк и уничтожил орудие с расчетом. Лейтенант Антонов в этих боях был конту-

жен, однако отказался идти в медсанбат и продолжал воевать.

В тех же боях механик-водитель Бельченко раздавил несколько вражеских орудий и пулеметов, а командир взвода сержант Короткий, будучи тяжело раненым, уничтожил полтора десятка гитлеровцев. У той же злополучной высоты 169,8 политрук Затолока возглавлял группу стрелков и автоматчиков и отбил несколько контратак. В районе совхоза «10 лет Октября» командир взвода Ермоленко поджег три фашистских танка и вовремя пришел на выручку двум нашим экипажам. Доблесть и героизм бойцов и командиров стали массовым явлением и проявлялись в каждом сражении.

С утра 31 июля после нескольких залпов «катюш» 32-я мотострелковая бригада подполковника Хорошева при поддержке танков ударила одновременно с двух направлений, овладела высотой 169,8 и продвинулась на глубину около двух километров. Танки, обгоняя пехоту, попытались развить успех, но их встретил организованный огонь артиллерии, и они отошли.

Затем наш корпус перешел к обороне и, поступив в состав 62-й армии, до 8 августа вел тяжелые бои с превосходящими силами противника. 55-я и 39-я бригады отправились на формирование. В состав корпуса влились 134-я (командир подполковник Тихончук), 40-я (командир полковник Скорняков) танковые и 20-я (командир полковник Фатов) мотострелковая бригады.

В результате тринадцатидневных непрерывных боев в излучине Дона 1-я танковая армия (командующий генерал-майор К. С. Москаленко, член Военного совета бригадный комиссар В. М. Лайок, начальник штаба полковник С. П. Иванов) сорвала план командования 6-й гитлеровской армии занять восточный берег Дона и развить наступательные действия в направлении Калач — Сталинград. С большими для врага потерями она отбросила 14-й танковый корпус гитлеровцев, нависавший над переправой через Дон, и последующими решительными действиями освободила ряд населенных пунктов, в том числе Ложки и «10 лет Октября», и расширила плацдарм на западном берегу Дона на двенадцать километров, принудив 3-ю и 60-ю механизированные дивизии врага перейти к обороне.

До шестого августа 1-я танковая армия, устремленная на северо-запад с задачей разбить Верхне-Бузиновскую группировку фашистов и восстановить положение 62-й армии, активными действиями сковала 3-ю и 60-ю моторизованные дивизии и оттянула на себя 16-ю и 22-ю танковые дивизии гитлеровцев. А 13-й танковый корпус способствовал выходу из окружения группы наших войск под командованием полковника Журавлева. Кроме того, командующий 1-й танковой армией был вынужден переключить 23-й танковый корпус и некоторые другие части для содействия 64-й армии.

Нельзя забывать о том, что боевые действия нашей армии на первом этапе носили характер встречных боев. В силу сложившихся обстоятельств мы вынуждены были вводить свои войска в бой частями, по мере их переправы через реку. Это лишило нас возможности нанести концентрированный удар, привело к излишним потерям. К тому же противник имел двойное, а в отдельных видах тройное превосходство в людях, танках, артиллерии и особенно в авиации, а наша 1-я танковая армия была создана в результате весьма напряженного положения на Сталинградском фронте из резервных соединений и частей, еще не завершивших свое формирование и боевое сколачивание. В нашей армии было мало средств артиллерийского усиления, а танковые корпуса совсем не имели штатной артиллерии.

Когда в тыл 62-й армии прорвался противник и была поставлена задача восстановить утраченное положение, то удар 1-й и 4-й танковых армий был нанесен одновременно, с разрывом в два дня. Это дало фашистам возможность широко использовать свои резервы.

И все же при всех неблагоприятных обстоятельствах наша 1-я танковая армия сорвала план гитлеровского командования осуществить вторжение в Сталинград и на своем направлении задержала врага на 15 дней.

А далее события развивались так. До 20 августа немцы вели демонстративные действия медкими группами в районе Верхне-Гниловская, создавая видимость накопления крупных сил. В то же время 51-й армейский и 14-й моторизованный корпуса 6-й армии Паулюса сосредоточивались в районе Калачик-Малонаба-

товский, нацеливая острие удара на Вертячий и южнее Песковатки.

Двадцатого августа при поддержке сильного артиллерийского и минометного огня с господствующего западного берега они начали переправу через Дон. К исходу 21-го в районе Вертячего сосредоточилось около двух вражеских дивизий, усиленных артиллерийскими и минометными средствами и подвижными группами танков. Назревала исключительно серьезная обстановка, грозившая перерасти в труднопоправимую катастрофу.

В те дни к нам прибыл начальник политуправления фронта бригадный комиссар С. Ф. Галаджев. Он побывал в полках 98-й стрелковой дивизии, занимавшей оборону на фронте более чем в десять километров, в танковых бригадах нашего корпуса, в батальонах 54-го укрепрайона и детально познакомился с положением дела. Он видел, что стрелковые полки, заметно поредевшие в предшествующих боях и действовавшие на широком участке, одни не в силах остановить движение врага через Дон. Он знал также, что наши танкисты и мотострелки дважды били по Вертячему, нанесли гитлеровцам крупный урон и сами имели потери, но успеха не достигли.

— Да-а, обстановка хуже некуда,— озабоченно вымолвил Галаджев.— А фашисты идут. Что же, будем ожидать, когда они в клещи нас возьмут? Нет. Будем драться, генерал? (Это звание мне присвоили 5 августа). Предлагаю объединить силы вашего корпуса и 98-й дивизии под вашим руководством и еще раз ударить по Вертячему.

Я считал возможным принять это предложение, поскольку оно отвечало требованиям приказа командующего 62-й армией.

Однако подтягивание широко разбросанных стрелковых полков в исходный район было возможно только ночью, потому что в воздухе господствовала авиация противника. Худо-бедно, это еще сделали бы, но без снешки. Однако у нас не осталось времени. Враг рвался через Дон не только у Вертячего, а и в других местах. Надо было действовать, и немедленно. В то же время мы отдавали себе ясный отчет в том, что 98-я дивизия отвечает за определенные рубежи обороны. Если ее с них снять, то этим не замедлит воспользо-

ваться враг, и тогда положение многократно осложнится. Все это я высказал генералу Галаджеву. Он с моими аргументами согласился, но рекомендовал все же ударить по Вертячему хотя бы двумя своими бригадами и одним полком стрелков.

Мы связались с командиром полка и условились о взаимодействии. В стрелковых батальонах насчитывалось не более 250-ти активных штыков, танковые бригады имели по 20—25 танков. Полковая артиллерия была выведена из строя при бомбежках, рассчитывать на ее поддержку не приходилось.

Один стрелковый батальон посадили на танки в качестве десанта, а два других пустили следом. Пехотинцы, возможно ближе прижимаясь к машинам, уверенно пошли вперед. Атака началась. Метрах в семистах от Вертячего по нашим ударила вражеская артиллерия. Танкисты открыли ответный огонь, но они не видели, где цели, а это снижало эффективность огневого воздействия. Тем не менее наши продвинулись еще метров на триста. Однако немцы усилили огонь. Десантники вынуждены были оставить танки и залечь. Залегли и батальоны, шедшие следом. Танки некоторое время, стреляя на ходу, еще двигались вперед, но затем остановились, а потом отошли на исходные и прикрыли огнем отход пехоты. Атака сорвалась.

Опасность в районе Вертячего нарастала с каждым часом, быстро усилить этот участок артиллерией, пехотой, танками, авиацией не смогли. Командующий 62-й армией генерал А. И. Лопатин, человек решительный, пытался закрыть образовавшуюся брешь. Наш корпус еще несколько раз ходил в атаки. Командиры бригад полковник Скорняков, подполковник Тихончук* и другие лично водили танки в бой и доставляли врагу немало неприятностей, однако достичь желанной цели мы не могли.

В ночь с 22 по 23 августа 28-й танковый корпус занял оборону по линии высот 190,2—100,0 с задачей прикрыть дорогу на Котлубань — Грачи. В течение ночи с помощью инженерно-минной роты танкисты отрыли для машин капониры и хорошо их замаскировали. Рано утром 23-го над нашими боевыми порядками появились фашистские бомбардировщики. Они накатывались волна за волной. Мой адъютант насчитал более

* Впоследствии генерал, Герой Советского Союза.

двухсот самолетов. После интенсивной авиационной обработки из Вертячего показались колонны вражеских танков, шедшие по 4—6 машин в ряд, которые, не встречая сопротивления, двинулись на Антоново — Большая Россошка — Малая Россошка — на Сталинград. Кроме того, около двух полков пехоты с танками пошли на Котлубань.

Танкисты полковника Скорнякова подпустили врага приблизительно метров на триста — четыреста и открыли губительный огонь. Так же действовали воины подполковника Тихончука и артбатарея мотострелковой бригады полковника Фатова, стоявшая на правом фланге. Потеряв несколько танков и более 120 пехотинцев, фашисты отошли к Вертячему и до полудня молчали, собираясь с силами. После обеда появилась авиация. Под ее прикрытием гитлеровцы опять пошли в наступление. Но танкисты не пропустили их и на этот раз.

Ко мне на командный пункт пришел комбриг Тихончук. Его голова была забинтована, сквозь марлю сочилась кровь. Почерневший, неимоверно уставший, он, однако, старался держаться бодро.

— Убит начальник штаба. Сгорело еще два танка, — доложил Тихончук. — Прошу разрешения отвести машины на рубежи высоты 116. Тяжело.

Я хорошо понимал этого бесстрашного командира. Его бригаде действительно приходилось нелегко, и он получил разрешение.

— Будем держаться, товарищ генерал. Назад больше не отступим ни на шаг! — заверил комбриг и медленно пошел к своему танку.

Гитлеровцы предпринимали атаку за атакой, но советские воины отбрасывали их каждый раз опять к Вертячему. Перед фронтом нашей обороны мы насчитали десятки уничтоженных танков, тяжелых пулеметов, свыше семисот вражеских солдат и офицеров. Фашисты на Котлубань не прошли!

Через несколько дней корпус был выведен в резерв Ставки, а я получил назначение на должность заместителя командующего Юго-Западным фронтом по танковым войскам.

Бои в излучине Дона, на дальних подступах к Сталинграду, носили исключительно ожесточенный характер. Главная задача — сковать противника, чтобы выиграть время, подтянуть резервы, а впоследствии осу-

шествить замысел Ставки — была все же решена. В этом был существенный вклад и доблестных воинов 28-го танкового корпуса.

27 октября я приехал в штаб фронта, и часов в пять вечера был принят командующим генерал-лейтенантом Н. Ф. Ватутиным. О нем я слышал много прекрасных отзывов, как о крупном военном специалисте, талантливом и трудолюбивом, беспредельно влюбленном в свою нелегкую профессию. Широкая молва о генерале Ватутине шла по всем фронтам. Он пользовался большим и заслуженным авторитетом, став командующим фронтом в свои 42 года.

Приемной командующего служила простая крестьянская изба, небольшая, чистенькая, дышавшая домашним теплом и уютом. Когда адъютант майор Семенчук доложил Н. Ф. Ватутину о моем прибытии, генерал-лейтенант распахнул дверь и пригласил пройти в комнату, в которой он работал.

— Пожалуйста, заходите, генерал. Будем знакомиться, — небольшого роста, плотный, аккуратно подстриженный, Ватутин выслушал меня, пожал руку и сел. — Садитесь и вы, пожалуйста. Сегодня приехали? Обедали или еще нет? Хату вам подыскали? Где были ранены?

— На Полтавщине.

— Знаю, знаю те места. — Н. Ф. Ватутин, будучи начальником штаба Киевского военного округа, действительно хорошо знал Украину, часто бывал в воинских частях и также хорошо знал их командиров.

— Ну что же, подвигайтесь ближе к столу, давайте посмотрим, что нам с вами предстоит сделать, чтобы снова увидеть Украину свободной и счастливой.

Командующий детально ознакомил меня с обстановкой на фронте. Главной заботой в те дни было — подготовить войска для перехода от обороны к решительному наступлению. Это предполагало решение ряда сложных и ответственных задач. Следовало в сжатые сроки и скрытно от врага сосредоточить силы по направлению главного удара, обеспечить четкое взаимодействие всех родов войск, сделать многое другое. Поражали исключительная осведомленность командующего и его огромное внимание к людям, к человеку.

Н. Ф. Ватутин рассуждал с такой глубиной знания, как будто работал здесь по крайней мере месяцев

пять. А ведь он стал командующим всего пять дней назад. За всем этим скрывались незаурядные способности, большая подготовка и высокая культура. Он лично вел огромную работу по подготовке к наступлению и требовал от нас, его заместителей, глубоких и обоснованных докладов, умелых практических решений, пристального внимания к «мелочам». В поле его зрения постоянно находились и пехотинцы, и артиллеристы, и летчики, и связисты, и, конечно, мы — танкисты. Он требовал дифференцированно подходить к людям, учитывать их подготовку, специальность, участие в боях и т. д. Под руководством Н. Ф. Ватутина в короткий срок была проделана колоссальная работа.

Помню, при одном из докладов о готовности, 26-го танкового корпуса командующий живо заинтересовался сообщением о том, что во всех частях этого соединения подобраны надежные проводники из местного населения.

— Это замечательная инициатива! — одобрил Н. Ф. Ватутин. — Ее надо немедленно распространить по всем танковым корпусам. Поручаю вам заняться этим очень важным делом.

Опережая события, скажу, что указание командующего было выполнено, и проводники оказали большую помощь танкистам.

В последние дни перед наступлением я по личному распоряжению Н. Ф. Ватутина еще раз объехал танковые корпуса, которыми командовали А. Г. Кравченко, мой однофамилец А. Г. Родин, В. В. Будков. Танкисты были готовы нанести всесокрушающий удар по врагу.

19 ноября 1942 года в 7 часов 25 минут утра Н. Ф. Ватутин запросил разрешение у представителя Ставки генерал-полковника А. М. Василевского начать артиллерийскую подготовку.

— Лебеды! Лебеды! Лебеды! — полетел по проводам и эфиру условный сигнал. Ровно в 7-30 ударили тысячи стволов артиллерии, возвестивших о том, что под Сталинградом начался новый этап борьбы с фашизмом.

— Пойдемте послушаем, какой концерт приготовил генерал Дмитриев, — предложил Н. Ф. Ватутин и посмотрел на командующего артиллерией фронта.

— Добрый концерт! — ответил Дмитриев. — Под

такой аккомпанемент запоют и немцы, и итальянцы, и румыны.

— Ну, ну,— командующий фронтом вышел во двор, за ним все остальные. Вокруг все заволело густым туманом. Гул нарастал с каждой минутой. Дрожала земля. Дребезжали стекла крестьянской избы. Артиллерия работала с полной нагрузкой. Наконец, минуло томительных полтора часа. Артиллерийская канонада стала медленно отодвигаться в глубь обороны противника.

— Пошла матушка-пехота,— вымолвил кто-то, и все посмотрели на часы. Наступление началось.

В тот же день ударил по врагу и Донской фронт.

Юго-Западный фронт главный удар наносил силами 5-й танковой и 21-й армий. Гитлеровцы оказали яростное сопротивление. Особо упорно они оборонялись на участке 5-й танковой армии, которой командовал генерал П. Л. Романенко. Темпы наступления снизились. В бой были введены 1-й и 26-й танковые корпуса, которые с ходу атаковали врага, взломали его оборонительные рубежи и вышли на оперативный простор.

К утру 20-го ноября танкисты генерала А. Г. Родина (26-й корпус) разгромили румынскую танковую дивизию, а на другой день подошли к Дону в районе Калача. Командир корпуса принял смелое и дерзкое решение — захватить переправу через реку ночью. Для осуществления этой задачи был создан небольшой отряд, командовать которым поручили полковнику Г. Н. Филиппову. Тот приказал танкистам идти к мосту с зажженными фарами. Фашисты подумали, что это свои. Наши уничтожили охрану, захватили мост и удерживали его до подхода главных сил корпуса. За это многие бойцы и командиры были награждены орденами и медалями, а полковнику Г. Н. Филиппову присвоили звание Героя Советского Союза. 23 ноября корпус А. Г. Родина полностью очистил Калач от гитлеровских захватчиков.

Успех сопутствовал и 21-й армии, которой командовал генерал Н. М. Чистяков. Поддержанная танками 4-го корпуса генерала А. Г. Кравченко, она, ломая ожесточенное сопротивление фашистов, шаг за шагом двигалась вперед. Танкисты 45-й бригады подполковника П. К. Жидкова днем 23 ноября в районе Советского соединились с воинами 4-го механизированного корпуса генерала В. Т. Вольского. А к исходу того же дня

наши стрелковые соединения, действовавшие на внешнем фронте, вышли на рубеж рек Криуша и Чир и заняли оборону.

В течение четырех с половиной суток войска наших трех фронтов нанесли фашистам тяжелый урон и замкнули кольцо окружения, в котором оказалось 330 тысяч гитлеровцев.

16-го декабря Юго-Западный фронт совместно с Воронежским на среднем Дону развернули решительное наступление. В результате активных действий 17-го, 25-го, 18-го танковых корпусов и общевойсковых соединений были разгромлены 8-я итальянская, остатки 3-й румынской армий, оперативной группы «Хиллд». Войска наших фронтов продвинулись до 250 километров и вышли на рубеж Новая Калитва — Миллерово — Морозовск — Чернышевск.

Тормосинская группировка армии «Дон», предназначенная для деблокирования 6-й армии Паулюса, перестала существовать. В этой операции особо отличился 24-й танковый корпус генерала В. М. Баданова, вышедший в район Скосырское.

Здесь генерал Баданов принимает решение — на рассвете 24-го атаковать противника в станице Тацинской. Корпус пошел ночным маршем и внезапным ударом полностью разгромил тацинский гарнизон. В руки наших войск попало 50 орудий, много танков и другой техники и вооружения. Однако враг бросил на 24-й корпус крупные силы и окружил его. Наши танкисты попали в тяжелые условия, но, проявляя стойкость, мужество, героизм и высокую организованность, отразили все атаки гитлеровцев и вышли из окружения. Корпус был награжден орденом Ленина и получил звание гвардейского Тацинского. Его командир генерал Василий Михайлович Баданов стал первым в Советском Союзе кавалером ордена Суворова.

Все попытки фашистов деблокировать окруженную группировку потерпели крах. Фронт был отодвинут далеко на запад.

Величайшая битва под Сталинградом завершилась полным разгромом фашистов. С 19 ноября 1942 года по 2 февраля 1943 года они потеряли здесь свыше 800 тысяч человек, 10 тысяч орудий и минометов, 3 тысячи самолетов, 70 тысяч автомашин. Мировая история такого еще не знала.

Глава десятая

УРАЛЬСКИЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЙ

В первых числах марта 1943 года меня снова вызвал в Москву командующий бронетанковыми и механизированными войсками Советской Армии генерал-полковник танковых войск Я. Н. Федоренко, талантливый командир и организатор. Я прибыл точно в назначенное время. Командующий принял меня в своем рабочем кабинете, увешанном различными картами и схемами.

— Прощу, прощу! Заходите. Жду вас,— Я. Н. Федоренко шагнул из-за стола навстречу, крепко пожал руку и пытливо посмотрел в лицо.— Как здоровье? Как самочувствие?

Он был хорошо осведомлен о том, что я перенес тяжелое ранение и совсем недавно стал в строй.

— Спасибо. Вполне здоров,— ответил я.

Завязалась, как говорят, чисто профессиональная беседа. Речь шла о применении танковых соединений в тех операциях, в которых мне довелось участвовать, о наших успехах и неудачах, о том, что надо сделать, исходя из опыта, накопленного в боях с фашистами.

— Несколько дней назад,— командующий перевел разговор в другое русло,— дана директива о формировании Добровольческого танкового корпуса. Трудящиеся Урала решили на свои средства создать и полностью оснастить целое танковое соединение!

Он с увлечением говорил о большом политическом и трудовом подъеме, который царит среди уральцев, а под конец заметил:

— Как вы отнесетесь к тому, если вас назначат командовать этим корпусом?

Вопрос застал меня врасплох. Я, признаться, готовил себя к тому, чтобы ехать не на восток, а на запад — опять на фронт.

— Вижу, что возражать не будете? — продолжал Я. Н. Федоренко.

— У меня нет другой цели в жизни, как честно служить партии и народу,— сказал я.

— Приказ о вашем назначении будет через два-три дня. Но начинать работу надо сегодня же. Да, да, се-

годня,— повторил командующий, посмотрев на часы. Шел первый час ночи...

Вскоре я получил предписание и выехал в Свердловск.

Поезд катил на восток, отсчитывая километр за километром, а я все еще находился под впечатлением бесед в ЦК ВКП(б) и с командующим бронетанковыми и механизированными войсками Советской Армии. Танковый корпус! Далеко не каждый представлял, что это такое. Глубоко прав был Я. Н. Федоренко, говоря, что подобного мир еще не видел. В напряженных условиях войны сформировать на добровольных началах целое танковое соединение — такое возможно только в нашей Советской стране, где подлинным хозяином является сам народ, готовый сражаться за свою свободу и независимость до последнего вздоха, до последней капли крови.

— Этот подвиг уральцев будет жить века! — стояли в моей памяти слова заведующего военным отделом ЦК партии генерала Н. Г. Жукова.

В Свердловске я сразу пошел к командующему Уральским военным округом. Им оказался генерал-майор А. В. Катков, тот самый Катков, который был моим командиром в 65-м стрелковом полку 22-й Краснодарской дивизии, где я командовал ротой в 1922—1923 годах.

— Ну, вот и опять вместе. Двадцать лет прошло, а кажется, что расстались только вчера. Рад видеть тебя генералом, командиром корпуса. И какого корпуса! — тискал меня в своих объятиях, приговаривал он.

— Допустим, корпус пока в проекте, — начал было я, но А. В. Катков перебил. — Будет корпус. Дай срок. Здесь такая работа развернулась! Поживешь, увидишь сам.

Теплая, сердечная встреча постепенно сменилась долгой деловой беседой, в которой приняли участие член Военного совета генерал Абрамов, работники штаба округа. Речь шла о формировании корпуса.

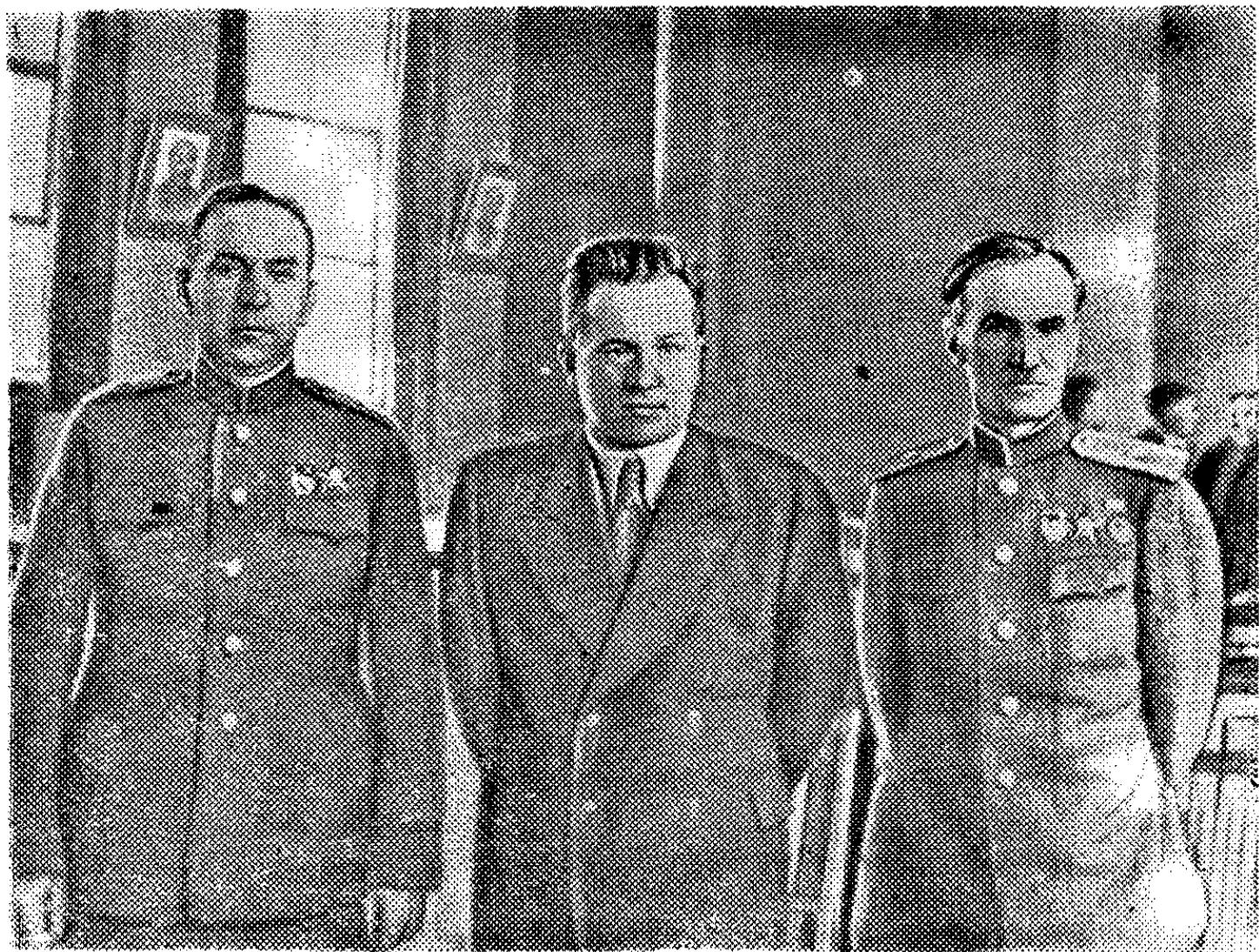
— В обкоме партии не был? — спросил А. В. Катков.

— Не успел еще.

— Поехали вместе. Правда, там сейчас должно быть совещание. — Он посмотрел на часы.

— Может, несколько позже? — предложил я.

— Поедем сейчас. Там будет виднее.

Слева направо: Г. С. Родин, В. М. Андрианов, первый секретарь Свердловского обкома партии, А. В. Катнов, командующий Уральским военным округом. 1943 год. Свердловск.

У первого секретаря обкома партии В. М. Андрианова действительно проходило совещание. Мне было неудобно прерывать его работу. Я хорошо понимал, что значил Урал и какую гигантскую нагрузку принял он на свои могучие плечи. Достаточно сказать, что производство танков было сосредоточено в основном здесь, на Урале. Их выпуск в 1943 году на отдельных предприятиях возрос в сравнении с 1942-м годом более чем в шесть раз. Это был титанический труд рабочих, инженеров, партийных и советских органов, ничего не жалевших для фронта, для победы над фашизмом.

Однако, когда В. М. Андрианову доложили о нашем прибытии, он прервал совещание и пригласил к себе. Там же были секретарь обкома партии А. Б. Аристов, заведующий военным отделом обкома С. А. Саутенков,

секретари Свердловского горкома ВКП(б), обкома ВЛКСМ, другие ответственные работники.

— Я говорил по телефону с генерал-полковником Федоренко и знаю о вашем назначении,— сказал Андрианов, здороваясь и предлагая сесть.— Формирование корпуса находится в центре нашего внимания. Работа предстоит, прямо скажу, огромная. Сделано пока мало. Но думаю, что от пермяков и челябинцев мы не отстанем. Правильно, Аверкий Борисович? — первый секретарь повернулся к Аристову. Тот согласно кивнул головой.

— Приходите в любое время и по любому вопросу,— обращаясь уже ко мне, сказал Андрианов.— Не смотрите на нашу занятость. Дел сейчас у всех по горло. Но среди них есть самые неотложные, в том числе и формирование корпуса. Нет меня, обращайтесь к товарищу Аристову. Бюро обкома партии поручило ему заниматься этим вопросом.

Первый секретарь обкома распорядился организовать для работников управления корпусом отдельную столовую, закрепить за ними ряд номеров гостиницы «Урал», дал множество практических советов по устройству и обслуживанию рядового и командного состава.

— Нужно всемерно создать такую обстановку,— подчеркнул он,— чтобы командиры могли плодотворно заниматься боевой подготовкой частей. Сформировать — это только начало дела. Главное — научить людей умело бить фашистов, зажечь каждого священной ненавистью к поработителям.

Неизгладимое впечатление оставили у меня встречи и беседы с секретарями Челябинского и Пермского обкомов партии Н. С. Патоличевым, К. И. Галаншиным, Н. Н. Гусаровым. До глубины души трогали их поистине отеческая забота и внимание, с которыми они относились к формированию частей, к удовлетворению наших нужд и запросов.

Помню, в один из приездов в Челябинск я был принят первым секретарем областного комитета партии Н. С. Патоличевым. Он заслушал меня по широкому кругу вопросов не только как секретарь обкома партии, но и как член Военного совета Уральского военного округа. Беседа была продолжительной. Она касалась самых различных сторон формирования корпуса и подготовки личного состава к боям. В конце ее Николай

Н. И. Гусаров, первый секретарь Пермского обкома партии. 1943 год.

Семенович вышел из-за стола, сделал несколько шагов по кабинету. Я тоже встал, полагая, что мое время истекло, и секретаря обкома партии зовут другие дела.

— Сидите, сидите. Наш разговор еще не окончен,— Николай Семенович вернулся к столу, сел напротив меня.— Я должен, наконец, сообщить вам, что принято решение выделить корпусу сто тысяч рублей для поощрения бойцов и командиров за успехи в боевой и политической подготовке.

— Большое спасибо! — Для меня такое сообщение явилось приятной неожиданностью.

— Сначала надо получить деньги и подумать, как их лучше использовать,— улыбнулся Н. С. Патоличев.— Потом будете благодарить. Что касается увеличения нормы боеприпасов для отработки стрелковых упражнений, давайте заявку, как условились, не скромничайте.

К тому времени я уже многое повидал и пережил. За моими плечами было двадцать месяцев ожесточенных сражений с фашистами. Я видел смерть товарищей, беззаветную преданность наших воинов, их верность воинской присяге и беспредельную храбрость. Удивить меня чем-то было не так просто.

Н. С. Патоличев, первый секретарь Челябинского обкома партии. 1943 год.

Но то, что увидел я, побывав в Свердловске, Перми, Челябинске и в других больших и малых городах и рабочих поселках Урала, не поддается описанию. Неиссякаемая любовь к родной Советской Армии, священная ненависть к фашизму, огромное ни с чем не сравнимое стремление всецело отдать себя борьбе с ненавистным врагом — все это удесят�еряло силы людей, помогало им преодолеть неслыханные трудности.

Характерно, что эти качества советского человека, воспитанного Коммунистической партией, проявились в первые же месяцы войны. Уже в июле 1941 года по инициативе свердловских комсомольцев возникло патриотическое движение «двухсотников». Рабочие ежедневно давали две нормы — одну за себя, вторую — за товарища, ушедшего на фронт. Потом появились «трехсотники» и «пятисотники». Выдающийся рекорд установил фрезеровщик Нижне-Тагильского завода Д. Босый. Работая на трех станках, он выполнял норму на тысячу процентов. Этим было положено начало движению «тысячников».

В сентябре первого года войны на заводе «Уралмаш» появилась первая в стране фронтовая бригада

расточников, которой руководил комсомолец М. Панов. Соревнование за право называться фронтовыми бригадами вскоре стало массовым.

Свердловская областная комсомольская организация направила на строительство эвакуированного оборонного завода свыше пяти тысяч юношей и девушек. В мороз и в пургу они работали по 14—16 часов в день, расчищая площадки для цехов, строя новые корпуса. Этот невиданный бой с трудностями выиграли молодые энтузиасты. За две недели они поставили два заводских корпуса!

За шесть с половиной месяцев (срок в те дни чрезвычайно короткий) была пущена новая Чусовская домна, позволившая увеличить выплавку чугуна более чем вдвое.

В конце 1942 года трудящиеся Пермской области собрали на вооружение для Красной Армии 125 миллионов рублей, а затем еще 50 миллионов.

В ознаменование 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции колхозники сельхозартели «Победа» Лебяжьего района Челябинской области организовали сбор средств на постройку танковой колонны и обратились к трудящимся области с призывом следовать их примеру. В ответ только коллектив Кировского завода внес четыре с половиной миллиона рублей, а всего поступило свыше ста миллионов рублей.

Из Пермской области фронтовикам было отправлено почти полмиллиона теплых вещей и 31.000 индивидуальных посылок. Чекисты Урала решили на свои сбережения сформировать десять артиллерийских батарей, а коллектив Мотовилихинского завода взял обязательство за счет сверхплановой продукции оснастить вооружением не менее 10 полков.

Тогда же коллективы ряда других заводов также за счет выпуска сверхплановой продукции решили создать Уральский добровольческий танковый корпус.

В феврале 1943 года бюро Свердловского, Пермского и Челябинского обкомов партии, идя навстречу пожеланиям широких масс трудящихся, обратились в Государственный Комитет Обороны и Центральный Комитет ВКП(б) за разрешением создать добровольческий танковый корпус. В письме уральцев, в частности, говорилось:

«Питая священную ненависть к немецко-фашистским извергам, трудящиеся индустриального Урала горят желанием внести свой достойный вклад в дело быстрого разгрома врага... Все для корпуса будет сделано в сверхурочные часы и на личные средства трудящихся. Мы берем обязательство отобрать в корпус беззаветно преданных Родине людей — коммунистов, комсомольцев, непартийных большевиков. Добровольческий корпус уральцев мы обязуемся полностью вооружить лучшей военной техникой».

ЦК ВКП(б) и Государственный Комитет Оборона одобрили это предложение, высоко оценив патриотическое начинание уральцев. С разрешения ставки Верховного командования была издана соответствующая директива. Формирование корпуса началось.

Вот какие конкретные задачи ставили перед собой трудящиеся каждой из трех областей. Свердловская область формировала танковую и мотострелковую бригады, самоходный артиллерийский полк, минометный дивизион, батальон связи и мотоциклетный, авиазвено, роту химзащиты, медико-санитарный взвод, полевой хлебозавод. Пермь обязались сформировать танковую бригаду, минометный полк, автороту, полевую ремонтную базу, а челябинцы — танковую бригаду, противотанковый истребительный полк, батальоны бронетранспортеров и саперный, подвижную ремонтную базу.

Всеми вопросами этой исключительно сложной, ответственной и многогранной работы занимались непосредственно областные комитеты партии. Для координации действий партийных, комсомольских, советских, профсоюзных организаций были созданы областные комиссии во главе с секретарем обкома. Во всех городах и районах развернули свою деятельность комиссии по отбору добровольцев. Повсеместно прошли открытые партийные и комсомольские собрания.

На собрании партийного актива гор. Копейска участник гражданской войны член партии Юровский говорил: «Подлый враг пытается закабалить нашу Родину. Но этому не бывать никогда! Два моих сына бьют гитлеровцев на фронте. Прошу и меня зачислить добровольцем в танковый корпус. Даю слово коммуниста, что буду бить фашистов беспощадно».

Через три дня в комиссию гор. Копейска поступили

сотни заявлений с просьбами зачислить в танковый корпус. За тот же срок Кизеловская комиссия приняла к рассмотрению более 1200 заявлений, Мотовилихинская — 1173, а Чусовская — свыше трех тысяч.

Молодой коммунист Стреканов в своем заявлении писал: «Фашистские изверги убили двух моих братьев. Мать и сестра находятся в плену. Прошу записать меня добровольцем в танковый корпус. Я должен рассчитаться с фашистами за их злодеяния на нашей родной земле. Прошу не отказать».

Однажды у здания Свердловского обкома партии я попал в окружение большой группы юношей и девушек.

— Товарищ генерал, товарищ генерал! Разрешите к вам обратиться,— говорили они наперебой.— Почему нас не записывают добровольцами? Мы хотим на фронт. Помогите нам!

— Очевидно, по возрасту не подходите? А может, есть и другие причины — состояние здоровья, специальность и так далее.

— Нет тут никаких причин!

— И возраст наш подходящий.

— Волокиту развели!.. — снова зашумели они.

— А замену вы себе подготовили?

— Подготовили! Подготовили! — хором отозвались юноши и девушки.

Одно из главных условий зачисления в добровольцы заключалось в том, что уходивший на фронт должен был подготовить на свое рабочее место надежную замену. Нельзя было оголять производственные участки. Не случайно на место добровольца нередко становились его младший брат, сестра, жена, даже мать.

Я помню, как одна уже немолодая женщина просидела несколько часов в приемной Пермского обкома ВКП(б), но добилась, чтобы с нею побеседовал лично секретарь обкома и разрешил ей занять место сына у станка.

— У вас слабое здоровье. Вам будет тяжело,— внушали ей, но она была непреклонна.

— А кому теперь легко? У кого сейчас здоровье? — парировала мать.— У меня на фронте муж и два сына. И третий сын просится к ним день и ночь. Не могу я отказать ему. Время не то.

Сотни заявлений и писем трудящихся, с которыми мне довелось знакомиться в те дни, были пронизаны

одними и теми же мыслями — отдать все для фронта, для победы над злейшим врагом человечества. Коммунист Н. Фомичев писал, например, что фашисты заживо сожгли его мать, отца и двух сестер. «Я не могу и не имею права находиться в тылу, — говорилось в его письме, — когда гитлеровские банды творят такие злодеяния. Я должен отомстить им за свою семью, за поруганную честь нашей великой Отчизны».

С огромным патриотическим подъемом прошли партийные и комсомольско-молодежные собрания в цехах заводов.

Весть о формировании Уральского добровольческого корпуса с быстротой молнии облетела предприятия Нижнего Тагила. Десять с половиной тысяч рабочих, техников, инженеров этого города пожелали стать добровольцами. Среди них было более пяти тысяч коммунистов и комсомольцев.

Рабочий М. Бурнусов в своем заявлении указывал: «Я обязуюсь быть примерным бойцом. Буду бить фашистских бандитов за отца и брата, погибших на фронте, за мать и сестру, поработанных фашистами, за всех тех, кто сложил свои головы за наше Отечество. Клянусь сражаться с врагом до последней капли крови».

Военинженер завода А. Положенков, обращаясь в Свердловский обком ВКП(б), так объяснял свою просьбу: «Я обязан рассчитаться с гитлеровцами за разрушенный ими Сталинградский тракторный завод. Я строил его вместе с тысячами других рабочих и вместе с ними гордился первой тысячей тракторов, вышедших из ворот завода. Теперь там руины. Сердце обливается кровью. Совесть строителя зовет меня к отмщению».

Совесть звала всех — и кто строил Сталинградский тракторный или Днепровскую ГЭС, и кто закладывал фундамент первого социалистического государства или с оружием в руках отстаивал завоевания Октября. Член ВКП(б) с 1917 года Г. Кучумов участвовал в гражданской войне, громил банды Дутова и Колчака. Совесть коммуниста снова позвала его на бой с врагом.

Член партии с 1918 года А. Ксенофонтов был уездным комиссаром, командиром батальона, командовал стрелковой бригадой. был начальником штаба и комис-

саром снабжения Туркестанского фронта. Он не мог сидеть сложа руки и пришел в обком партии проситься в танковый корпус.

С подобной же просьбой обратился пятидесятилетний рабочий Филиппов, беспартийный. «Из нашей семьи,— указывал он,— Родину защищают одиннадцать моих братьев. Я хочу быть двенадцатым. Прошу не отказать в приеме добровольцем».

Двенадцать заявлений на одно место было подано в Верхне-Салдинском районе Свердловской области, а коммунисты Верхне-Сергинской заводской парторганизации той же области, узнав о формировании танкового корпуса, все, как один, изъявили желание стать добровольцами.

Становились воинами танкового корпуса руководящие работники партийных органов. Секретарь Свердловского обкома ВКП(б) М. Пахомов в своем заявлении написал: «Заверяю бюро обкома партии, что в РККА буду высоко держать честь бойца-уральца и не склоню головы перед трудностями фронтовой жизни».

Постановлением от 16 марта 1943 года бюро Пермского обкома партии удовлетворило просьбы девяти коммунистов, руководящих работников. Среди них были секретарь обкома ВЛКСМ Л. Шатров, секретари райкомов партии: Ленинского — П. Рябов, Кировского — Н. Ревякин, секретарь партбюро паровозного депо П. Ефимов и другие.

Областные, городские и районные комиссии получили всего более 110 тысяч заявлений. Это в несколько раз превышало установленный численный состав корпуса. Понятно, что удовлетворить просьбы всех пожелавших стать добровольцами просто не было никакой возможности.

Создание корпуса вызвало громадный патриотический подъем. Он выразился не только в том, что число добровольцев в несколько раз превысило требуемое количество людей, но и в том, что на предприятиях с новой небывалой силой вспыхнуло соревнование за выпуск сверхплановой продукции.

Трудовое соревнование за оснащение корпуса вооружением вылилось в форму выполнения боевых заданий. Эти задания, как правило, объявлялись на многочисленных митингах. Только на заводах Перми командование кор-

пуга дало свыше четырехсот заданий. Все они были выполнены с честью.

Вот что говорил вальцовщик завода имени Кирова комсомолец А. Шаболин на одном из заводских собраний: «Мой отец сражается на фронте, я обещаю работать так, чтобы быстрее уничтожить фашистских мерзавцев. Боевое задание я принимаю как приказ Родины и постараюсь выполнить его образцово».

Он действительно работал с настоящим комсомольским задором, мужественно борясь с трудностями, не считаясь со временем. Мало того, что А. Шаболин выполнил боевое задание почти на 300 процентов, он еще сверх того дал более шести тонн продукции.

Одновременно с выпуском сверхплановой продукции развернулся сбор денежных средств. К апрелю трудящиеся Новолялинского района Свердловской области внесли из личных сбережений без малого двести тысяч рублей, а Серовского района — около полутора миллионов рублей.

Патриоты Челябинской области на строительство танкового корпуса собрали 45 миллионов рублей. Небольшой коллектив Челябинской ГРЭС на свои личные сбережения построил танк и начертал на его броне «Беспощадный». Таких примеров было множество.

В ходе работы по созданию корпуса среди трудящихся родились новые начинания. Так, труженики Алапаевского района Свердловской области выступили с ходатайством организовать батарею 120-миллиметровых минометов, куда вошли бы только алапаевцы. Эта просьба была удовлетворена. По инициативе жен фронтовиков алапаевцы собственными руками изготовили и расшили золотом Красное Знамя. Оно было вручено командиру минометной батареи старшему лейтенанту Пинецкому делегацией алапаевцев, которую возглавлял заведующий отделом райкома партии Щербаков.

Затем нам пришлось рассмотреть ходатайство трудящихся Ревдинского района Свердловской области, которые просили сформировать артиллерийскую батарею. Командир этой батареи лейтенант Байбаков также в торжественной обстановке принял Красное Знамя, сделанное ревдинскими труженицами, и поклялся множить славу уральцев на полях сражений.

Не стояли в стороне уральские поэты и композиторы. Они сочиняли стихи, писали песни и марши, разучивали

их с добровольцами, давали авторские концерты. Активное участие в формировании корпуса принимал выдающийся советский писатель и общественный деятель, депутат Верховного Совета СССР П. Бажов.

Воспел в сказаниях старинных
Богатырей своих народ.
От тех богатырей былинных
Идет танкистов наших род, —

писал он для бойцов нашего корпуса.

Из музыкантов Свердловской филармонии был образован духовой оркестр, а при нем из того же состава — небольшой джаз, которым стал руководить старший лейтенант Кондрашов. Адъютант командира корпуса старший лейтенант Н. А. Улахов, инженер по специальности и большой ценитель искусства, направлял музыкальное творчество оркестрантов. Своими силами они писали песни, куплеты, сценки, делали свои оркестровки произведений.

Все музыканты работали связистами, ремонтниками, санинструкторами, занимали другие должности. Они прилежно выполняли свои прямые обязанности, а в критические моменты с оружием в руках героически дрались с врагом. Музыкой же занимались исключительно в свободное время — в перерывах между боями, на привалах, в минуты отдыха. Забегая вперед, скажу, что все музыканты были награждены орденами и медалями Советского Союза.

Джаз-оркестр пользовался большой любовью. Он неоднократно выезжал на гастроли в города Урала и вызывал восторженные отзывы зрителей. Вот что писал секретарь Челябинского горкома ВКП(б) тов. Панкрушев: «Трудящиеся Челябинска встретились с джаз-оркестром с непередаваемым удовольствием и огромным удовлетворением. Челябинцам отрадно было узнать и лично увидеть, как бойцы и офицеры нашей родной Красной Армии умеют создавать, творить и двигать вперед советское музыкальное искусство в суровой обстановке фронтовой жизни. Примите от имени трудящихся города Челябинска большевистское спасибо за всю многогранность искусства наших славных добровольцев!»

Не обошлось и без курьезов. Музыканты не мыслили себя без хорошей певицы. А где ее взять? Перед отъ-

ездом с Урала начались поиски. Проходил день за днем, а нужного человека все не находилось. Наконец, из многих девушек-связисток полка ПВО Свердловского гарнизона, прослушанных знатоками вокала, остановились на Розе Нотик, обладательнице чудесного сопрано. Это было всего за несколько часов до отхода эшелона. Но как ее зачислить в корпус? Времени для согласования не осталось. Не было и уверенности, что ее отпустят, так как Роза была солисткой коллектива художественной самодеятельности полка. Музыканты решили ее просто украсть, тем более, что Роза сама рвалась на фронт. Но мы в тот день об этом не знали.

Хорошо помню, что за несколько минут до отхода эшелона, уже после торжественной церемонии проводов, я пошел вдоль состава, чтобы еще раз проверить готовность к отправке, и увидел, что все наши музыканты толпятся у последней платформы и почему-то заметно волнуются.

— В чем дело? Почему не на местах? — спрашиваю их.

— Припоздал один наш товарищ, — ответил кто-то из них, кажется Г. Титиевский.

— Да он уже идет. Все будет в порядке, товарищ генерал, — заговорили другие. Действительно, по путям что было сил бежала девушка с вещевым мешком в одной руке и с шинелью — в другой. Это была Роза Нотик. Ее подхватили под руки Титиевский и Савостин и увели в вагон.

В пути я получил телеграмму от командира полка ПВО, в которой говорилось, что дезертировала связистка Нотик, предполагают, что она в эшелоне добровольцев. Однако выявить беглянку сразу не удалось, хотя такие попытки и были. Под Москвой получили вторую телеграмму примерно такую же, что и первая. Но здесь музыканты уже не прятали Розу, и она решительно заявила, что все равно будет на фронте, что в глубоком тылу ей надоело. Пришлось, как говорится, скрепя сердце, сообщить в полк, что Роза Нотик зачислена бойцом Уральского добровольческого корпуса.

В сентябре 1943 года по случаю освобождения Орловской области от немецко-фашистских захватчиков обком партии организовал в Орле парад, после которого был прием. Выступить на нем пригласили и наш джаз-оркестр. Музыканты очень хотели, чтобы Роза

пела не в военной форме, как бывало, а в настоящем хорошем платье солистки. Все были поставлены на ноги, и такое платье сшили. Правда, Роза потом говорила, что она чувствовала себя в этом платье неловко — отвыкла от гражданской одежды. Но, как утверждают оставшиеся в живых участники джаза, для Розы это платье имело еще и другое значение. С того памятного дня она решила посвятить себя искусству*. Впрочем, такое решение приняла почти все музыканты корпуса.

Даже школьники, узнав о формировании танкового корпуса, стремились внести свой достойный вклад в борьбу против фашизма. Они собирали металлолом, отдавали в фонд обороны деньги, заработанные во внеурочное время, выполняли поручения райкомов комсомола, связанные с отбором добровольцев, а нередко и сами просились в корпус в качестве связных или разведчиков. Пионеры Челябинска, например, решили на свои средства построить танк. Это стоило им немалого труда, но ребята не отступили. Грозную боевую машину, приобретенную на заработанные деньги, пионеры сами в торжественной обстановке вручили экипажу, наказав ему смело бить фашистов и возвратиться домой победителями.

11 марта 1943 года корпус официально стал называться 30-м Уральским добровольческим, а его танковые бригады получили наименование по местам формирования: 197-я Свердловская, 243-я Пермская, 244-я Челябинская. В составе танковых бригад насчитывалось 65—67 процентов коммунистов и комсомольцев, а в целом по корпусу их было более пятидесяти процентов.

За всем этим стояла подчас незаметная глазу колоссальная работа уральских партийных организаций, обкомов ВКП(б), всех трудящихся. Они пристально следили за ходом комплектования и боевой подготовкой воинов, при любой необходимости приходили нам на помощь. Райкомы, горкомы, обкомы партии исключительно много делали для размещения частей, органи-

* В настоящее время Р. Нотик, получившая специальное музыкальное образование, работает художественным руководителем Тульского Дворца культуры оружейников. Пианист Н. Комм работает в Свердловском драматическом театре, Г. Титиевский играет на своем любимом контрабасе в Николаевской филармонии, В. Лебедев — скрипач в джазе Леонида Утесова. Н. Улахов, ныне начальник областного управления материально-технического снабжения Горьковской области, В. Яковлев, инженер-конструктор Уралмашзавода, и некоторые другие не стали профессиональными музыкантами, но по-прежнему горячо влюблены в искусство и отдают ему свое свободное время.

зации учебно-материальной базы, отдыха добровольцев.

Все семьи добровольцев брались на учет. Для детей, больных, остро нуждающихся и нетрудоспособных были созданы специальные фонды помощи. По заявлениям бойцов корпуса принимались меры для отыскания их родных. Так, например, усилиями партийных, советских органов и широкой общественности под Москвой была найдена семья добровольца Лучкина. До конца войны она находилась в поле зрения уральцев и неоднократно получала от них необходимую помощь и поддержку. Этот случай не единичен.

Свердловский обком ВКП(б) специальным постановлением выделил из средств, собранных на создание корпуса, четыре миллиона рублей на оказание помощи учащимся — детям добровольцев и два миллиона рублей — на лечебно-оздоровительные мероприятия, проводившиеся среди воинов корпуса. Такое же решение было принято Пермским обкомом партии.

Большое внимание уделялось шефской работе. Пермский обком партии, например, специальным постановлением закрепил предприятия за всеми частями, располагающимися на территории области. Между шефами и подшефными установились прочные деловые связи, не прекращавшиеся до конца войны. У воинов частыми гостями были представители трудящихся. В свою очередь, на заводах и фабриках радушно встречали посланцев корпуса.

Кроме того, было намечено организовать госпиталь для раненых корпуса и учебный батальон для подготовки резерва танкистов, а также систематически пополнять бригады танками за счет их сверхпланового выпуска.

К концу апреля танкисты были полностью обмундированы и оснащены вооружением. В историческом формуляре корпуса имеется лаконичная запись о том, что все, начиная от пуговицы на гимнастерке до тяжелых танков, трудящиеся Урала приобрели на свои личные сбережения и средства, заработанные во внеурочное время.

Командный состав тепло встречал каждую партию добровольцев. Их распределение по полкам, батальонам, ротам и взводам проходило с учетом личных пожеланий и в соответствии с воинской специальностью, общеобразовательной и специальной подготовкой. Осо-

бое внимание уделялось танковым бригадам — главной ударной силе корпуса.

Местные партийные организации, райкомы и обкомы ВКП(б) позаботились о направлении в корпус необходимого количества партийно-политических работников. Многие пришедшие к нам коммунисты имели опыт организационной и партийно-политической работы с людьми и с первых же дней развернули кипучую деятельность. Всю партийно-массовую работу они направляли на повышение авангардной роли коммунистов и комсомольцев, обеспечение высокого качества боевой и политической подготовки.

Командиры всех степеней прониклись глубоким пониманием той ответственности, которую возложили на них трудящиеся Урала, и старались работать не покладая рук. Они учились сами и учили других. Сделать предстояло, действительно, немало. Основная масса рядового состава либо совсем не проходила военного обучения, либо имела недостаточную подготовку. Часть бойцов была знакома с военным делом, однако не имела опыта боевых действий в танковых войсках. Все эти и многие другие моменты пришлось учесть при разработке плана боевой подготовки и при его осуществлении. Иначе прозная боевая техника сама по себе, без обученных людей ничего бы не значила и была бы для врага голой мишенью.

Плановая боевая подготовка началась со второй половины марта, сразу по прибытии первых добровольцев. Работали весьма напряженно, не считаясь со временем. Расположение частей по трем областям усложняло руководство, однако от офицеров я не слышал ни одной жалобы. Управление корпусом размещалось в аудиториях Свердловского пединститута. Жизнь здесь не затихала ни днем, ни ночью. Офицеры подчас отдыхали там, где работали.

К первому мая была завершена подготовка одиночного бойца и развернуто сколачивание подразделений и частей. Много времени отводилось огневой и тактической подготовке в условиях, максимально приближенных к боевым. Воины всех частей трудились с большим энтузиазмом. Люди росли и мужали на глазах.

Группа отличников боевой и политической подготовки 243-й Пермской танковой бригады, начальником политотдела которой был подполковник Е. М. Елуферь-

ев, выступила с обращением следовать примеру передовиков и активно осваивать материальную часть, огневое дело, опыт Великой Отечественной войны. Это обращение обсуждалось на партийных, комсомольских и общих собраниях всех подразделений. Коммунисты и беспартийные с большой заинтересованностью говорили о том, что война с фашизмом требует напряжения всех сил, диктует необходимость более интенсивно готовиться к битве с врагом.

— Рабочие Урала сутками не выходят из цехов, поставляя нам вооружение сверх плана,— подчеркивал в своем выступлении на одном из собраний, где мне довелось присутствовать, старший сержант Христюков.— Мы обязаны работать с еще большим усердием, чтобы научиться без промаха разить врага. Это будет лучшая награда уральцам за их богатырский труд.

— В наших руках грозное оружие,— выступая на собрании, говорил лейтенант Розенблюм из 299-го минометного полка.— Им нужно владеть в совершенстве. Этому будет способствовать крепкая дисциплина, взаимопомощь, высокая организованность и сплоченность. Мы взяли на себя обязательство в короткий срок вывести свое подразделение в число лучших и для достижения этой цели не пожалеем ни сил, ни времени.

В целях популяризации опыта передовиков и бывалых людей в частях проводились конференции. В 197-й Свердловской танковой бригаде к участию в работе конференции привлекли механиков-водителей Шевченко, Раменского и Перелыгина, которые уже были на фронте. Простые, непринужденные рассказы этих танкистов помогли молодым водителям понять многое из того, с чем им впоследствии пришлось столкнуться в боевой обстановке.

Планомерно и целеустремленно действовал политотдел корпуса во главе с полковником В. М. Шалуновым, а также политотделы и политработники частей и подразделений соединения. Благодаря их усилиям первичные партийные организации возглавили энергичные, инициативные руководители, имевшие опыт работы в массах. Используя самые разнообразные формы идейного воздействия — индивидуальные и коллективные беседы, собеседования, собрания, различного рода конференции, «боевые листки», «молнии», кино, семинары специалистов по профессиям, встречи с отличниками и

высококласными мастерами своего дела,—политработники шаг за шагом вели людей к достижению поставленной цели.

Благодаря их стараниям большую работу непосредственно среди личного состава развернули агитаторы и чтецы, как правило, отличники боевой и политической подготовки, коммунисты и комсомольцы. Они несли в массы слово партии, личным примером увлекали воинов за собой. Широкую известность в те дни приобрели агитаторы коммунист Шевченко, комсомолец Николаев, кандидат в члены партии Очеретин и многие другие, регулярно проводившие с бойцами громкие читки, собеседования по важнейшим вопросам внутренней и международной жизни.

С политическими докладами и беседами перед бойцами систематически выступали офицеры всех степеней — от командира корпуса до командира взвода.

На страницах корпусной газеты «Доброволец» из номера в номер печатались материалы, рассказывающие об опыте лучших воинов, о трудовых достижениях уральцев, давались советы и рекомендации молодым бойцам, помещались рассказы фронтовиков, письма родных и близких. Широкий авторский актив, прочные связи с военкорами, неутомимые поиски новых форм подачи материалов — все это позволяло небольшому коллективу журналистов (тоже добровольцев) делать газету содержательной и интересной, доходчиво и ярко освещать учебу, жизнь и быт всех частей и подразделений корпуса. Газета действительно была коллективным пропагандистом и организатором и внесла свою заметную долю труда в подготовку воинов к сражениям с врагом.

1 мая 1943 года бойцы Уральского добровольческого корпуса в торжественной обстановке приняли военную присягу. Для всех это был большой и радостный день. В областных центрах и в ряде крупных городов всех трех областей состоялись парады, многолюдные митинги, на которых присутствовали командование военного округа, нашего корпуса, секретари обкомов партии и комсомола, представители других общественных организаций и учреждений.

Помню, в Челябинске на митинг пришло более пятидесяти тысяч трудящихся и воинов. Они поклялись отдать все свои силы, а если понадобится, то и жизнь,

делу разгрома фашизма. Это было незабываемое, глубоко волнующее зрелище. От имени жен и матерей добровольцев на этом митинге выступила О. Н. Костелянская, сын которой пришел служить в наш корпус и находился здесь же, на площади.

— Не легко матери расставаться с сыном,— говорила О. Н. Костелянская.— Многие чувства владеют матерью, когда она отправляет его на фронт. Но сегодня весь советский народ, все женщины нашей великой страны живут только одним — разгромить ненавистного врага, наказать фашизм за все его злодеяния. И я говорю: «Иди, мой сын, в бой. Круши заклятого врага грозным уральским оружием и всей силой гнева. Да будет сердце твое отважно! Да будет рука твоя тверда! Да будет меток твой выстрел! Да будет победным твой путь!»

Между тем, время, отведенное нам на подготовку, подходило к концу. Начались сборы в путь-дорогу, в район боевых действий. В какой? Мы пока не знали. Могли только догадываться, что в Подмоскovie. Впрочем, это были просто предположения.

Мы готовились к отъезду, общественность Урала развернула подготовку к проводам. На Урале издавна существует добрая традиция: отправляя воинов на ратные дела, труженики дают им свои наказы.

Наказы обсуждались на митингах и собраниях трудящихся, на заводах, фабриках, стройках, в колхозах и совхозах и по их поручению подписывались представителями этих предприятий, организаций и учреждений, главным образом, знатными людьми-стахановцами, новаторами производства, видными общественными деятелями.

Затем в торжественной обстановке они вместе с шефскими Красными Знаменами вручались каждой части и каждому подразделению. Вручение производили секретари обкомов партии и председатели облисполкомов. Принимали командиры бригад, полков и отдельных батальонов. При этом присутствовало командование военного округа, корпуса, представители трудящихся. Эта благодарная работа была проведена в течение мая. Что же говорилось в наказах?

Челябинцы в своем напутственном адресе, в частности, указывали: «Помните, сыновья и братья наши! Всегда, когда над родной землей бушевали грозы войн

и иноземный захватчик шел на Русь с мечом, Урал ощеривался грозными жерлами пушек и стеной штыков. Помните, друзья! У нас с вами за спиной нет позора, а есть доброе имя и заслуженная хвала».

Далее в наказе говорилось о славных делах Емельяна Пугачева, великого полководца Александра Суворова и его чудо-богатырей, фельдмаршала Михаила Кутузова и его доблестных солдат и генералов, разгромивших Наполеона. Они держали в руках оружие, сделанное руками уральских мастеров, и с победой пронесли его через все поля сражений.

«Златоустовский булат, известный всему миру,— писали челябинцы,— хорошо послужил конникам-башкирам во главе с Салаватом Юлаевым. Шашками, изготовленными на Урале, били немцев в первую мировую войну лихие казаки-уральцы, донцы и кубанцы. Славой легендарных подвигов овеяны Красные Знамена уральских партизан и красногвардейцев. Эти гордые Знамена никогда не склонялись в бою!

Товарищи бойцы, командиры и политработники! Слушайте наш наказ! Родные наши, вы вступили в Уральский добровольческий корпус. Такое особо почетное имя ко многому обязывает. Не забывайте об этом ни на час. Помните: кому много дано, с того и много спросится. Дела ваши пусть всегда будут заметными, яркими. Пусть гремит и ширится могучая, грозная для врага слава Урала. Советская Родина каждому из вас дорога. Ее честь, свобода и независимость дороже собственной жизни. Где бы вы ни сражались: у стен ли Смоленска или Орла, у порогов ли Днепра или в степях Украины, помните, что вы сражаетесь за Родину, за Москву, вы отстаиваете народные богатства Урала, вы защищаете Магнитку, орденоносный Кировский завод, город стали и булата Златоуст, индустриальный Челябинск, Ильменскую сокровищницу минералов, плодородные степи и дремучие уральские леса— все то, что полито потом и кровью ваших дедов, отцов, братьев.

Бейтесь умело и храбро везде, бейтесь так, чтобы завоевать почетное звание гвардейцев. Мы наказываем вам полностью использовать высокую маневренность и огневую мощь ваших замечательных машин, стать мастерами танковых ударов, смело крушить вражеские укрепления, его технику и живую силу... На полях сражений судьба человека сливается с судьбой машины.

Любите свою технику, берегите ее, ухаживайте за ней так, чтобы она всегда безотказно служила вам в бою. Показывайте образцы высокой воинской дисциплины, стойкости, организованности.

Вперед, товарищи! Только вперед! Там вас ждут советские города и села, опоганенные фашистами, советские люди, стонущие в ярме фашистского рабства. Там ждут вас наши советские дети, обреченные гитлеровцами на муки и смерть. Вперед на Запад! Туда глядите, туда стремитесь! Позади вас все будет хорошо. Пусть не берет вас за сердце беспокойство за семью, завод, шахту, колхоз. Даем вам слово крепкое, как гранит наших гор, что мы, оставшиеся в тылу, будем достойны ваших боевых дел. Заверяем вас, еще ярче вспыхнет слава нашего края, слава наших трудовых будней. Будет снарядов и патронов, всякого оружия для вас достаточно. Это нерушимое слово наше!»

Глубокими патриотическими чувствами и беспредельной любовью к своей Отчизне были пронизаны также наказы свердловских и пермских трудящихся. Они напоминали воинам о том героическом труде, с каким создавался танковый корпус, о том, что в могучем оружии танкистов сплавлены усилия рудокопов гор Высокой и Благодати, серовских и верхисетских сталеваров, тагильских и свердловских кузнецов, тысяч других мастеров знаменитого Урала. Наказы выражали твердую уверенность уральцев в том, что добровольцы не посрамят земли русской и вернутся домой с победой под гвардейскими знаменами.

Обсуждение наказов вызвало среди воинов небывалый политический подъем и прилив новых сил. По инициативе ряда первичных партийных и комсомольских организаций, поддержанной всем личным составом корпуса, добровольцы ответили трудящимся клятвой. «Мы не дрогнем в боях за нашу святую землю,— говорилось в ней,— не пожалеем крови и самой жизни ради свободы и счастья нашего народа, ради полного освобождения нашей Родины от немецко-фашистских захватчиков. Мы выполним ваш наказ и вернемся на родной Урал только с победой!»

И вот наступил день отъезда. В июльском небе ни облачка. Тепло. Солнечно. Перрон вокзала города Свердловска заполнен до предела. Проводить воинов в дальнюю дорогу пришли не только горожане. Многие

приехали за сотни километров. Здесь же все члены бюро областного комитета ВКП(б), секретари обкома партии Андрианов, Аристов, командующий военным округом генерал Катков, член Военного совета генерал Абрамов, многочисленные представители трудящихся, партийных, советских, комсомольских и других организаций.

Звенит медь духового оркестра. Воины и провожающие поют сложенную в дни перед отъездом песню:

В грозной битве победим мы,
Снова встретимся с тобой.
До свиданья, наш Урал любимый.
До свиданья, наш Урал родной!

Наконец, раздается команда: «По вагонам!» Последние объятия родных, поцелуи жен, невест, последние напутствия и рукопожатия...

По сигналу руководителя духовой оркестр грянул военный марш, от провожающих отделилась небольшая группа рабочих, подошла ко мне и вручила изумительно красивую шашку*, украшенную уральскими самоцветами.

— От златоустовских мастеров. Чистосердечно, — коротко сказал пожилой рабочий, фамилию которого я не успел узнать. На шашке я увидел золотую пластинку и прочитал на ней надпись: «Командиру Уральского добровольческого корпуса генералу Родину Г. С.» Этот дорогой подарок растрогал меня до слез.

Боевая учеба не прекращалась и в пути следования. С поразительным упорством воины продолжали изучать материальную часть, опыт войны. У всех было приподнятое настроение. Бойцы и командиры постоянно находились в курсе событий, происходящих на фронтах, в тылу, за рубежом. Выпускались «боевые листки», «молнии». Регулярно устраивались громкие читки свежих газет и журналов.

С огромным воодушевлением прошла подписка на Второй Государственный Заем. Танкист комсомолец Бакановский, оформляя подписной лист, сказал: «Мой месячный оклад 675 рублей, я подписываюсь на 1000 рублей и 675 вношу наличными. Коммунист рядовой Либман заявил: «Деньги, которые мы отдаем займы государству, ускорят разгром немецких фашис-

* В настоящее время находится в краеведческом музее г. Орла.

тов. Я подписываюсь на 700 рублей, 200 вношу наличными и призываю своих товарищей последовать моему примеру». В целом по корпусу сумма подписки составила 137 процентов к месячному денежному довольствию.

* * *

В первой декаде июня корпус сосредоточился в районе Кубинка — Аксаково, примерно в шестидесяти километрах западнее Москвы. Около месяца прошло в работе по сколачиванию частей и подразделений.

На заключительном этапе учений у нас присутствовали командующий 4-й танковой армии генерал В. М. Баданов, начальник штаба бронетанковых и механизированных войск Советской Армии генерал Салмин, заведующий Военным отделом ЦК ВКП(б) генерал-майор Н. Г. Жуков. Они остались довольны действиями командного и рядового состава и в то же время сделали ряд существенных замечаний.

— Получаете вести с Урала? — поинтересовался заведующий Военным отделом ЦК.

— Связи наших воинов с трудящимися Урала растут и крепнут. Ведем переписку, ждем делегацию уральских тружеников, — ответил я.

Незадолго до этого от нас ушло подробное письмо на Урал, в котором мы рассказали о наших новостях. Сообщать было что. За истекший месяц значительно повысилась боеспособность корпуса. На тактических учениях, проходивших в июле, 197-я танковая бригада успешно решила несколько сложных задач и удостоилась отличной оценки. Многие из воинов были отмечены благодарностями и ценными подарками.

Среди добровольцев выросли свои мастера военного дела. Многие из них вступили в ряды ВКП(б) и ВЛКСМ. Число комсомольцев только за один месяц увеличилось почти на тридцать процентов, а кандидатов в члены партии на 16 процентов. Большое значение имела реорганизация структуры партийных и комсомольских организаций, осуществленная на основании постановления ЦК ВКП(б) от 24 мая 1943 года. Теперь первичные партийные организации создавались не в полках, а в батальонах. Полковое же бюро по своим правам приравнивалось к партийному комитету. Партийные бюро батальонов получили возможность

Перед отправкой на фронт. 1943 год.

конкретнее руководить ротными парторганизациями, а введенный вместо секретарей парторганизаций институт назначаемых парторгов рот, батальонов и полков обеспечивал оперативное решение многочисленных вопросов, неизбежно возникавших в условиях военного времени.

Вскоре в наше соединение вошли истребительный противотанковый полк и полк противовоздушной обороны, зенитно-истребительный дивизион, предназначенный для уничтожения фашистских танков типа «тигр», а также дивизион гвардейских минометов — знаменитых «катюш». Это усилило боевую мощь корпуса.

Несмотря на серьезные успехи в боевой и политической подготовке, мы отдавали себе ясный отчет в том, что самое трудное впереди. Одно дело — учеба, и совершенно другое — настоящий бой, где ежеминутно боец может встретить тысячи неожиданностей, где от него потребуются и хладнокровие, и решительность, и дерзость, и смелость, а главное — стойкость и умение быстро уничтожить противника.

ОТ ОРЛА ДО ПРАГИ

В конце июня 1943 года 30-й Уральский добровольческий корпус в составе 4-й танковой армии сосредоточился в районе города Козельска. Здесь войска армии перешли в подчинение командующего Западным фронтом генерал-полковника В. Д. Соколовского.

По всей вероятности, гитлеровцам удалось узнать о нашей передислокации. Станция Сухиничи, где мы разгружались, подверглась авиационной бомбардировке. Налеты стервятников следовали один за другим, однако сильный огонь нашей зенитной артиллерии и активные действия истребителей сводили усилия гитлеровцев на нет. Они вынуждены были сбрасывать бомбы куда попало.

Из-под Козельска корпус вышел на Болховское направление. Первыми развернули боевую работу наши разведчики. Десятки групп на броневиках и пешим порядком в поисках нужных данных о противнике днем и ночью колесили по всему фронту 11-й гвардейской армии генерала И. Х. Баграмяна.

Гитлеровцы придавали большое значение Болхову — старинному городу на Орловщине, как крупному узлу дорог. Они приняли все меры, чтобы сильно укрепить свои рубежи по берегам рек Орс, Нугрь, Моховица и на Орловском плацдарме остановить наступление наших войск. Здесь была сосредоточена довольно сильная группировка, состоящая из 37 дивизий, в том числе 27 пехотных, 8 — танковых и 2 — механизированных. Всего на Орловский плацдарм они подтянули около 600 тысяч солдат и офицеров, шесть тысяч орудий и минометов, около тысячи танков и самоходных орудий. Эти силы поддерживали более 1100 самолетов. На каждый километр фронта у немцев приходилось свыше 2 тысяч солдат и офицеров, 90 ручных и станковых пулеметов, более 10 танков, 15 полевых и противотанковых орудий, свыше десятка минометов.

За 22 месяца пребывания в районе Орла и Болхова враг создал глубоко эшелонированную оборону с развитой системой полевых укреплений. Здесь были доты и дзоты, бетонированные колпаки и блиндажи, минные

поля и врытые в землю танки. Позаботились и о поддержании «боевого духа». В войсках была увеличена норма выдачи продуктов, два раза в день гитлеровских солдат поили водкой, особенно из частей СС «Мертвая голова», на огневых точках которых втыкался в землю металлический штырь с желтым флажком, где изображался череп с перекрещенными костями. Это означало, что данная точка «неприступна».

Гитлеровцы во что бы то ни стало хотели навязать нам длительную позиционную борьбу. Этому способствовали и условия местности. Прошедшие в начале июля сильные дожди подняли уровень воды даже в малых реках и сделали их труднопреодолимыми преградами. Дорог с твердым покрытием здесь не было, а те, что лежали в полосе действий корпуса, превратились в сплошное месиво. Это сковывало маневренность танков и особенно артиллерии, которая была на автомобильной тяге, сдерживало своевременный подвоз боеприпасов и горюче-смазочных материалов, развертывание ремонтных средств. Все мосты были уничтожены, а местность, где нам предстояло действовать, враг имел время хорошо пристрелять по всем направлениям и заминировать. Причем минирование производилось самыми ухищренными способами. Противотанковую мину, например, фашисты укладывали в землю на большую глубину, а сверху ставили на нее деревянный кругляк, засыпали его землей и тщательно маскировали. Установленные таким образом мины обнаружить миноискателем было трудно. Их находили при помощи специальных щупов и то не всегда.

Гитлеровцы закрепились на трех главных рубежах, которые нам предстояло прорвать. Первый рубеж проходил по реке Орс. Подступы к нему враг держал под сильным артиллерийским, минометным и пулеметным огнем, что не позволяло нашим саперам до захвата плацдарма на противоположном берегу навести переправы. Второй рубеж шел по реке Нугрь с крутыми берегами и противотанковым рвом между деревнями Озерки и Чурилово. И третий рубеж протянулся по реке Моховица. Здесь противник использовал все командные высоты для наблюдения и ведения огня по нашим танкам прямой наводкой, а самоходные орудия применил как кочующие огневые точки и для устройства засад.

На прочность своей обороны гитлеровцы возлагали

очень большие надежды. Кроме разветвленной системы инженерных сооружений, этот участок был усилен частями, снятыми с других направлений. Командующий фашистскими войсками генерал-полковник Модель, считавшийся Гитлером «львом обороны», в своем приказе потребовал стоять до последнего солдата, а потом подкрепил приказ суровыми репрессивными мерами, включая и расстрел.

27 июля наш корпус занял боевые позиции. Пришло время боевого крещения уральцев-добровольцев. В частях царило приподнятое настроение. Люди рвались в бой, памятуя, что впереди их ждут советские люди, закабаленные ненавистным врагом. В частях проходили читки наказа уральцев своим воинам.

В тот же день, 27 июля, в район деревни Гремучее приехали командующий фронтом генерал-полковник В. Д. Соколовский и член Военного совета генерал-лейтенант Н. А. Булганин. Лил дождь, и моя машина с трудом шла по раскисшей, грязной дороге. Еще издали я заметил, что на худощавом лице командующего лежит печать большой озабоченности и сосредоточенности, глубоких размышлений и усталости.

Командующий попросил доложить обстановку, интересовался настроением бойцов и командиров, боеготовностью частей, нашей осведомленностью о противнике. Я сообщил, что корпус готов к выполнению боевой задачи.

— Это хорошо,— заметил В. Д. Соколовский, обращаясь к карте. Было заметно, что командующий серьезно обеспокоен. Перед нашим корпусом стояла задача войти в прорыв на участке 11-й гвардейской армии. Затем предполагалось, перерезав вражеские коммуникации, выйти на линию Хотынец — Нарышкино — Бунино. Это создавало условия для окружения орловско-болховской группировки врага.

Однако, предвидя удар в направлении на Брянск, гитлеровское командование срочно перебросило в район Болхова танковую дивизию СС «Великая Германия». Перед фронтом нашего корпуса стояли также офицерский добровольческий батальон, 25-я механизированная и 18-я танковая дивизии, а также ряд инженерных, артиллерийских и других частей и соединений. Кроме того, по данным нашей разведки, противник мог в любое время

бросить в бой находившиеся в резерве более четырех танковых, механизированных и пехотных дивизий.

Начавшие наступление воины 6-го механизированного корпуса сбили противника на рубеже Лучки, но продвигаясь в направлении Прилепы — Луново, встретили ожесточенное сопротивление гитлеровцев и сумели пройти не более четырех километров. Медленное продвижение и беспокоило командующего фронтом. Он приказал в 16-00 того же дня ввести в бой 243-ю танковую бригаду подполковника В. Н. Приходько, чтобы общими усилиями преодолеть реку Орс. А через полчаса приказал ввести в бой и остальные части корпуса командующий 4-й танковой армией генерал В. М. Баданов.

Этот ввод решено было осуществить по двум маршрутам. 243-я Пермская танковая бригада с частями усиления шла в направлении населенных пунктов Лучки — Дулебино — Рыжково — Локно — Бунино с задачей выйти в район Алексеевка — Селихово. 244-я Челябинская танковая бригада шла следом с целью выйти в район платформы Беднота.

197-я Свердловская танковая бригада двигалась по маршруту Rogozino — Пальня — Хотетово — Борилово — Злынь — Парамоново — Солнцево — Нарышкино. А 30-й мотострелковой бригаде с 299-м минометным полком ставилась задача выйти в район населенных пунктов Апраксино — Ледно.

Первый удар уральцы нанесли по вражеским укреплениям на реке Орс. Гитлеровцы ответили контрмерами. Все вокруг загудело и застонало. Казалось, разбушевался могучий вулкан. Поля накрыли черные облака дыма и смрада. Через них не могли пробиться даже лучи солнца. Пылали деревни. Над головой с диким воем носились десятки фашистских самолетов.

Попытка танкистов преодолеть водную преграду с ходу не удалась. Она была повторена утром 28 июля. Несколько часов длился ожесточенный бой. Гитлеровцы оказали яростное сопротивление. Однако к середине дня фашистские заслоны были сбиты. Первым преодолел реку вплавь мотострелковый батальон 197-й танковой бригады под командованием капитана В. Я. Фирсова. Батальон штурмом взял деревню Дулебинскую, причем сам комбат в этом бою уничтожил 15 гитлеровцев. Одновременно третий батальон 30-й мотострелко-

вой бригады под командованием капитана Я. Д. Гацуляка овладел северной окраиной деревни Струково.

Неожиданно в штаб корпуса поступило донесение, в котором говорилось, что против наших танков немцы применили самоходные торпеды весом около двухсот килограммов каждая. Их прятали в высокой траве и направляли на цель с помощью электро- или радиоуправления. Вначале наши танкисты не знали, что это за штука и, видя, что она не открывает огня, таранили ее мощной броней «тридцатьчетверки». За это экипаж платил своей жизнью.

Были приняты экстренные меры, и секрет «нового» оружия стал нам известен. Специальным приказом всем экипажем мы запретили таранить управляемые торпеды. Их следовало расстреливать. Полный эффект достигался и в том случае, если перерезался провод, тянувшийся за торпедой сзади. Уже через несколько дней все наши воины в точности выполняли этот приказ, и очередная фашистская авантюра лопнула, как мыльный пузырь.

Фашисты предприняли серию новых яростных контратак и ценой больших потерь сумели добиться некоторого успеха. Однако дружным концентрированным ударом воины капитана Фирсова вновь овладели переправой и к вечеру заняли деревни Бессоновскую и Дулебинскую. Развивая успех, 30-я мотострелковая бригада расширила плацдарм и обеспечила переброску танковых частей через реку. Уральцы с небывалым упорством и храбростью дрались за каждый метр родной земли, показывая чудеса героизма, мужества, взаимной выручки и беззаветной преданности Родине.

Примером отваги и решительности стал для наших бойцов командир отделения автоматчиков Тимофей Луценко. Только в одном бою он уничтожил до десятка фашистов. Его бесстрашие удивляло даже бывалых людей.

Дважды переходила из рук в руки деревня Струково. За ее освобождение сражалась рота, которой командовал старший лейтенант Гайко. Ворвавшись в траншеи врага, бойцы завязали рукопашную и уничтожили немало фашистов. Гитлеровцы бросили сюда подкрепление.

На помощь нашим пришел со своим резервом командир батальона капитан Я. Д. Гацуляк. Сам комбат

разил фашистов огнем и прикладом автомата. В этом бою он получил девять ранений, но покинул боевые порядки лишь тогда, когда силы оставили храбреца.

Тяжелораненый капитан Гацуляк умирал на руках своих бойцов. Он просил командование отметить правительственными наградами своих воинов и называл их по именам. Посмертно капитан Гацуляк был награжден орденом.

В числе тех, кого назвал бесстрашный комбат, была Женя Безгодова, санитарный инструктор, комсомолка, бригадир одного из свердловских заводов. Она действительно заслуживала награды. В жестоком бою был ранен командир. Услышав его стоны, отважная девушка бросилась на помощь. Фашистский солдат открыл по ней огонь. Женя была ранена, но не отступила.

Не обращая внимания на собственную рану, Безгодова отыскивала командира и оттащила его в конец траншеи. Оказав ему помощь, Женя перевязала свою рану и снова кинулась в огонь сражения. Только после боя ее удалось уговорить отправиться в медсанбат. А через несколько дней она снова была в строю. Более ста раненых наших солдат и офицеров вынесла Женя с поля боя и спасла им жизнь. За мужество и отвагу комсомолка Безгодова была награждена орденом Красной Звезды *.

Каждый день боев рождал новых героев. Командиру танка лейтенанту Мальковскому в самом начале сражения раздробило кисть руки, но он категорически отказался покинуть танк. Его грозная машина продолжала крушить гитлеровцев огнем и гусеницами.

На другом танке отличились механик-водитель Антоненко и радист-пулеметчик Николаев. Вражеский снаряд угодил в их машину, сразил командира башни и тяжело ранил командира танка. Но экипаж не сложил оружия. Оказав помощь раненому командиру, водитель и радист-пулеметчик продолжали громить фашистов. Они расстреляли свыше двух десятков гитлеровских солдат и подавили несколько вражеских огневых

* Сейчас Евгения Алексеевна Трапезникова (Безгодова) трудится в Свердловске. Ее муж Прокофий Петрович — тоже бывший воин этого корпуса. В восемнадцать лет он командовал уже мотострелковой ротой, награжден орденами Боевого Красного Знамени, «Александра Невского», Отечественной войны первой и второй степени, Красной Звезды, медалями. Работает он на обувном предприятии.

точек. И только когда затих бой, они вывели свою поврежденную машину в тыл, на ремонт.

Самоотверженно действовали артиллеристы. В боях за переправу реки Орс высоким мастерством отличилась батарея старшего лейтенанта Павлова. Орудийные расчеты, которыми командовали Шляхов, Панин, Севастьянов, метким огнем уничтожили минометную батарею, два противотанковых орудия, наблюдательный пункт, истребили десятки фашистских солдат.

Незаурядные способности разведчика и связиста проявил в боях под Болховом рядовой Ситниченко. В его обязанности входило обеспечивать бесперебойную связь командования бригады с частями как телефонно-кабельную, так и путем передачи устных и письменных приказов. Только исключительная храбрость, находчивость, я бы сказал еще и предприимчивость, помогали ему под непрерывным огнем врага обеспечивать связь. За это Ситниченко был произведен в офицеры и отмечен высокой правительственной наградой.

Экипажем танка «Беспощадный», построенным на средства Челябинской ГРЭС, командовал офицер Акиньшин, участник многих боев с фашистскими захватчиками. В одной из схваток под Болховом этот танк попал под массированный огонь гитлеровской артиллерии. Однако Акиньшина это не остановило. Командир смело повел свою машину вперед, «проутюжил» несколько вражеских орудий, а затем врезался в самую гущу фашистов. Забыв об опасности, стрелок-радист Марченко открыл люк и начал забрасывать гитлеровцев гранатами. В этом поединке победителем вышел «Беспощадный».

В четыре часа утра 29 июля наши танки и колесные машины были на противоположном берегу реки, а к восьми утра овладели деревнями Калантаево, Сухачево, Однощеково, рядом других и подошли к реке Нугрь на участке Воскресенский — Кулики. Преодолеть эту водную преграду с ходу также не удалось, так как противник создал здесь сильный противотанковый заслон. Весь день длился ожесточенный огневой бой. Враг всеми силами пытался остановить наше движение, не допустить переправу через реку.

В ходе этой яростной дуэли мы получили сообщение, что наша 4-я танковая армия выведена из состава Западного фронта и поступила в распоряжение Брянского

фронта. Задача была уточнена: форсировать реку Нугрь и к исходу дня выйти в район Злынь—Скородумовка—Шарапово. Было принято решение: 243-й танковой и 30-й мотострелковой бригадам с частями усиления наступать на Ветловку—Злынь, а 197-й танковой бригаде в обход через Борилово ударить в направлении Чурилово—Озерки.

В 20-05 наша артиллерия развернула обработку вражеских позиций. После сорокапятиминутной артподготовки гвардейские минометы — «катюши» — сделали еще один мощный огневой налет, и вслед за тем двинулись уральцы-добровольцы. В десять часов вечера деревни Скородумовка и Воскресенское были освобождены.

При форсировании реки и в боях по расширению плацдарма отличился мотострелковый батальон, которым командовал старший лейтенант Кривобоков. В разгар сражения командир по ранению выбыл из строя. Командование батальоном взял на себя старший лейтенант Константин Костырев, уроженец гор. Перми.

Пехотинцы этого батальона действовали дерзко и решительно, не пасуя ни перед чем. Дело доходило до рукопашной. В одной из таких схваток комбат лично уничтожил более десятка гитлеровцев и пленил двух офицеров со штабной машиной, в которой находились ценные документы. Фашистская пуля ранила Костырева. Ему сделали перевязку и предложили покинуть поле боя.

— Нас ждут впереди! — ответил Костырев и продолжал руководить батальоном. Через некоторое время его ранило вторично. И опять комбат отказался уйти. Лишь третье ранение заставило Костырева оставить поле сражения. Его сменил заместитель по политчасти капитан Низовой. Батальон шаг за шагом буквально вгрызлся в оборону врага и ломал его сопротивление.

В том же мотострелковом батальоне тяжелое ранение получил командир роты лейтенант Тищенко. Командование принял младший лейтенант Филиных. Внезапно он остановился, а потом медленно осел на землю. К нему на помощь бросился Яков Сосновских, но сердце командира уже не билось.

— Слушай мою команду! — закричал Сосновских, увлекая бойцов за собой. — Вперед! За нашу Советскую Родину!

Взбежав по склону, он увидел, что по нашим остервенело бьет фашистский пулеметчик, и метнул в него гранату. Раздался взрыв, пулемет замолчал. Однако в последний момент вражеская свинцовая очередь резанула по груди смельчака. Очнулся Сосновских на руках санинструктора, который делал ему перевязку.

— Лежи, брат, лежи,— сказал санинструктор, подвигая к раненому автомат и флягу с водой.— Ты свое сделал.

Нет, Яков Сосновских, сын рабочего-металлурга и сам металлург, работавший в должности заместителя начальника отдела трубного завода и добровольно пришедший в Уральский корпус рядовым, считал, что он не полностью рассчитался с гитлеровскими варварами.

Тяжело раненный, он взял в руки оружие, вылез из окопа и стрелял по врагу до тех пор, пока опять не потерял сознание. Он пришел в себя на руках капитана Низового, по поручению которого много раз проводил беседы, читал бойцам газеты, рассказывал об успехах Советской Армии на разных фронтах*.

В том же бою взвод автоматчиков старшего сержанта Ефимцева под шквальным огнем противника первым вплавь преодолел реку Нугрь. Бесстрашные воины ворвались в траншею врага и завязали рукопашный бой. Добровольцы из Нижнего Тагила и Серова Дьячков, Горелик, Смехов, Гажиев уничтожили около двух десятков фашистов, а других обратили в бегство. При форсировании реки командир роты противотанковых ружей старший лейтенант Ильинский уничтожил пять огневых точек, много солдат и офицеров противника. Он погиб геройской смертью, стреляя по врагу до последнего вздоха.

Исключительную стойкость проявил пулеметчик мотострелкового батальона комсомолец Михаил Орлов. Выполняя поставленную задачу, он выдвинулся с пулеметом вперед и открыл по врагу меткий огонь. Фашисты накрыли Орлова минами. Пулемет храброго воина замолчал. К Михаилу бросился его товарищ и предложил Орлову уйти в тыл.

* После лечения в госпитале Сосновских направили в военное училище. Он стал офицером и снова бил фашистов. По окончании войны Яков Анатольевич вернулся на родной завод и руководил научно-исследовательской лабораторией. Вместе с коллективом он разработал и внедрил передовые методы производства труб. К фронтовым наградам у него прибавилась медаль лауреата Государственной премии.

— Идти можешь?

— Могу, конечно,— ответил пулеметчик,— но не пойду! Мое место здесь, там мне делать нечего.

Орлов снова взялся за пулемет и пригвоздил к земле еще добрый десяток фашистов. Из глубины обороны враг усилил обстрел. Михаила Орлова ранило вторично. Осколки вражеских снарядов попали ему в грудь, кровью залило комсомольский билет. К пулеметчику опять подползли товарищи, оказали ему помощь и предложили отправиться в медсанбат. Орлов категорически отказался.

— Вот сволочи! — бросил он в сердцах. — Комсомольский билет испортили. Но вы у меня, гады, еще почешетесь! — Михаил вытер окровавленный билет о гимнастерку, спрятал его и опять взялся за пулемет. Но стрелять он уже не мог: силы оставили храброго пулеметчика. В последний момент он все же поднял голову и тихо произнес:

— В Ленинграде, на Лазуринской пять, в пятой квартире... сестра... Напишите ей... И на Урал напишите, что я клятву выполнил...

Герой-пулеметчик умер с сознанием исполненного долга. Посмертно Михаил Орлов был награжден орденом Боевого Красного Знамени. Весь Урал узнал о его подвиге.

Преодолевая упорное сопротивление немецко-фашистских войск, 243-я танковая бригада к исходу дня овладела деревнями Чурилово и Кулики, а затем была остановлена сильным вражеским артогнем и массированными налетами авиации. То же случилось с 30-й мотострелковой бригадой. 50—60 самолетов непрерывно «висели» над нашими боевыми порядками, сдерживая движение танков и пехоты.

Но ничто не могло остановить героев-уральцев. В бою за деревню Борилово умело действовал экипаж лейтенанта Еременко, в который входили Антон Огарок, бывший мастер Уралмашзавода, Геннадий Нестеров, бывший слесарь того же завода и комсорг цеха, и Петр Трепачев, также работавший на том же заводе. Еще во время боев за переправу на реке Орс этот экипаж уничтожил несколько десятков гитлеровских солдат и офицеров, три противотанковых пушки и крупнокалиберный пулемет. На танке было свыше пятидесяти вмятин от

снарядов, пуль и осколков. Но уральская броня оказалась такой же крепкой, как и люди, которые ее варили.

Движимый великим чувством любви к своей Родине и ненавистью к заклятому врагу, экипаж лейтенанта Еременко в числе первых ворвался в Борилово и разогнал гитлеровцев, пытавшихся контратаковать. В это время в машину угодил вражеский снаряд и ранил командира. Башенный стрелок коммунист Антон Огарок, забыв о собственном ранении, перевязал Еременко, а механик-водитель Петр Трепачев отвел танк в укрытие. Радист-пулеметчик Геннадий Нестеров немедленно связался с командиром роты по радио и доложил обстановку. Тот приказал отправить раненого командира танка в медсанбат. Друзья выполнили этот приказ, но сдав Еременко врачам, вновь заспешили на передовую.

— Без командира нельзя,— заметил начальник политотдела бригады.

— Ничего. Не подкачаем,— сказал Петр Трепачев, водитель, участник боев с японскими самураями.

— И я не новичок в этом деле,— заметил Геннадий Нестеров, поправляя рукой орден Боевого Красного Знамени, полученный в боях на Халхин-Голе.

— Командование беру на себя,— твердо произнес Антон Огарок.

Танк снова крушил фашистов огнем и гусеницами. Снаряд за снарядом посылал Антон Огарок, безумолчно работал пулемет Геннадия Нестерова. Неожиданно в машину ударил снаряд и сорвал гусеницу. От второго попадания загорелся бак с горючим. Фашисты окружили танк, но он продолжал отбиваться. Уралмашевцы не дрогнули и тогда, когда против одной горячей советской машины оказалось три «тигра». Они бились до тех пор, пока их танк не взорвался.

Подвиг танкистов с Уралмашзавода стал вдохновляющим примером для всего личного состава корпуса.

Бои продолжались с нарастающим напряжением. 243-я и 30-я бригады, преодолевая ожесточенное сопротивление врага, двигались на юг. Находившаяся в резерве командующего 4-й танковой армией 244-я танковая бригада поступила в распоряжение корпуса и повела наступление, развивая успех 197-й бригады. После ряда кровопролитных сражений челябинцы сломали оборону отборных фашистских частей, захватили хутор Виш-

невский и создали реальную угрозу окружения противника на рубеже Ветловка.

Немцы быстро оценили создавшуюся обстановку и начали отход на Злынь. Для преследования бегущих гитлеровцев мы выделили специальный отряд в составе 30-й мотострелковой бригады, 299-го минометного полка, батальона танков и двух артиллерийских батарей. Перед ними была поставлена задача — не отрываться от противника и форсировать реки Моховицы и Неполодь. К четырем часам дня отряд подошел к северной окраине Злыни.

Этот крупный населенный пункт враг не хотел оставлять без боя. Он сосредоточил здесь крупные силы пехоты, поддерживаемые тремя полками самоходной и полевой артиллерии, несколькими танковыми ротами и шестью минометными батареями. Неприятельская авиация непрерывно наносила сильные бомбовые удары по северо-восточной окраине села, рассчитывая отсечь нашу мотопехоту от танков.

Я с группой оперативных работников штаба корпуса тотчас поехал в этот район. Передо мной лежала выжженная земля, родная и безмерно любимая, знакомая каждой своей ложиной и каждым овражком еще с детства. Здесь я когда-то начинал трудовую жизнь, нанимаясь в батраки. Здесь босоногим мальчонкой исходил все вдоль и поперек. Я видел эту землю нищенской и сиротливой до революции, я видел ее расцветающей и обильной в годы Советской власти. Но я никогда не видел свою родную землю такой, какой она была сейчас. Она лежала передо мной истерзанная и израненная, обезображенная и опоганенная мерзкими существами, которые недостойны были называться людьми. Она звала нас к себе, просила помочь ей избавиться от негодяев с паучьей свастикой фашизма. Какой же сын мог безучастно смотреть на жуткие страдания матери-Родины.

Когда грузовая машина въезжала на мост через реку Злынка, раздался сильный взрыв — сработала вражеская мина. Некоторые воины, в том числе политработник майор Николаев, получили ранения и контузии. Им была оказана первая помощь, а мы пошли дальше пешком. Бой шел за северо-западную окраину Злыни. Здесь мы без труда отыскивали командный пункт 30-й мотострелковой бригады и ее командира полковника М. С. Смирнова.

— Орешек! — проговорил полковник, вглядываясь вдаль. — Но разпрызем и его. Уверен. Люди мужают на глазах. За эти дни боев получили крепкую закалку, хорошие боевые навыки.

Не успел командир бригады ввести нас в курс быстро меняющихся событий, как над Злынью появились вражеские бомбардировщики. Они шли пятью или шестью группами по десятку самолетов в каждой. Искать укрытия было поздно, да и негде.

— Ложись! — крикнул кто-то, и все тут же, где стояли, плюхнулись на земдю. Засвистели бомбы, несколько из них разорвалось рядом с КП, и на нас посыпались осколки, комья земли. В этот момент я почувствовал на себе неимоверную тяжесть. Попробовал приподняться — не тут-то было! Оказалось, что меня закрыла своими телами группа добровольцев-связистов. Они не думали о себе. Они спасали командира.

Между тем, некоторые моменты создавшегося положения оставались неясными, и я пригласил к себе командира и начальника штаба разведбатальона. Но в назначенное время майор Н. П. Беклемишев и капитан Г. Н. Старостин не пришли. Направляясь к нам, они увидели злыньскую церковь и подошли к ней. Церковь гитлеровцы превратили в склад боеприпасов. Она была набита ящиками с минами, гранатами и патронами. Даже на улице стояли штабеля ящиков. Удар уральцев был настолько стремителен и неотразим, что гитлеровцы в панике отступили, бросив не только склад боеприпасов, но и минометы.

— Как испоганили церковь! — с возмущением заметил капитан Старостин. — Даже гадили здесь. В церкви уборную сделали. Вот варвары!

— Зато на пряжках ремней у них написано «Готт мит унс» — «Бог с нами», — отозвался Беклемишев. — Прикрываются богом, как ширмой, сволочи.

— Здорово наши дали им прикурить! Драпанули так, что о складе забыли, — осматривая штабеля ящиков, Старостин обошел вокруг церкви.

— Осторожно! — предупредил его майор. — Может, он заминирован. Пошли. Нас ждут.

Едва они отошли от церкви несколько сот метров, как над селом закружили пикирующие бомбардировщики. Фашисты не намеревались оставлять склад. Они хотели его разбомбить. Растянувшись длинной цепоч-

кой, самолеты стали по очереди пикировать на церковь. Старостин упал в канаву, Беклемишев в это время перебежал дорогу. Бомба разорвалась рядом, комбат упал. Капитан подполз к нему и спросил: «Ранен?».

— Чем-то сильно ударило под лопатку. Дышать трудно и с рукой плохо,— вымолвил Беклемишев.

— Давай снимем гимнастерку! — капитан с трудом стащил окровавленную рубашку с могучего тела комбата, распоров ее ножом вдоль спины.

— Ну что? Здорово царапнуло? Может, ничего серьезного?

— Потерпи немного. Сейчас перевяжу.— Старостин увидел под лопаткой комбата осколок. Он разорвал индивидуальный пакет и несколько раз опоясал бинтом широкую грудь майора.

— Сможешь сам дойти до медпункта?

— Руки, ноги целы, значит смогу. Да оно вроде и легче стало,— Беклемишев попробовал улыбнуться.— Нет у меня, Жора, никакого желания по госпиталям отлеживаться.

— Тогда я сам отправлю тебя в медсанбат,— решительно заявил капитан.

— Нас ведь ждут,— возразил майор.

— Я сам все объясню. Немедленно отправляйся к врачам,— настаивал начальник штаба.

— Хорошо, сдаюсь и пойду сам,— согласился майор.

Неоднократные попытки гитлеровцев разбомбить церковь не дали нужного результата, но возле нее возник большой пожар. Пламя охватило ящики с патронами. Огонь представлял большую опасность. Колоссальный взрыв мог разнести всю Злынь. Но этого не случилось. Не ожидая команды, группа воинов вооружилась лопатами, смело бросилась к церкви и ликвидировала пожар.

В этот момент из небольшого перелеска, что южнее Злыни, более двухсот фашистов под прикрытием десяти танков и огня артиллерии начали очередную контратаку. Я приказал дать по контратакующим залп из всех стволов гвардейских минометов. Минометчики майора Ивлева блестяще выполнили поставленную задачу. Расчеты сержантов Воробьева и Похожева, в которые входили коммунисты и комсомольцы Ефремов, Шевцов, Стафеев, Резник и другие, уничтожили почти всю пехоту гитлеровцев и несколько минометных ба-

тарей. Наши противотанковые орудия подбили три вражеских танка и заставили остальных повернуть назад.

Танкисты 244-й бригады и мотострелки, используя успех, ударили по центру Злыни. В этом бою особо отличился помощник начальника штаба 30-й мотострелковой бригады капитан А. Х. Ишмухаметов. С группой автоматчиков он обошел немцев с фланга и при активной поддержке танков овладел центром села.

К полудню 2 августа Злынь была очищена от фашистов полностью. Враг понес большие потери в живой силе и технике. Поредели боевые порядки и нашего корпуса. В качестве трофеев к нам попали исправные орудия, танки, много боеприпасов и снаряжения, в том числе и те, что находились в злынской церкви.

Несгибаемая воля к победе и бесстрашие уральцев-добровольцев наводили на фашистов страх и ужас. «В Орел я ехал с мыслью сделать эту последнюю победу — и домой, — говорил на допросе в штабе корпуса взятый в плен ефрейтор. — Но я увидел, как горят «тигры» и «фердинанды», как мы бежим с позиций, на которых сидели почти два года, и понял — все кончено, поток не запрудишь глиняным комом».

Он был прав, этот горе-войка. Никакие укрепления не могли остановить уральцев. Они дрались героически. Только в одном из боев комсомолец Александр Шестаков, бывший рабочий Березниковского азотнотукового завода, с помощью автомата и знаменитого златоустовского ножа уничтожил шестнадцать вражеских солдат и офицеров.

Молодой командир взвода лейтенант В. А. Марков в числе первых встретил хваленого «тигра» и расстрелял его прямой наводкой.

При форсировании реки Нугрь танковая рота старшего лейтенанта Елкина в течение десяти часов сдерживала бешеный натиск врага, четырежды сама ходила в атаки и заставила его отступить. В этом сражении экипаж коммуниста Маркова уничтожил восемь немецких пушек и до полуроты гитлеровцев. Он дважды попадал в окружение фашистов, и оба раза отважный лейтенант открывал верхний люк и забрасывал врага гранатами.

Командир орудия сержант Кипкало, бывший заместитель начальника цеха машиностроительного завода, в

бою за деревню Воскресенское под шквальным огнем противника выдвинул свой расчет на выгодную позицию и тремя снарядами уничтожил минометную батарею. Вслед за этим расчет вступил в поединок с вражеским «фердинандом» и вышел победителем. В этом расчете особо отличался наводчик Кириллов, бывший мастер Соликамского калийного комбината.

Необыкновенную находчивость проявил пулеметчик Черепанов. В одном бою он разил врага из четырех видов оружия. Огнем пулемета он прикрывал продвижение своего отделения. В разгар сражения пулемет был разбит. Черепанов, не раздумывая, схватил подвернувшуюся под руку винтовку и открыл огонь. Однако ему не повезло и на этот раз — винтовка вышла из строя. Тогда он вооружился автоматом и опять открыл огонь по врагу. Гитлеровцы были отброшены, но в этот момент у Черепанова кончились патроны. Он подхватил снайперскую винтовку раненого товарища и снова начал бить фашистов. Только после того, как затихли выстрелы, он увидел, что ранен. Отважного воина отправили в госпиталь.

При форсировании водной преграды комсомолец ст. сержант Компанеец со своим отделением в числе первых преодолел реку и ворвался в траншею гитлеровцев. Гранатами и огнем автомата он уничтожил пулеметный расчет и несколько автоматчиков. При этом в руки комсомольца попали ценные документы. Но сразу поддержать смельчаков наши не смогли, и фашисты попытались окружить их. Компанеец приказал занять круговую оборону. Отделение встретило врага дружными автоматными очередями. Однако патроны вскоре кончились. Тогда в ход пошло немецкое оружие и боеприпасы, найденные здесь же, в траншее. Храбрецы бились до подхода наших подразделений и удержали занятый рубеж.

Сообщения о героических поступках уральцев поступали в штаб корпуса из всех частей. Пермьки доносили, что комсомолец Гусев, бывший шофер из Березников, подвозил на передовую боеприпасы. В пути он попал под бомбежку. Машина загорелась. Гусева ранило. Он мог отбежать и укрыться в канаве, потому что пылающая автомашинка грозила вот-вот взорваться. Но комсомолец бросился спасать боеприпасы. Рискуюя собственной жизнью и забыв о ранении, он с большим тру-

дом потушил огонь и предотвратил взрыв боеприпасов. Фашистские стервятники посчитали, что с машиной покончено, однако через несколько часов она была уже на передовой. Ее привел раненый комсомолец Гусев.

В бою за деревню Слободка недавний прокатчик Иван Киров столкнулся с четырьмя фашистами. Трех он расстрелял в упор, а четвертого взял в плен. Немец был ошеломлен и долго не мог прийти в себя. В штабе он попросил разрешения посмотреть на того, кто пленил его. Иван Киров, сконфуженный и несколько растерянный, пришел по вызову командира.

— Вот они какие у нас. Орлы! — с гордостью произнес офицер, показывая на Ивана.

— Он мог меня застрелить, как и тех трех. Он не сделал этого. Он спас мне жизнь, — залепетал немец, и по его щекам потекли слезы.

— Кто с мечом на него идет, тот от меча сам и гибнет, — сказал командир. — А поднял руки кверху — другое дело...

При взятии хутора Вишневский командир роты старший лейтенант Рыжков своим танком смял пять дзотов и три пулемета, разбил два миномета и уничтожил более сотни вражеских солдат и офицеров. В этом сражении весь экипаж танка погиб геройской смертью. Я услышал о смерти Рыжкова в Злыни. Это известие отзывалось в моем сердце острой болью.

Я встречал его в Челябинске в период формирования корпуса. Оказалось, что мы земляки. Василий Кузьмич Рыжков был родом из Чернавского района (позже этот район вошел в состав Липецкой области, а затем был упразднен). Уже тогда он произвел на меня хорошее впечатление. Комсомолец, подтянутый. Аккуратный. Требовательный к себе и к подчиненным. Потом мне приходилось встречать его несколько раз под Болховом. Однажды мы с ним долго беседовали вдвоем, вспоминали родные места, годы юности.

— Хоть бы одним глазком посмотреть на свою деревню, — не раз повторял он.

Сделать это ему не пришлось.

Выход частей корпуса на рубеж реки Моховица создавал серьезную угрозу окружения противника, в том числе и в городе Орле. Гитлеровское командование предприняло все возможное, чтобы задержать

наше наступление. Командующий группой фашистских войск фон Клюге доносил, что «прежнее намерение нанести противнику возможно больше ударов теперь невыполнимо» и ссылался при этом на «снизившуюся боеспособность и переутомление войск». Видимо, это обстоятельство было учтено, так как гитлеровцы подтянули резервы и перешли к жесткой обороне.

В те дни в район действующей 4-й танковой армии прибыл заместитель Верховного Главнокомандующего Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Был он необыкновенно раздражен и неуравновешен. Не знаю, являлось ли это постоянной чертой его характера или было результатом того, что живая действительность несколько расходилась с заранее намеченным планом. Когда ему доложили о намерении Военного совета 4-й армии перегруппировать армию в район села Ильинского и привели при этом убедительные обоснования, Маршал категорически воспротивился.

В это время позвонили из ставки Верховного Главнокомандующего. К аппарату подошел командующий 4-й танковой армией гвардии генерал-лейтенант танковых войск В. М. Баданов. С присущей ему большой смелостью и объективностью он доложил обстановку, указав, что при значительно возросшем сопротивлении врага дальнейшее наступление 4-й армии без поддержки пехоты и других средств приведет к серьезным и неоправданным потерям. Через час из Москвы сообщили, что предложения Военного совета 4-й танковой армии принимаются. Был дан приказ о перегруппировании армии в район Ильинского. 30-я мотострелковая бригада передала свой боевой участок на реке Моховица 356-й стрелковой дивизии 11-й гвардейской армии.

Так закончился восьмидневный этап непрерывных боев нашего корпуса на северном участке Орловско-Болховского выступа. Поистине могучую боевую технику дали нам уральские танкостроители! Попав в крепкие руки добровольцев, она использовалась сполна. Не было сколько-нибудь значительного боя или операции, в которых танковые части и другие соединения корпуса не принимали бы активного участия, а их личный состав не проявлял высокого воинского умения, упорства и мужества. Уральцы смело навязывали врагу свою инициативу и решительно громили его.

С начала боевых действий было уничтожено около

1943 год. Освобождение. Болхов (под Орлом).

пяти тысяч гитлеровских солдат и офицеров, 77 орудий разных калибров, 9 самоходных артиллерийских установок, 20 минометных батарей, около двух десятков тяжелых и средних танков, 12 самолетов и много другой боевой техники, снаряжения и боеприпасов. Сотни гитлеровцев попали в плен. Из фашистского рабства было вырвано почти сорок населенных пунктов.

Это было настоящее боевое крещение уральцев на орловской земле.

По приказу командующего 4-й танковой армией в ночь с 4 на 5 августа корпус совершил 50-километровый марш и сосредоточился в районе Ильинского. Он должен был в первом эшелоне наступающих «уступом справа» войти в прорыв на участке Ильинское, Гнездилово, действовать в полосе Волосатово — Мощеное, Глово — Рябинки и выйти на станцию Шахово.

Перед фронтом корпуса стояли танковые, моторизованные и пехотные дивизии врага, некоторые из которых были переброшены сюда с других участков. Перед ними поставили задачу — любой ценой не допустить прорыва наших войск на станцию Хотынец и обеспечить отвод своих сил из Орловского выступа. Гитлеровцы имели здесь значительные противотанковые средства, бом-

бардировочную авиацию, шестиствольные минометы. Они зарылись глубоко в землю, заминировали все подходы и владели рядом господствующих высот. Большие надежды они возлагали на «тигры» и «фердинанды», на части «СС».

6 августа в четыре часа дня наша артиллерия и авиация начали обработку переднего края противника. Вслед за огневым валом пошли в наступление войска 11-й гвардейской армии. За час они продвинулись до трех километров и были остановлены. Командующий 4-й танковой армией гвардии генерал-лейтенант В. М. Баданов дал сигнал двинуть вперед корпус.

По замыслу командования головные танковые бригады в сопровождении артиллерии, войдя в прорыв, не должны были задерживаться для подавления оставшихся огневых точек и отдельных орудий противника. В их задачу входило стремительными ударами уничтожать сильные заслоны, прикрывавшие отход врага из Орла на Брянск. Подавление оставшихся огневых средств возлагалось на бригады второго эшелона.

Ночью вдруг стало известно, что противник на нашем правом фланге покинул позиции и отошел. Это звучало неправдоподобно. Я приказал срочно проверить обстановку на месте. Это взялся выполнить начальник штаба разведбатальона капитан Г. И. Старостин, смелый, находчивый разведчик, за плечами которого были бои с фашистами в Белоруссии, под Воронежем и в других местах. Незадолго до того он сменил на этом посту старшего лейтенанта С. А. Стегаря*, тоже мыслящего, умного разведчика и отважного бойца.

Перед рассветом он взял мотоцикл без коляски, на котором ездил комбат Н. П. Беклемишев, и поехал. Стоял густой туман. По проселочной дороге он ехал почти вслепую. Хорошо, что у него, как у большинства разведчиков, зрение было обостренное: фронтовая обстановка приучает их больше действовать ночью. Приехав на место, где два часа назад находился разведдозор, Старостин ничего не обнаружил.

«Что за чертовщина? Неужели проворонили немцев,—подумал офицер.—А может, разведчики ушли вслед за ними?»

Он поехал дальше, перевалил через гребень неболь-

* Сейчас С. А. Стегарь — преподаватель одного из московских вузов, кандидат исторических наук.

шой высоты и увидел впереди деревню. Въехал на улицу — ни одной живой души. Тишина. Рассветает. Минував деревню, двинулся по дороге. Впереди снова дома. Подъехал к ним, пригляделся внимательнее — возле колодца умываются фрицы, поливая из котелков воду на руки друг другу. Чуть поодаль стоит походная кухня, а возле нее очередь солдат с котелками. В одном из дворов работает движок. Вероятно, здесь расположился штаб.

«Силен, бродяга! — выругал себя капитан. — На завтрак приехал. Прямо в руки к фашистам. Сейчас угостят тебя порцией свинца. Хотя бы пару гранат прихватил, чтоб отблагодарить эту банду за горячий прием».

Гитлеровцы, увидев советского разведчика, вначале опешили. Но убедившись, что он один и за ним никто не следует, закричали: «Хальт!». Старостин не растерялся. Не теряя времени, он развернул мотоцикл и дал полный газ. Над его головой засвистели пули. К счастью, густой туман помешал гитлеровцам вести прицельный огонь и скрыл разведчика.

Капитан на полном газу вскочил в деревню, которую только что проезжал. По ней, словно очумелые, бегают гитлеровцы: спросонья не поймут, в чем дело. Но капитан-то отдает себе полный отчет в том, что происходит и в какую историю он попал. Его мысль работает четко и расчетливо. «Главное — не бросили бы поперек дороги какое-нибудь бревно. Вот о чем я думал в те секунды», — рассказывал потом Старостин.

Не сбавляя скорости, он проскочил деревню. Но фашисты решили «достать» его минами. Впереди, сбоку и сзади разведчика ударили взрывы. Он почувствовал ожог под левым коленом, но продолжал жать «на всю железку». Однако на повороте потерял управление и, вылетев из седла, закувыркался по дороге. Вражеские автоматчики увидели это и бросились к капитану.

Но не таков был Старостин, чтобы легко отдать себя в руки фашистов. Он вскочил и, преодолевая боль в ноге, подбежал к мотоциклу. У того отбиты ребра цилиндра, из бака течет бензин, заднее колесо крутится, но двигатель ревет, как сумасшедший.

А гитлеровские автоматчики все ближе и ближе. Что делать? Отстреливаться из пистолета? В нем всего одна обойма патронов и долго не продержишься. Бросить мотоцикл и уходить? Но с подбитой ногой далеко не

уйдешь, догонят. Остается один выход — опять на мотоцикл! Капитан, что было сил, рванул машину на себя, поставил ее на колеса и с места дал полный газ. Из деревни застрочил пулемет, но спасительный туман еще не рассеялся, и разведчик благополучно прибыл к своим.

Первым, кого он встретил, был командир разведвзвода лейтенант Ващук из 197-й Свердловской бригады.

— Далеко направляетесь? — спросил его Старостин.

— Да вот с группой разведчиков идем проверить, что за стрельба здесь поднялась и есть ли немцы в деревне.

Капитан объяснил, что удалось ему увидеть, а сам двинулся в свой батальон. Там он доложил Беклемишеву (несмотря на ранение, майор все-таки остался в строю) о положении на правом фланге, а потом пошел на медпункт к врачу Гривцову, ленинградцу. Тот, посмотрев на капитана, улыбнулся и спросил:

— Где это тебя так отделали? Подрался, что ли?

— Ага, — буркнул Старостин.

— С кем? — еще больше удивился Гривцов.

— Не видел. Темно было.

— Где же это тебя угораздило?

— В ресторане на Невском.

— Черт-те что плетет человек! — качнул головой врач. — Возьми зеркало, посмотри, на кого ты похож.

Гривцов быстро и старательно оказал помощь капитану, сильно разбившему при падении с мотоцикла лицо и руки. Старостин поблагодарил его, разулся и попросил перевязать ногу.

— Что с ней? — спросил Гривцов.

— Не знаю! Посмотри под коленкой.

— Осколок. Вот чудак-человек! Сказал бы сразу, а то выдумывает — ресторан на Невском, подрался...

После перевязки Старостин зашел к комбату. Беклемишев уже доложил в штаб корпуса, что немцы и не думали отходить на правом фланге. Известие оказалось ложным.

Умело организованные действия 4-й танковой армии, в первом эшелоне которой шел Уральский корпус, и успешное продвижение вперед подтвердили правильность решения Военного совета об изменении направления удара. Сокрушая отборные гитлеровские части, уральцы освобождали деревню за деревней. История кор-

В. Г. Гуляев, член Военного совета 4-й танковой армии. 1943 год.

пуса пополнилась новыми яркими фактами воинской отваги и бесстрашия.

Рота автоматчиков под командованием лейтенанта Расторгуева, посаженная на танки в качестве десанта, первой ворвалась в боевые порядки врага и развернула решительные действия. В результате были уничтожены расчеты трех противотанковых пушек, одного миномета, два взвода пехоты и взято в плен 36 солдат.

Действовавшая на правом фланге корпуса Свердловская танковая бригада вступила у деревни Волосатово в ожесточенный поединок с фашистской артиллерией и сломила сопротивление врага. Первым на улицы Волосатово ворвался танк лейтенанта Зинченко. Несколькими выстрелами он подавил две противотанковые пушки и разогнал большую группу фашистов.

Гитлеровцы открыли по машине Зинченко огонь с близкой дистанции. Один снаряд попал в танк. Механик-водитель Резниченко был ранен, убиты радист Шор и башенный стрелок Бадяев. Заклинило пушку. После минутного замешательства лейтенант спросил механика: «Сможешь вести вперед?».

— Есть, полный вперед! — прокричал Резниченко и

еще крепче сжал рычаги управления. Командир танка припал к пулеметам и ударил по убегающим фашистам. Десятки вражеских солдат и офицеров нашли себе могилу от меткого огня лейтенанта.

Пермская и Челябинская танковые бригады в тесном взаимодействии с мотострелками 30-й бригады ударили по фашистам с флангов и к концу 7-го августа освободили населенные пункты Катаево, Булгаково, Адросово, Коськово, Красный Ягодник и ряд других. Все попытки врага любой ценой не допустить перехвата дороги Орел — Брянск разбивались о неприступную стойкость добровольцев.

С рассветом 8 августа корпус возобновил наступление. После короткого, но мощного артиллерийского налета танки атаковали деревню Сорокино и к 11 часам дня вышибли из нее врага. К ночи были освобождены деревни Большие и Красные Рябинки и некоторые другие. Перед нашими воинами открылась дорога на станцию Шахово. Разведкой шел танк лейтенанта Зинченко. По нему ударило противотанковое орудие врага. Танк прибавил скорость и, раздавив его, развернул пушку на дзоты. К прицелу припал командир. Несколько снайдерских выстрелов, и три дзота взлетели в воздух.

Гитлеровцы вновь открыли огонь. Снаряд пробил бортовую броню. В машине вспыхнул пожар. Не мешкая, водитель отвел танк в ближайший овраг. Более получаса экипаж сбивал пламя, потом, устранив повреждения, опять ринулся в бой.

И тут разведчики увидели, как из оврага, примерно в километре от них, вытягивается длинная колонна медленно шагающих людей — женщин, детей, стариков. Рядом с винтовками наперевес шли конвоиры.

— Это же наших угоняют! — закричал Зинченко, хватаясь рукой за подъемный механизм пушки. Лейтенант прицелился и дал несколько предупредительных выстрелов. Снаряды разорвались впереди колонны. Конвоиры, заметив советский танк, бросились врассыпную. Женщины, дети, старики побежали обратно в овраг.

— Полный вперед! — скомандовал лейтенант.

Около пяти тысяч мирных советских людей были спасены от истребления.

Рано утром 9 августа станция была взята. Через некоторое время на командном пункте нашего корпуса состоялась встреча двух командующих — 4-й танковой

армией гвардии генерал-лейтенанта В. М. Баданова и 3-й армией Брянского фронта гвардии генерал-лейтенанта А. В. Горбатова. Это были волнующие, долгожданные минуты.

Несколько позже у меня была радостная встреча с генерал-майором М. В. Ивашекиным, начальником штаба 3-й армии. Мы были с ним сослуживцами по Орловским пулеметным курсам 1919 года и вместе громили под Ельцом банду Мамонтова.

Оперативная сводка Совинформбюро в те дни сообщала: «Западнее Орла наши войска, продолжая продвигаться вперед, заняли железнодорожную станцию Шахово (34 км западнее Орла) и ряд населенных пунктов. В боях на этом участке противник несет тяжелые потери в живой силе и технике, о чем свидетельствуют следующие факты: в районе железнодорожной станции Шахово, только в одном населенном пункте нашими частями обнаружены десятки немецких танков, подбитых в последних боях огнем советской артиллерии. Захваченные на этом участке в плен солдаты и офицеры противника сообщили, что их 253-я пехотная дивизия в боях за последние три дня потеряла до половины своего личного состава».

В тот же день после полудня корпус повел наступление в направлении Смородино — Садки — Челищево — Прилепы с целью перерезать шоссейную дорогу Брянск — Орел, последнюю коммуникацию врага, по которой он еще мог уходить на запад. Нам предстояло выйти на рубеж реки Лубна, форсировать ее и преследовать противника в юго-западном направлении. Лубна — река не широкая, но с очень топкими берегами. Батальон мотострелковой бригады, пройдя деревню Челищево, остановился перед ней — переправа была разрушена. Воины принялись ее восстанавливать и работали не покладая рук целую ночь. К утру 10 августа были уложены последние жерди.

В это время немцы открыли автоматнo-пулеметный, а затем артиллерийский огонь и перешли в контратаку. Завязался тяжелый бой. Неожиданный удар врага застал наших стрелков в очень невыгодном положении, однако они не дрогнули. Стоя по колено в воде, они встретили фашистов гранатами и дружным огнем автоматов и пулеметов.

Гитлеровцы, потеряв много убитых, откатились на

исходный рубеж и обрушили на уральцев град снарядов и мин. Река окрасилась нашей кровью. Был тяжело ранен командир и убит начальник штаба батальона. В ту же минуту командование батальоном принял на себя командир Ревдинской артиллерийской батареи старший лейтенант Байбаков. Благодаря железной выдержке, храбрости и твердой воле Байбакова замешательство, вызванное внезапностью удара и потерей сразу двух ведущих командиров, было ликвидировано. Опираясь на таких же храбрых и отважных воинов — старших лейтенантов Медиакрицкого, Акмульдиева и других, он умело организовал оборону и взаимопомощь воинов. Уральцы не отступили ни на шаг.

Однако в ходе боя, длившегося уже несколько часов, начали накапливаться раненые. Врач, старший лейтенант Щербаков, находившийся вместе с бойцами в воде, попросил на случай отхода выделить солдат для выноса раненых.

— Никакого отхода не будет! Умрем, но пушки, врученные нам уральскими рабочими, не оставим, — ответил Байбаков. — Раненых эвакуируем с наступлением темноты.

Врач и сам видел, что до наступления темноты раненых отправлять нельзя: впереди путь по реке отрезан огнем врага, позади — возвышенность, на которую не сразу взберешься. И он согласился.

Даже в жаркий полдень холодна вода в Лубне! Раненых колотила дрожь. Санитары, переходя от одного к другому, старались как могли облегчить участь людей. В эти трудные часы особенно находчиво действовал санитар Васин, электросварщик по профессии. Под обстрелом врага он хладнокровно перевязывал выбывших из строя, устраивал в береговом откосе ниши, в которых тяжело раненные могли лежать, находясь в воде только наполовину. А сражение не утихало.

Наконец пришла долгожданная ночь. Байбаков принял смелое и дерзкое решение — раненых выносить не назад, откуда утром пришел батальон, а вперед по речке и затем ложиной до ближайшей деревни. Этого гитлеровцы не ожидали. А когда поняли, в чем дело, было уже поздно: подошли остальные подразделения. Почти все раненые были спасены.

Мотострелки повели наступление на деревню Прилепы, но вынуждены были закопаться в землю — дви-

жению мешал сильный минометно-артиллерийский огонь. Им на выручку пришли танкисты 243-й бригады, усиленные артиллерией. Упорство фашистов было сломлено. Враг оставил на поле боя свыше 250 трупов солдат.

Здесь был тяжело ранен командир 243-й танковой бригады подполковник Приходько, чудесный товарищ и замечательный организатор танкового боя, коммунист, обаятельный человек. Он стоял во главе Пермской бригады с первых дней ее формирования и вложил немало труда в боевую выучку воинов. Вражеский осколок попал ему в голову. После перевязки Приходько приказал везти его не в медсанбат, а на корпусной командный пункт, чтобы лично доложить о выполнении поставленной задачи и просить разрешения остаться в бригаде. С ним прибыл врач, у которого я и спросил о серьезности ранения.

— Об оставлении его в бригаде нечего и думать. Ранение чрезвычайно серьезное,— был ответ, который слышал и подполковник. Приходько долго не мог согласиться с таким категорическим заключением врача.

Преследуя отступающего противника, части корпуса к вечеру 11 августа вышли на рубеж Вербник — Яхонтово — Семеновка Шаблыкинского района, граничащего с Брянской областью. Здесь на мой командный пункт пришла делегация колхозников и вручила письмо, под которым стояло около тридцати подписей.

«Мы, колхозники,— говорилось в письме,— колхозов «Прогресс», «Красный борец», «Новая жизнь», «Победитель», «Пограничный» Семеновского сельсовета Шаблыкинского района Орловской области, от всего сердца благодарим вас, воинов нашей родной Советской Армии, за освобождение нас от гнета фашистов. Два года мы переносили ужасы фашистского «нового порядка». Два года свирепый враг грабил и разорял наши колхозные села, забирал хлеб, увозил в рабство наших людей. Много мы перетерпели, но не теряли надежду и ждали желанного часа освобождения. И мы не ошиблись. Это время настало. Спасибо вам, наши дорогие воины! Мы своими глазами видели, как воины-уральцы вышибали извергов из наших сел и деревень.

Отступая, фашисты хотели угнать нас на запад, в проклятую Германию. Ваши воины, Георгий Семенович, отбили нас от Гитлера. Мы вернулись в свои села и

деревни. Ужас охватил нас, когда мы увидели вместо родного дома груды развалин и пепелища. Все сжег проклятый немец. Но мы не пали духом. Теперь мы опять свободные граждане своей Советской страны! Трудно нам, но мы, русские люди, не боимся трудностей. Все мы сделаем сами! Лес у нас уже нарублен, посевы убрали. Нет у нас только транспорта для вывозки леса, чтобы построить пока временные землянки и подремонтировать уцелевшие хаты. Но не только об этом думаем мы сейчас. Наши мысли, наши помыслы, все наши желания с вами, наши дорогие воины...»

Далее мои земляки-орловцы высказали желание организовать в селе Семеновка госпиталь, в котором проходили бы лечение добровольцы корпуса, и брали на себя обязанность обеспечить его всем необходимым. Это волнующее письмо читалось во всех частях нашего соединения. Госпиталь был открыт и вернул в строй десятки бойцов.

12 августа танкисты 244-й бригады в тесном взаимодействии с мотострелками и артиллерией корпуса после тяжелых боев овладели деревнями Кривошеево, Дадейное, Перьково, Меловой Ключ. К пяти часам вечера уральцы завязали бой за деревню Артюхи. В этом районе гитлеровцы создали сильные узлы сопротивления, густо напичканные пехотой, артиллерией, шестиствольными минометами, танками. Но геройского натиска уральцев никому не дано было сдержать. Только 12 августа наши танкисты уничтожили до полутысячи солдат и офицеров противника, четыре артиллерийских батареи, шесть противотанковых орудий, танки, пулеметы, минометы, автомашины и другую технику и предотвратили гибель более тысячи мирных граждан, главным образом детей, женщин и стариков, которых гитлеровцы готовы были расстрелять.

Через несколько дней мы вышли в резерв. Непродолжительный отдых — и снова в сражения.

* * *

Для участия в боях за Брянск была выделена Свердловская танковая бригада, доукомплектованная за счет Челябинской и Пермской бригад. Она действовала в составе 63-й армии, которая должна была прорвать сильно укрепленную линию сопротивления врага и перерезать еще одну железную дорогу Львов — Брянск.

Успешные бои за Брасово и Локоть, где отличились танкисты батальона майора Аверина, взводы лейтенантов Маркова, Зинченко и других способствовали выполнению задачи. Уже 7 сентября Свердловская танковая бригада вышла к знаменитым Брянским лесам, где ее радостно встретили партизаны. Они выделили своих лучших проводников, и танкисты пошли дальше.

17 сентября 1943 года приказом Верховного Главнокомандующего уральцам была объявлена благодарность за отличные боевые действия при освобождении Брянска и Бежицы. Отмечалось, что Брянск отвоеван в результате умело проведенного обходного маневра по труднодоступной лесисто-болотистой местности. Эта высокая оценка вдохновляла наших воинов на новые ратные подвиги.

Вскоре по приказу командующего Брянским фронтом была создана конно-механизированная ударная группа под командованием генерал-лейтенанта Казакова. В нее наряду с частями других соединений вошла 30-я мотострелковая бригада нашего корпуса. Перед группой ставилась задача внезапным ударом перерезать коммуникации противника по линии Брянск — Почеп, Унеча — Клинцы, Новозыбков — Гомель и содействовать основным силам фронта в ликвидации вражеской группировки.

Совершив ночной 45-километровый марш по проселочным дорогам, наши мотострелки к полудню 22 сентября достигли деревни Писаревка. Здесь враг построил свой узел сопротивления в виде подковы, надеясь, что в этот «мешок» попадут наши наступающие войска. Однако этот замысел был разгадан. Сковав противника частью своих сил в центре подковы, бригада ударила по флангу, овладела Писаревкой и подошла к Воробьевке. Рота автоматчиков старшего лейтенанта Пурвинского, наступавшая как десант (на броне танков) попала под сильный артиллерийский обстрел. Начали выходить из строя машины, но автоматчики продолжали атаку и ворвались на окраину деревни.

Разгорелся ожесточенный бой. Увидев, что автоматчики остались без танков (танки пошли в обход с целью нанести внезапный фланговый удар), гитлеровцы обрушили на них серию яростных контратак. Пять раз вражеские солдаты, подгоняемые офицерами, лезли напролом, и пять раз отбрасывались метким огнем наших

воинов. А в это время танковая рота старшего лейтенанта Дормидонова, обойдя врага, нанесла ему сокрушительный удар.

Храбро дрались разведчики капитана Мокрушина. На полной скорости своих бронемашин они ворвались к фашистам, перестреляли их не один десяток, взяли живым офицера и засекли огневые точки. По их данным артиллеристы капитана Худякова и минометчики старшего лейтенанта Акишева нанесли противнику большой урон.

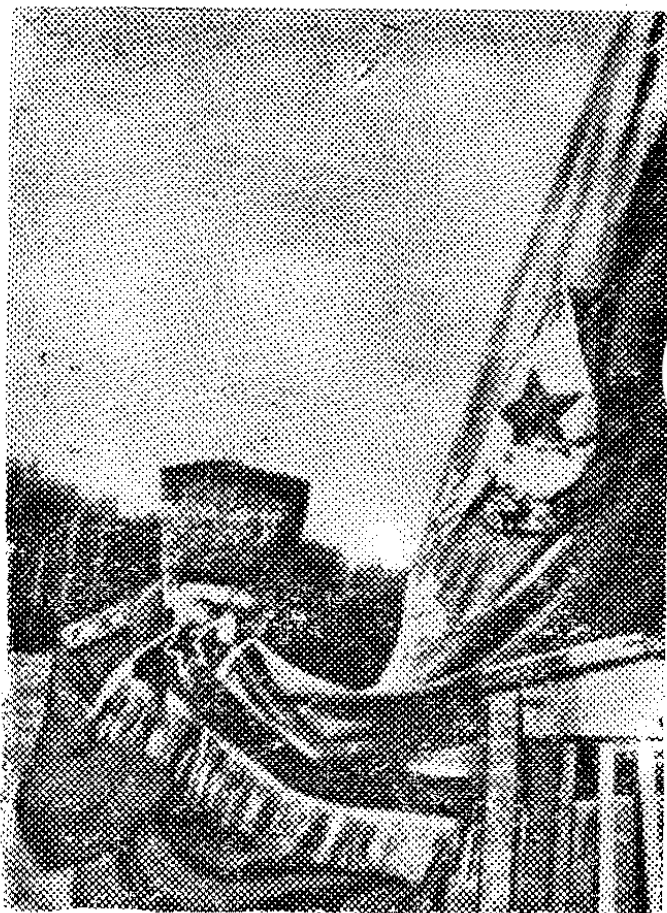
Между тем Мокрушин со своими разведчиками более чем за сутки до полного освобождения Унечи пробрался в центр города, с помощью местных жителей успешно вел разведку и передавал ценные данные своему командованию. Затем вместе с саперами старшего лейтенанта Кирсанова разведчики уничтожили охрану моста через реку, не дали взорвать его и разминировали подступы к нему. В город ворвались танки с десантом уральских мотострелков. К вечеру 23 сентября 1943 года над городом Унеча снова реял красный флаг.

В ознаменование одержанной победы соединениям, отличившимся в боях за Унечу, было присвоено наименование «Унечских». Мотострелковая бригада нашего корпуса стала называться «29-я Унечская». Более двухсот человек были награждены орденами и медалями Советского Союза. 1 октября эта бригада в соответствии с приказом командования вернулась в состав корпуса.

Родина высоко оценила ратные подвиги уральцев. За мужество, отвагу и воинское мастерство, проявленные в боях с фашистами на Орловско-Брянском направлении, около двух тысяч солдат, сержантов и офицеров нашего корпуса были награждены орденами и медалями Советского Союза. А 23 октября было опубликовано сообщение о присвоении корпусу почетного звания «Гвардейский». Он стал называться «10-й гвардейский Уральский добровольческий танковый корпус».

18 ноября 1943 года — дата, которую каждый воин нашего корпуса запомнил на всю жизнь. В этот день состоялось вручение Гвардейского Красного Знамени. На большой поляне притихшего Брянского леса выстроились все уральцы-добровольцы. Перед строем появляются командующий 4-й танковой армией генерал-лейтенант В. М. Баданов и член Военного совета той же

Г. С. Родин принимает
гвардейское знамя. 1943
год. Брянск.

армии генерал-майор В. Г. Гуляев. За ними со знаменем в руках следует капитан Голиков и ассистенты. Звучит команда «Смирно!»

Генерал-лейтенант В. М. Баданов поздравляет личный состав корпуса, выражает уверенность, что добровольцы будут умножать славу советской гвардии и уральского оружия, и вручает командиру корпуса Красное знамя. В торжественной тишине стройные ряды гвардейцев опускаются на одно колено. Затем гремит мощное «Ура!», звучит «Интернационал», принимается клятва гвардейцев. Радостные, волнующие минуты!

На этом митинге присутствовала делегация трудящихся Свердловской области во главе с работником обкома партии Л. Г. Сулимовым, который в своем выступлении заверил, что трудящиеся Урала не пожалеют своих сил для того, чтобы обеспечить корпус первоклассной техникой и оружием. Воины корпуса с радостью узнали также о том, что по решению Свердловского обкома партии и облисполкома в связи с присвоением корпусу гвардейского звания учреждены два переходящих Красных знамени для вручения победителям социалистического соревнования — коллек-

тивам промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Такие же знамена были учреждены в Челябинской и Пермской областях.

Находясь в резерве, бойцы и командиры корпуса развернули активную работу по повышению своего воинского мастерства.

Началась упорная и настойчивая подготовка к новым боям.

27 октября, т. е. накануне праздника 7-го ноября, мы проводили крупные учения с боевой стрельбой. Победы Советской Армии на фронтах, приближение знаменательной даты Октябрьской революции, успехи нашего корпуса в боях с немецко-фашистскими захватчиками — все это радовало бойцов и командиров, воодушевляло на новые героические дела. На учениях они действовали слаженно, расчетливо, с учетом приобретенного в боях опыта и заслужили высокую оценку.

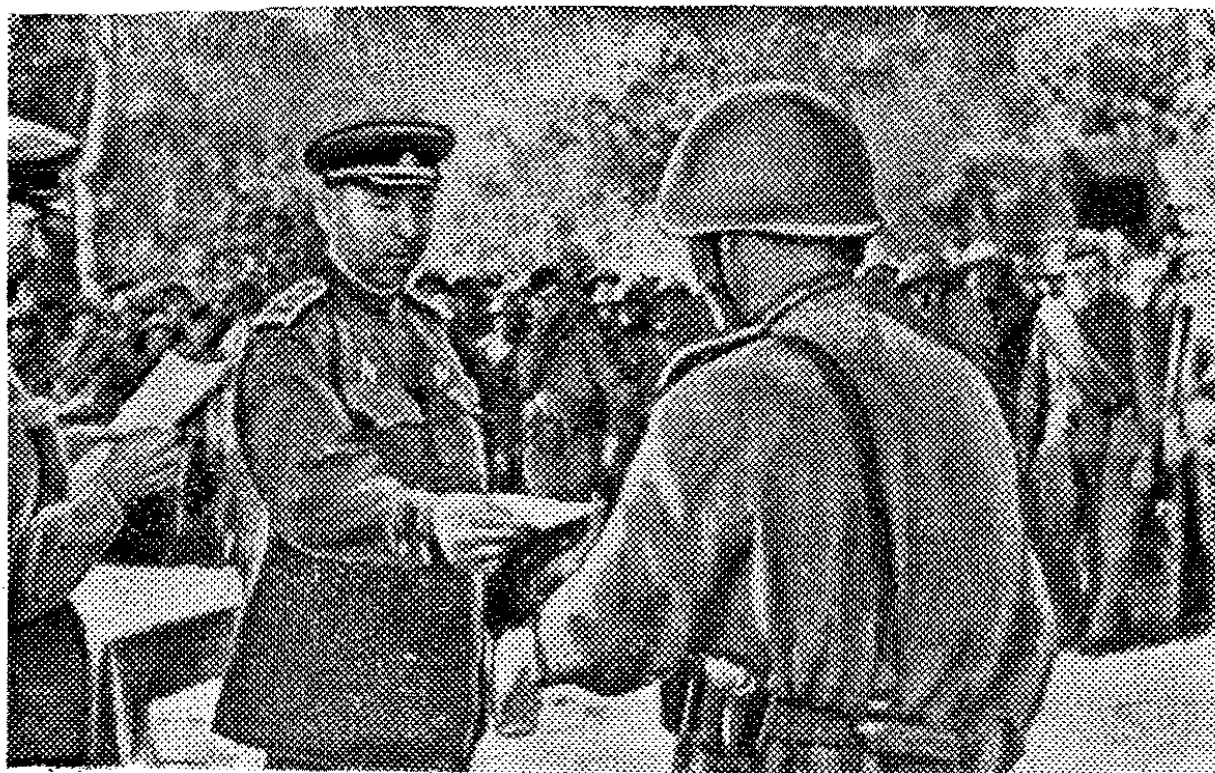
После разбора итогов этих занятий мы поехали в расположение частей корпуса — в Белые Берега, что в километрах в пятнадцати восточнее Брянска. Наша издававшая виды «Эмка» бодро бежала по дороге, местами исковерканной взрывами снарядов и бомб. На заднем сиденье расположился начальник оперативного отдела штаба корпуса подполковник Л. А. Барынин — высококвалифицированный штабной работник и обаятельный, душевно щедрый человек, пользовавшийся у личного состава большим авторитетом.

За рулем сидел старший сержант М. А. Блюмберг — немногословный, сосредоточенный, водитель первого класса, имевший профессиональную привычку хорошо запоминать маршруты движения. По дорогам войны с фашистами этот бесстрашный шофер прошел тот же самый путь, что и я. В сентябре 1941 года, когда мы дрались с гитлеровцами на Полтавщине в районе Кобыляки, М. А. Блюмберг спас мне жизнь, подобрав меня тяжело раненого и оттащив в безопасное место. Здесь под Брянском ему суждено было повторить свой подвиг.

— Теперь Гитлер опять будет шуметь, что германская армия «выравнивает» линию фронта, — заметил Л. А. Барынин. — Наловчились, подлецы, брехать!

— Теперь это «выравнивание» будет до самого Берлина, — отозвался М. А. Блюмберг. — До полного разгрома фашистов. Орел им запомнится надолго!

— Любопытно, — подчеркнул Л. А. Барынин, — что

Вручение наград. 1943 год. Орел.

окончательный разгром захватчиков всегда начинался под Орлом. Деникина погнали из-под Орла, Дмитрий Пожарский воевал с врагами под Орлом...

Неожиданно раздался сильнейший взрыв. Я почувствовал, что падаю в бездонную пропасть и потерял сознание. Когда очнулся, увидел перевернутую и горящую машину и группу солдат вокруг нее. Рядом был М. А. Блюмберг. Он оказывал мне первую помощь.

Как потом выяснилось, наша «эмка» подорвалась на противотанковой mine. Подполковник Л. А. Барынин был убит сразу. Меня и водителя взрывной волной выбросило из машины. М. А. Блюмберг первым пришел в сознание и бросился мне на помощь. Не будь его, вряд ли я остался бы жив, так как взрыв бензобака, под который попал Л. А. Барынин, уничтожил бы и меня. 20 ноября я был отправлен в московский госпиталь, а после выздоровления вернулся в корпус.

Наши связи с Уралом крепили из месяца в месяц. В целях планомерной работы по осуществлению этих связей была создана постоянно действующая комиссия из 18 человек во главе с начальником политотдела корпуса.

Комиссия развернула большую организаторскую работу. Воины корпуса регулярно информировались о трудовых победах уральцев. На Урал систематически сообщалось о том, как добровольцы выполняют наказ

и свою клятву, устно и печатно пропагандировались доблесть и героизм личного состава, посылались воинские делегации на Урал, принимались гости, велась переписка с предприятиями и общественными организациями Урала.

Наряду с этим во всех без исключения частях и подразделениях прошли детальные разборы проведенных боев, где отмечались не только успехи, а и скрупулезно разбирались недостатки, ошибки, упущения. Особо тщательно рассматривалась работа штабов, в том числе и корпусного, начальником которого был полковник Еремеев. Всесторонний анализ выявлял недоработки исполнителей, способствовал повышенной ответственности людей за выполнение порученного дела.

Оперативный отдел штаба, возглавляемый подполковником Барыниным, в период боевых действий работал круглосуточно. Все работники штаба четко выполняли приказы, осуществляли постоянный контроль за боевой деятельностью бригад и частей корпуса. Когда прерывалась связь с передовой, Барынин, Алексеев и другие офицеры лично выезжали в боевые порядки и на месте устанавливали истину. Так было, например, в районе Борилово, Злынь, Сорокино и в других местах.

Связь — нервы армии. А чтобы иметь здоровую, т. е. крепкую армию, надо иметь прежде всего крепкие нервы. Это железное правило начальник связи нашего корпуса подполковник, а затем полковник В. Д. Фокин, бесстрашный офицер, коммунист, проводил в жизнь с удивительной настойчивостью и упорством. Не зная усталости, он готовил своих связистов к выполнению боевых задач, был до придирчивости пунктуален и точен. Характерно, что молодых связистов он брал непременно под свою опеку и терпеливо учил их. Будучи секретарем парторганизации штаба корпуса, В. Д. Фокин вел большую политико-воспитательную работу. Его у нас любили, к его советам прислушивались. Он как парторг был «доступен» и офицеру, и каждому солдату. В. Д. Фокин участвовал во многих боях, был дважды тяжело ранен.

Ежедневно наши саперы под руководством корпусного инженер-подполковника Гершгорина извлекали тысячи вражеских фугасок, но предупредить наши потери могли не всегда. Танковый экипаж под командованием лейтенанта Оводенко подорвался на mine возле опера-

тивного отдела штаба. По этой дороге две недели ходили легковые и грузовые машины — и ничего, но стоило двинуться танку, и мина сработала. Правда, экипаж отделался контузией. Лейтенант Оводенко, сидевший на правом крыле машины, был отброшен взрывной волной, однако повреждений не получил.

Корпусной инженер Гершгорин часто повторял: «Сапер ошибается только раз в жизни». Инженер имел богатый опыт и не уставая передавал его своим подчиненным. При форсировании водных преград он находился на самых опасных участках, вместе с саперами отыскивал броды и умело руководил работами по наведению переправ.

Это он со своими подчиненными в ночь с 29 на 30-е июля 1943 года взорвал плотину через реку Нугрь в районе Борилово. Уровень воды не позволял нашим танкам перейти реку вброд, а навести мостовую или понтонную переправу под сильным и непрерывным огнем противника было невозможно. Операция была выполнена классически — на глазах у растерявшегося и опешившего врага.

В корпусе инженер Гершгорин проделал очень большую, весьма нужную и сложную работу. Его умные, расчетливые наставления помогали не только саперам, но и разведчикам, танкистам, артиллеристам. Некоторые за глаза называли его «Наш Карбышев».

— О! Карбышев прибыл! Дело будет. Сейчас что-нибудь да придумает, — говорили о нем в корпусе.

Инженер Гершгорин пользовался большим авторитетом, как высокообразованный и эрудированный специалист, чуткий и внимательный к людям, готовый пожертвовать собой во имя нашей победы над врагом.

Воинов, подобных Гершгорину, смелых, мужественных, беспрдельно влюбленных в свое дело, в нашем корпусе было немало.

Воевали, например, у нас два родных брата-близнеца по фамилии Соколовы. Их возраст на двоих составлял более ста лет. Один из них имел звание полковника и командовал артиллерией корпуса. Второй ходил в звании сержанта и состоял на скромной и незаметной должности ординарца у Соколова — старшего по званию.

В бою братья никогда не разлучались и всегда ходили и ездили вместе. Они как-то по-своему любили

и уважали друг друга. Во время исполнения служебных обязанностей, особенно на глазах у воинов корпуса, сержант Соколов никогда не допускал вольностей и обращался к брату строго по Уставу. Со стороны никто даже не подозревал, что это родные братья, потому что между ними все было строго официально и так, как положено в армии. Но стоило братьям оказаться в своей землянке или палатке, и чины, звания улетучивались, как дым в ветреную погоду. Братья называли друг друга по именам. Однако здесь была своя субординация. Только уже в землянке старшим становился сержант, а полковник вынужден был подчиняться ему, так как все хозяйственные дела лежали на плечах Соколова, младшего по званию.

Иногда вечерами между ними возникала своеобразная перебранка.

— Давай быстрее ужинать. Я голоден, как волк,— просил полковник.

— Успеете, ваше величество. Потерпите немного. Еще не готово.

— Ты что, черт возьми, смеяться надо мной?! Давай, говорю все на стол выкладывай!

— Так я тебя и послушал. Мы же не в строю? Здесь я хозяин, и ты должен беспрекословно подчиняться мне. К тому же я старше тебя по возрасту.

— Как это старше?

— Уже забыл? — продолжал сержант. — Наша покойная мамаша всегда говорила, что я родился на полчаса раньше тебя.

Оба Соколовы очень любили песни, особенно «Калинушку», и пели их так, что заслушаешься.

Сержант ночами спал редко. Он больше дежурил около телефона. Когда раздавался звонок командира корпуса, он сразу объявлял тревогу и ставил на ноги своего брата.

В бою полковник Соколов всегда находился в гуще событий. Корпусную артиллерию он крепко держал в своих руках. Когда наши танки и мотострелки повели наступление на Злынь, гитлеровцы предприняли сильную контратаку. Момент был критический. Но именно тогда и появился с дивизионом «катюш» полковник Соколов. Залпы гвардейских минометов накрыли вражескую пехоту. Бросая убитых и раненых, фашисты в панике бросились назад. Контратака захлебнулась.

— Так их, сукиных сынов! В могилу им и дорога! — приговаривал Соколов, отдавая команды.

Много полезного для славы нашего корпуса свершил полковник Соколов. И рядом с ним мы всегда видели его родного брата, неунывающего, балагура, четко и аккуратно выполняющего свои скромные обязанности.

Главным корпусным врачом у нас работал подполковник Семиколенных, подвижный, хлопотливый, постоянно занятый своими неотложными делами. Под его руководством трудились замечательные хирурги Воронцов, Абрамов, врачи Щербаков, Шишканов и другие. В корпусном медико-санитарном батальоне все медики были добровольцы.

Работа врача в бою — это очень тяжелый и напряженный труд. Не ошибусь, если скажу, что этот труд намного тяжелее, чем рукопашный бой с врагом. Здесь требуются железные нервы, отличные знания, физическая закалка и выносливость, опыт и расторопность. Попробуй-ка сутками стоять у операционного стола со скальпелем в руках, без сна и отдыха, под взрывами вражеских бомб и снарядов. Это не каждому под силу.

Когда наши врачи боролись за жизнь раненых воинов, они меньше всего думали о себе. А ведь вражеские бомбы, мины и снаряды в одинаковой степени действовали на каждого из них. Они тоже не были застрахованы от смерти и не считали себя неуязвимыми. Но высокое сознание своего долга помогало им с честью выходить из самых тяжелых испытаний. Не было случая, чтобы наши медицинские работники в момент бомбардировки оставили раненого и ушли в укрытие. Рискуя собой, они спасали жизнь бойцов.

Надо было видеть, как умело руководил работой своих подчиненных подполковник Семиколенных, чтобы понять, что труд врача в бою — это настоящий подвиг. Его можно было встретить не только в медсанбате, но и на переднем крае. Он успевал везде и всюду, и в каждом месте находил для себя неотложную работу.

Когда развернулись тяжелые, кровопролитные бои за село Борилово, медсанбат был подтянут ближе к нашим боевым порядкам с тем расчетом, чтобы как можно быстрее оказывать помощь раненым и эвакуировать их из опасной зоны. Хирургическое отделение расположилось в сарае поодаль стоявшей и почти выжженной деревеньки. По окраине ее проходил овраг, в

котором располагались огневые позиции наших минометчиков. Все вокруг находилось под обстрелом. Горела, казалось, сама земля. А хирурги, как ни в чем не бывало, продолжали работать в сарае, возле которого на соломе лежало около сотни раненых добровольцев. Группа санитаров на носилках выносила с поля боя раненых. Тяжелораненых сразу же на автобусах отправляли в тыл, а легкораненых размещали в овраге и укрытиях. Некоторые из них, несмотря на протесты врача, после оказания первой помощи прямо с бинтами на руке или голове уходили опять в свою часть, чтобы вместе с товарищами бить ненавистного врага.

Зачастую, спасая жизнь воинов, медики сами получали ранения, а то и отдавали свою жизнь. Так, в тяжелых боях за город Карачев при оказании медицинской помощи раненому был убит санинструктор комсомолец Юрий Стынин. С третьего курса Пермского медицинского института он добровольно вступил в корпус и всегда был на переднем крае. Его мать Вера Петровна проживает в Перми и свято хранит память о своем сыне. Память о бывшем студенте хранит также коллектив Пермского медицинского института, где в комнате боевой славы есть письма Юрия с фронта, копия извещения о его гибели, фотографии.

Добрая молва шла о враче Ольге Батуевой. После окончания Пермского медицинститута она работала хирургом в одном из районов области, а затем была переведена в качестве ординатора в хирургическую клинику профессора Парина. В 1943 году, узнав о формировании корпуса, она дважды подавала заявления в военкомат с просьбой о зачислении ее в ряды добровольцев, но ей отказывали. В третий раз Батуевой все же удалось убедить работников военкомата и своего профессора. Она была назначена хирургом медсанбата. Ее оружием стали скальпель и пинцет *.

* В одном из боев за Берлин фашистские стервятники налетели на медсанбат. Ольга Батуева в это время оперировала тяжелораненого бойца. Когда бомба попала в операционную, она прикрыла собой бойца, спасла его, но сама получила тяжелейшее ранение позвоночника. Одним самолетом оперированный ею раненый и сама Батуева были доставлены в Москву. Два года Ольга лечилась, а с 1947 года в течение трех лет, будучи парализованной, жила у своей сестры Нины Николаевны, тоже врача, в Перми. Ее часто навещали пионеры, комсомольцы, воины Советской Армии, с которыми она охотно делилась воспоминаниями о боевых делах медиков в годы войны.

Но если врач — фигура известная, то корпусной топограф — должность почти незаметная. Многие о ее существовании даже не догадывались. А между тем корпусной топограф тоже вносил свой немалый вклад в общее дело победы над врагом. Он постоянно обеспечивал командиров нужными картами.

На вид топографическая карта — не что иное, как разукрашенный разными цветами лист бумаги. А на самом деле этот лист является исключительно важным документом. Без карты не может обойтись ни один командир.

В нашем корпусе должность топографа занимал инженер-капитан А. А. Шапкин*. У него всегда можно было получить карты нужного района. К своей работе Шапкин относился серьезно и добросовестно. Очень часто в бою он оказывал неоценимую помощь «оперативникам», составляя и оформляя графические документы. Он обладал хорошим глазомером, имел твердую руку художника-графика. Был он сдержан, несколько замкнут, очень серьезен, и товарищи подчас подшучивали над ним.

Однажды наш топограф собрался ехать в штаб армии. К нему подошел один из работников штаба корпуса младший лейтенант Головешкин, боевой офицер, бывший моряк, никогда не унывавший в любых, самых тяжелых условиях боевой обстановки, большой весельчак.

— Товарищ капитан, вы в штаб армии едете? — спросил Головешкин.

— Да! А что такое?

— Будьте добры, передайте от меня лично большой привет командующему армией генералу Баданову.

— Вы с ним знакомы?

— Ну как же! Мы с ним старые друзья. До войны по соседству жили, друг к другу в гости ходили.

— Хорошо! — согласился А. А. Шапкин. — Время будет, передам.

— Очень вам благодарен!

В штабе армии капитан, покончив со всеми делами, решил выполнить просьбу Головешкина. Зайдя к В. М. Баданову, капитан представился, как начальник

* А. А. Шапкин в звании полковника вышел в отставку и живет в гор. Свердловске.

топослужбы Уральского добровольческого танкового корпуса. Командующий поднялся из-за стола.

— Очень хорошо,— сказал он.— Слушаю вас.

— Вам привет, товарищ генерал,— желая обрадовать, бодро отчеканил А. А. Шапкин. В. М. Баданов удивленно посмотрел на капитана и пальцами покрутил свои пышные усы.

— От кого привет?

— От Головешкина, товарищ генерал.

— От какого Головешкина?..

Из кабинета командующего А. А. Шапкин вылетел, как ошпаренный и только к вечеру вернулся в штаб корпуса. Впоследствии эта история, вызывавшая веселый смех, рассказывалась в частях корпуса.

Нечто подобное произошло с заместителем командира разведбата старшим лейтенантом Гончаровым. Вечером он ввалился в землянку своего комбата Беклемишева, будучи навеселе.

— Где же ты выпил, Никита? — спросил комбат.

— Тю, юринда! — процедил Гончаров.

— Как это ерунда? Тебя спрашивают, отвечай,— настаивал Беклемишев.

— Да вот, понимаете,— начал старший лейтенант,— иду я по лесу, а навстречу командир корпуса генерал Родин. Остановился и говорит: «О! Никита Иванович! Здорово, дружище! Сколько лет, сколько зим! Почему ко мне не заходишь?» Я говорю: «Неудобно, товарищ генерал». — «Ерунда! — отвечает он.— Пойдем ко мне и выпьем по случаю встречи». Я — ни в какую. А генерал знай меня тянет, чуть рукав не оторвал. «Ну, говорю, раз так — пошли!»

Приходим, он сразу усадил меня за стол и спрашивает: «Ты, Никита Иванович, какое уважаешь, белое или красное?» Я говорю: «Юринда! Мне все равно, товарищ генерал, любое пью». Тогда он достает бутылку «Особой московской» и бутылку портвейна и ставит на стол разную закуску. Мне полный стакан белого налил, а себе красного. Чокнулись мы и выпили. Раз, другой — бутылки порожние. Генерал спрашивает: «Может, еще выпьем, Никита Иванович? Гулять так гулять!» — «Давай, говорю, мне все равно. Сколько угодно выпью за ваше здоровье». Генерал достает еще пару бутылок...

— Врешь ты, Никита? — засмеялся Беклемишев.

— Кто, я вру? Да когда мы выпили еще две бутыл-

ки, генерал предлагал мне перейти заместителем командира бригады.

— Прекрати болтовню, Никита,— строго предупредил комбат.— Все ты врешь. У генерала есть дела поважнее.

Рядом сидел, еле сдерживаясь от смеха, капитан Старостин.

— Не верите мне? — расхрабрился Гончаров.— Увидите завтра генерала, спросите у него сами. Он вам все подтвердит.

— Зачем же ждать завтра, я сейчас узнаю,— комбат снял телефонную трубку.

— Товарищ майор! Вы куда хотите звонить? — встрепенулся старший лейтенант.

— Командиру корпуса.

— Не надо, не звоните. Ведь я все наврал,— мгновенно трезвея, взмолился Гончаров.

— Иди спать. Завтра разберемся.

Когда за Никитой закрылась дверь землянки, Беклемишев и Старостин, взявшись за животы, хохотали до упаду.

В ходе ожесточенных сражений зимой 1943—1944 гг. советские войска разгромили противника под Житомиром, Кировоградом, Корсунь-Шевченковским, Ровно, Кривым Рогом и к исходу февраля вышли на рубеж Луцк — Шепетовка — Звенигородка — Широкое. Фашистские армии утратили возможность вести наступательные операции и преследовали одну цель — затянуть войну, удержать за собой правобережную Украину, с ее богатыми продовольственными и промышленными ресурсами.

Советское командование решило не давать врагу передышки и вести решительное наступление. Первому Украинскому фронту ставилась задача — нанести удар на Дубно — Шепетовку — Любор, разбить 1-ю и 4-ю танковые армии противника, составлявшие основу группы армий «Юг», овладеть рубежом Берестечко — Броды — Проскуров — Тернополь, чтобы отрезать пути отхода немецких войск. В этих целях была проведена перегруппировка войск Первого Украинского фронта.

В начале февраля 1944 г. Уральский корпус в составе 4-й танковой армии сосредоточился в двадцати

Атана. 1943 год.

километрах западнее Киева, поступив в распоряжение Первого Украинского фронта. Затем, совершив 350-километровый комбинированный марш, вышел в район г. Острога. К 3 марта части корпуса заняли исходные районы по линии Ямполь — Сураж — Воложувка — Степановка, готовые войти в прорыв в полосе наступления 8-й гвардейской стрелковой дивизии 60-й армии. Стояла задача — 4 марта 1944 года форсировать реку Горынь в полосе Диковцы — Воробьевка, разгромить узлы сопротивления в селах Вязовец, Маскалевка, затем форсировать реку Жердь и Збруч и выйти в район Ожиговцы — Гнилице с целью овладения Фридриховкой и Волочиском.

Эта весьма ответственная боевая задача планировалась на полный состав корпуса, но ввиду создавшейся обстановки ее пришлось выполнять двумя отрядами, созданными из 61-го и 63-го гвардейских танковых бригад, имевших по 15—20 танков, по роте мотопехоты и усиленных двумя самоходными артбатареями. Вследствие весенней распутицы и отсутствия дорог с твердым покрытием сотни автомашин разных назначений стояли в грязи. К тому же не было в достатке горючего. За ним послали в Житомир только 4 марта, т. е. в день ввода танкового корпуса в прорыв. Чтобы

обеспечить оба отряда дизельным топливом, его пришлось сливать из танков, оставленных в исходном районе с аварийным запасом горючего.

Надо иметь в виду и то обстоятельство, что приказом командующего Первым Украинским фронтом маршала Г. К. Жукова 62-я танковая бригада была переподчинена 3-й гвардейской танковой армии генерала П. С. Рыбалко, а один батальон 63-й бригады, инженерно-саперные батальоны были переданы 60-й армии генерала И. Д. Черняховского. Один же танковый батальон 61-й танковой бригады составлял резерв командующего 4-й танковой армии генерала В. М. Баданова. Таким образом из девяти танковых батальонов пять поступили в распоряжение других командиров, а вся корпусная артиллерия на автотяге не вышла в исходные районы из-за бездорожья.

В пять часов утра 4 марта танковые отряды под прикрытием огня 8-й гвардейской дивизии 60-й армии форсировали реку Горынь и стремительным ударом разгромили узлы сопротивления противника на рубеже Вязовец — Немеринцы, с боем форсировали реки Жердь и Збруч у села Токи и к исходу дня вышли на линию Ожиговцы — Гнилице — Вилле. В этот день наши танкисты уничтожили до двух батальонов вражеской пехоты, три артиллерийских и четыре минометных батареи противника.

Рано утром 5 марта танкисты корпуса смяли боевое охранение противника и ворвались в Фридриховку и Волочиск, перерезав железную и шоссейную дороги Проскуров — Тернополь. Были захвачены сахарный завод с большим количеством сахара, три железнодорожных состава, на которых стояло около 50 груженных автомашин, 300 наших тракторов и примерно пятьсот тонн пшеницы, приготовленных к отправке в Германию.

6 марта мы перехватили радиogramму фашистского командования, в которой содержался приказ своим войскам — любой ценой удержать железную и шоссейную дороги. Мы оперативно приняли нужные меры, чтобы сорвать замыслы врага. В тот же день вечером прямо с марша были введены в бой два мотострелковых батальона 29-й гвардейской Унечской бригады. Я встретил эти батальоны на подступах к Фридриховке. Люди были сильно утомлены четырехсуточным

М. Г. Фомичев, командир 63-й танковой бригады.

переходом по непролазной грязи, особенно уставшими выглядели солдаты 1925 года рождения, недавно призванные в армию.

7 марта к Фридриховке подошла 7-я танковая дивизия и пополненная 291-я пехотная дивизия врага, отступавшая с Ямпольского направления. Бои приняли исключительно ожесточенный характер. Фашистское командование кидало в мясорубку все, что имело под руками, стремясь остановить наших танкистов. Особенно большую активность развили пресловутые «тигры». Яркое освещение ракетами районы сражения, эти танки много раз ходили в ночные атаки. Враг нес очень большие потери, но сумел вытеснить нас из Волочиска. Бои разгорелись в районе сахарного завода и железнодорожной станции. Танкисты 63-й бригады подполковника М. Г. Фомичева дрались с невиданным упорством. Преодолев яростное сопротивление противника, они в тесном взаимодействии с воинами 8-й гвардейской стрелковой дивизии решительным ударом отбросили фашистов на Подволочиск.

Однако общая обстановка была весьма тяжелая. Врагу удалось закрыть подступы к Фридриховке с севера, в его руках оставался Подволочиск. Наши воины

сражались в окружении противника. Танкисты и мотоциклки имели заметные потери. Эвакуировать раненых было некуда, их размещали в подвалах.

10 марта 63-я танковая бригада подполковника М. Г. Фомичева с одним стрелковым полком повела наступление на Супруновку — Подволочиск с севера, а 29-я Унечская бригада полковника М. С. Смирнова, усиленная танками и самоходными орудиями, нанесла удар на Волочиск и Подволочиск с востока. Сопротивление фашистов было сломлено. Нами прочно удерживались железная и шоссейная дороги на Проскуров — Тернополь.

Боевая задача, поставленная нашему корпусу, могла быть выполнена более успешно, если бы у нас не взяли пять танковых батальонов на другие направления. Свое влияние оказала и смена руководства, когда вместо убывшего по болезни командующего 4-й танковой армией генерала В. М. Баданова прибыл генерал Д. Д. Лелюшенко. Ему пришлось, что называется, с колес принять на себя руководство танковыми соединениями и координацию их боевых действий с частями 60-й армии.

Наша победа над численно превосходящим противником стала возможной благодаря крепкой дисциплине и высокой организованности наших воинов, их поразительному мужеству и отваге, преданности любимой Родине. Приведу несколько примеров. Экипаж в составе командира танка Чесака, механика-водителя Овчинникова, башенного стрелка Курбаткина и радиста-пулеметчика Бухвалова получил от командира бригады подполковника М. Г. Жукова боевую задачу — наглухо закрыть для врага ответственное направление. Экипаж на редкость удачно выбрал огневые позиции и тщательно замаскировал танк.

— По местам! — вполголоса скомандовал лейтенант Чесак, внимательно наблюдая за шоссе, к которому шли гитлеровские танки. Их было десять. Головной танк с ходу открыл огонь, но снаряды разорвались справа от машины Чесака.

— Они нас не видят. Стреляют наугад, — сразу сообразил командир. А танки врага все ближе.

— Бей! Бей! — не выдержали автоматчики, находившиеся невдалеке. Однако экипаж во главе с молодым командиром не спешил. Танкисты понимали, что пер-

Г. С. Чесак.

вый прицельный выстрел значит очень многое. Нередко именно этот выстрел задает «тон» бою и в последующем обеспечивает успех. Но вот удобный момент выбран. Бьет пушка. Головной танк задымил. В колонне врага замешательство. Гремит выстрел за выстрелом, и борт второго «тигра» окутывают клубы темно-серого дыма. Гитлеровцы засекли место, откуда звучали выстрелы, и открыли огонь. Но отважный экипаж «тридцатьчетверки» вовремя сменил позицию и снова ударил по врагу. Загорелся третий танк.

— Что? Не по вкусу наши уральские гостинцы! — закричал лейтенант вслед отступающим фашистам. В этом неравном бою экипаж Г. С. Чесака, умело используя местность, сочетая маневр с метким огнем, подбил четыре вражеских танка, один из которых вскоре был отремонтирован и использован против фашистов. За эту блестящую победу комсомолец Г. С. Чесак* первым в нашем корпусе удостоился высокого звания Героя Советского Союза.

В те же дни бронебойщик гвардии младший сержант Н. А. Худяков из 29-й Унечской мотострелковой

* В настоящее время Г. С. Чесак работает на одном из заводов Ленинграда.

бригады вывел из строя три гитлеровских танка, был дважды ранен, но отказался идти в медсанбат и продолжал вести бой. Н. А. Худякову также было присвоено звание Героя Советского Союза.

Стойко обороняла свои рубежи мотострелковая рота под командованием старшего лейтенанта Трунова, отразившая множество вражеских атак. Сам командир показывал образцы мужества и отваги. Только после третьего ранения он оставил поле боя.

Радист гвардии рядовой Зорин во время передачи боевого донесения обнаружил, что в радиостанции «сел» аккумулятор. Не теряя ни секунды, он под огнем противника подполз к подбитой вражеской автомашине, снял с нее аккумулятор и обеспечил бесперебойную связь своей бригады со штабом корпуса.

Мужественно сражались разведчики 61-й танковой бригады во главе с помощником начальника штаба по разведке гвардии майором Рязанцевым. Они смело наводили наши танки на огневые позиции противника, а в трудные моменты, отражая атаки противника, стояли с танкистами локоть к локтю, плечом к плечу.

В тех же боях отличились командир роты лейтенант Гребнев, командир взвода старший лейтенант Одаренко, лейтенант Абрамов. Под их командованием наши воины сожгли по несколько вражеских машин, уничтожили десятки солдат и офицеров, орудий, минометов, станковых пулеметов. Ст. лейтенант Одаренко, например, возглавлял головную походную заставу и первым ворвался в село Фридриховка и на ст. Волочиск. Его смерть дорого стоила фашистским извергам. Абрамов первым освоил вражеский «тигр» и из него расстреливал гитлеровских солдат. Командир отделения сержант Капустин, обеспечивая связь между сахарным заводом и Фридриховкой, под сильным артиллерийским и пулеметным огнем неоднократно выходил на линию, чтобы устранить обрывы проводов. Он погиб смертью храбрых, до конца выполнив свой воинский долг перед Родиной.

Я считаю себя обязанным хотя бы назвать фамилии командира батальона 29-й мотострелковой бригады гвардии капитана Ф. И. Дозорцева, командиров рот того же подразделения гвардии старшего лейтенанта И. Е. Слабко, гвардии старшего лейтенанта М. Я. Денисова (впоследствии Героя Советского Союза), гвар-

Ф. И. Дозорцев, командир мотострелкового батальона 29-й гвардейской бригады.

дии старшего лейтенанта А. М. Клименко, командира пулеметной роты гвардии старшего лейтенанта Кравченко, командира роты противотанковых ружей Мартыненко, которые в боях под Волочиском покрыли себя немеркнущей славой.

А сколько истинного бесстрашия и находчивости проявили тогда гвардии старший лейтенант медицинской службы Б. А. Щербаков, фельдшер Галина Гордиевич, санитары Васин, Сазонов и другие медицинские работники, которые, не жалея себя, спасли жизнь более двумстам нашим бойцам, под огнем врага перемещая их из одного укрытия в другое. В критические моменты все медработники во главе с врачом Щербаковым брали в руки автоматы и отбивали атаки врага. Я преклоняюсь перед мужеством таких командиров бригад, как гвардии подполковник Н. Г. Жуков, гвардии подполковник М. Г. Фомичев, гвардии полковник М. С. Смирнов, которые проявили незаурядные организаторские способности и служили для всех бойцов примером.

Командир танкового батальона подполковник А. В. Морозов в числе первых ворвался в село Фридриховку. Это он вовремя оказал помощь командиру танка

Г. С. Чесаку, отдав ему со своего танка часть подкалиберных снарядов. Это он дважды по поручению командира бригады Н. Г. Жукова в исключительно трудных условиях налаживал связь со штабом корпуса. Это он, выполняя мой приказ, ускорил переброску дивизиона самоходных установок, что в последующем сыграло очень большую роль в достижении победы, а затем организовал оборону наших раненых. В сложный период боя за станцию Волочиск А. В. Морозов вместе со старшим лейтенантом А. П. Бреховым и майором Аверинным не только восстановил положение, а и стабилизировал его.

За время боев в районе Фридриховка — Волочиск наши воины уничтожили около четырех тысяч вражеских солдат и офицеров, 45 тяжелых танков типа «тигр», 12 самоходных орудий «фердинанд», взяли в плен 200 гитлеровцев, захватили бронепоезд и 350 автомашин.

В середине марта 1944 года я убыл в распоряжение Маршала бронетанковых войск Я. Н. Федоренко, но до самого конца войны с большим вниманием следил за боевыми успехами Уральского добровольческого корпуса, в рождение и становление которого была вложена и частица моего сердца. Я командовал затем одной учебной бригадой, был начальником гарнизона, но где бы ни находился — везде с огромной радостью встречал каждую весточку об Уральском корпусе, навсегда ставшем мне родным.

С 21 марта, действуя в районе Бирки — Вильке, корпус начал наступление на Каменец-Подольск. В упорных и скоротечных боях он освободил десятки населенных пунктов и в ночь с 24 на 25 марта завязал бои за Каменец-Подольск, Турецкую крепость и переправу через реку Смотрич. Здесь в ожесточенном бою погиб Герой Советского Союза мастер танкового боя, гордость Свердловской гвардейской танковой бригады Владимир Зинченко.

Сломив сопротивление противника на южной и западной окраинах города, наши танки на переправе через реку Смотрич встретили ураганный огонь, но это не остановило уральцев. К утру 26 марта Каменец-Подольск был освобожден. Через три дня проводили в последний путь трагически погибшего во время бомбежки коман-

дира Унечской мотострелковой бригады полковника М. С. Смирнова, верного сына партии и советского народа.

За умелые действия, отвагу и мужество более пяти тысяч воинов корпуса были награждены орденами и медалями, а отличившаяся в боях за Фридриховку и Волочиск 61-я Свердловская танковая бригада удостоилась ордена Красного Знамени.

И вот впереди Львов. Первым ворвался в этот древний город танк «Гвардия» в составе командира лейтенанта А. Додонова, механика-водителя Ф. Суркова, башенного стрелка А. Мордвинцева и радиста А. Марченко. Разогнав гитлеровцев, танкисты проскочили прямо к городской ратуше. Александр Марченко, прикрываемый огнем автоматчиков, с боем вошел в ратушу и водрузил на башне красный флаг, но сам погиб. Экипаж танка «Гвардия» героически громил врага в городе в течение шести дней. За это время он уничтожил более ста гитлеровцев и сжег шесть танков врага. В том беспримерном бою лейтенант А. Додонов погиб, а Ф. Сурков и А. Мордвинцев получили тяжелые ранения.

Во Львове отважно сражался и танк «Орленок», где командиром был гвардии лейтенант Т. Кононец, а танковый экипаж гвардии лейтенанта Кулешова, будучи окруженным на одной из улиц города, в течение двух суток отбивался от наседавших гитлеровцев.

В боях за Львов частями корпуса было уничтожено 58 танков, из них 17 типа «тигр» и «пантера», 10 самоходок типа «фердинанд», 2 самолета, 126 орудий, много другого оружия и техники. Враг потерял почти десять тысяч солдат и офицеров, более шести тысяч гитлеровцев были взяты в плен.

27 июля столица нашей Родины — Москва салютовала нашим воинам в честь освобождения Львова. Некоторые части за образцовые действия получили наименование «Львовских», были награждены орденами Красного Знамени, Богдана Хмельницкого, Красной Звезды, многие воины корпуса также получили правительственные награды.

На рассвете 12 января 1945 года гул артиллерийских орудий возвестил о начале нового наступления советских войск от Балтики до Карпат. Войска 1-го, 2-го, 3-го Белорусских и Первого Украинского фронтов начали бои по окончательному освобождению Польши. Противник

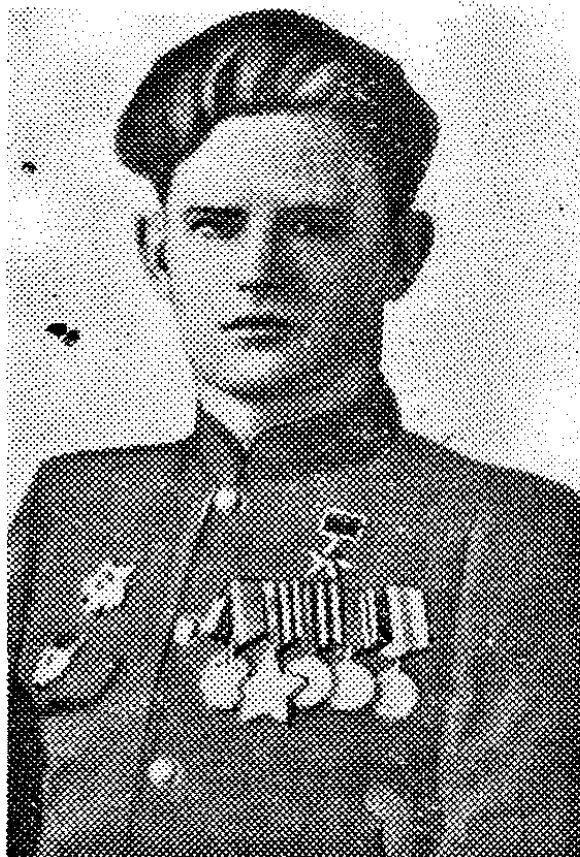
создал на Висле глубоко эшелонированную, хорошо подготовленную оборону, стянул немалые резервы. Уральский танковый корпус во взаимодействии с другими частями 4-й, 3-й танковых армий вошел в прорыв. За 13 дней боев он продвинулся более чем на 500 километров, форсировал такие реки, как Черна Нида, Пилица, Варта, Просна, освободив около трехсот польских городов и деревень.

26-го января, форсировав реку Одер в районе Пархвитц, корпус завязал бои за расширение плацдарма в районе Штейнау, а 30 января освободил этот город. С 12 по 31 января 1945 года частями корпуса было уничтожено и захвачено еще 208 танков, 93 самоходки, 1578 автомашин, 182 бронетранспортера, 50 орудий, большое количество другой военной техники и вооружения. Было уничтожено без малого шестнадцать тысяч и взято в плен 1500 гитлеровцев.

8 февраля уральцы из района южнее Люббен, совместно с частями 27-го стрелкового корпуса 13-й армии, начали наступление в общем направлении на Шпроттау и Зарау и через три дня, пройдя в ожесточенных боях более 150 километров и освободив десятки населенных пунктов, с ходу форсировали реку Вобер, расширили плацдарм на ее западном берегу и, ломая нарастающее сопротивление врага, к 14 февраля вышли к реке Нейсе. Перед уральцами лежала Бранденбургская провинция фашистской Германии.

Совершив более чем двухсоткилометровый марш, корпус сосредоточился в сорока километрах северо-западнее Оппельна, а 17 марта мощным ударом взломал оборону противника, форсировал Нейсе и вышел на оперативный простор. На другой день в районе Нойштадт он соединился с частями 7-го механизированного корпуса, завершив окружение Оппельнской группировки гитлеровцев. Враг попытался вырваться из окружения, но гвардейцы вновь развернули наступление и 31 марта закончили уничтожение группировки.

На этом завершились зимние бои уральских добровольцев. Их доблесть и воинское мастерство были высоко оценены Родиной. 23 гвардейца удостоились высокого звания Героя Советского Союза. Вот их имена: рядовой С. Лабужский, старшие сержанты И. Кондауров, В. Исаков, В. Кружалов, старшины И. Романченко, Н. Никонов, М. Мазурин, Г. Клишин, Н. Бредихин, младшие

И. А. Кондауров.

лейтенанты П. Лабуз, В. Смирнов, Н. Козлов, П. Цыганов, лейтенанты П. Родыгин, Н. Юдин, А. Ерофеев, старшие лейтенанты М. Денисов, В. Селищев, капитаны В. Скрынько, Ф. Дозорцев, подполковники В. Зыль и В. Зайцев. Тысячи воинов были отмечены орденами и медалями Советского Союза.

На гвардейском знамени корпуса засиял орден Красного Знамени. 61-я и 62-я бригады были награждены орденами Богдана Хмельницкого, 29-я бригада — орденами Александра Невского и Богдана Хмельницкого, 72-й танковый полк — орденами Богдана Хмельницкого и Кутузова, 299-й минометный полк — орденом Александра Невского. 4-й танковой армии присвоили звание «Гвардейская». В ходе боев корпус трижды отмечался в приказах Верховного Главнокомандующего.

Ранним утром 16 апреля после мощной артиллерийско-авиационной подготовки войска Первого Украинского фронта развернули новое наступление. На этот раз на Берлин — последний оплот фашистской Германии. Во всех частях и подразделениях царило приподнятое настроение. Фашистский зверь был при последнем издыхании. Но этот зверь еще был силен и оказывал яростное сопротивление.

Ровно в полдень 62-я танковая и 29-я мотострелковая бригады пошли за огневым валом и, форсировав Нейсе, с тяжелыми боями двинулись к Шпрее, а 18 апреля под прикрытием артогня и дымовой завесы с ходу форсировали ее в районе г. Залессен и на другой день достигли города Калау. Преодолевая болота, минированные лесные завалы, части корпуса 22 апреля штурмом овладели г. Луккенвальде.

В Луккенвальде гвардейцы освободили 16,5 тысячи советских и иностранных военнопленных. 23 апреля танки уральцев вышли к обводному каналу Тельтов, а 61-я бригада была на юго-восточной окраине Потсдама и 27 апреля вместе с частями 6-го механизированного корпуса овладели этим пригородом фашистской столицы.

В ночь с 28 на 29 апреля танкисты форсировали канал Тельтов восточнее Потсдама и переправились на остров Ванзее, где в ожесточенных боях, продолжавшихся до 1 мая, пленили и уничтожили около 10000 гитлеровских солдат и офицеров. Ведя бои за юго-восточную окраину Берлина, корпус частью сил участвовал в разгроме пытавшейся вырваться из окружения 9-й гитлеровской армии, а также в отражении атак 12-й фашистской армии, шедшей на выручку окруженной группировке.

2 мая под натиском наших войск Берлин пал.

С 16 по 30 апреля части корпуса прошли с боями около пятисот километров, уничтожив и захватив 77 танков и самоходок, 32 самолета, 22 противотанковых орудия, 1971 автомашину и бронетранспортер, много другой техники и вооружения. Враг потерял убитыми и пленными более 36 тысяч солдат и офицеров. В ходе этих боев Москва пять раз салютовала нашим гвардейцам. Корпус был награжден орденом Суворова, 61-я и 29-я бригады — орденами Ленина, 62-я и 63-я бригады — орденами Кутузова, 29-я бригада — орденом Красного Знамени, а 426-й арtpолк — орденом Красной Звезды.

После падения фашистской столицы корпус был выведен в район Даме — 25 километров юго-восточнее Луккенвальде. На юге Германии и в Чехословакии еще оставалась большая гитлеровская группировка под командованием фельдмаршала Шернера. Она продолжала упорно сопротивляться. Ночью 6 мая стало известно, что Прага восстала.

Прага звала на помощь, и Верховное Главнокомандование Советской Армии поставило задачу сломить сопротивление врага и не допустить разрушения чешской столицы. На помощь чешским братьям двинулись 3-я, 5-я и 13-я армии, 3-я и 4-я танковые армии, 25-й и 4-й танковые корпуса, 1-й кавалерийский корпус, 1-й чехословацкий армейский корпус.

К утру 6 мая части Уральского танкового корпуса сосредоточились в районе Ошатц-Риза в сорока — пятидесяти километрах северо-западнее Дрездена. В 12-00 они начали наступление и к исходу дня вышли в район Нейкирхен, Танненберг, Зендишбора, Штарбах, а передовой отряд 63-й танковой бригады — в район г. Носсен — 30—35 километров западнее Дрездена.

7 мая, разгромив группировку гитлеровцев на рубеже Фрейберг, наши гвардейцы в тяжелых условиях горной местности продвинулись за день на 45 километров. 8 мая уральцы, продолжая стремительно наступать, сбивая заслоны врага и преодолевая невысокие, но крутые склоны залесенных Рудных гор, дружно гатили заболоченные долины и продвигались по узким дорогам над обрывами пропастей. К исходу дня танкисты корпуса вышли на рубеж Мос — Духцов. До Праги оставалось 80 километров. В ночь с 8 на 9 мая уральцы спустились с гор. Командир корпуса генерал Е. Е. Белов приказал зажечь фары всех машин, чтобы ослепить, нагнать страх на гитлеровцев. Это было потрясающее зрелище. Длинная, на десятки километров лента огня, извиваясь, как горный поток, стремительно мчалась, с ходу сметая врага на своем пути.

Тысячи чехов вышли к дороге. Восторженные «Наздар», «Наздар». Слезы радости. Объятия... На танках уральцев много чехов, они вместе с советскими братьями хотят освобождать Прагу. На рассвете 9 мая танки Героя Советского Союза М. Г. Фомичева врываются в чешскую столицу. Одним из первых на ее улицах появился танк № 23 лейтенанта И. Гончаренко. На мосту через р. Влтаву он вступил в единоборство с тринадцатью самоходками врага. Экипаж уничтожил несколько гитлеровских машин.

К 10 часам утра совместными усилиями частей 4-й и 3-й танковых армий, 3-й и 13-й общевойсковых армий столица Чехословакии была освобождена. Как памятник вечной дружбы советского и чешского народов сто-

ит в Праге советский танк № 23, пронесший славу советского оружия, геройство и отвагу от седого Урала.

За образцовые действия по освобождению Праги были награждены 425-й самоходный артполк — орденом Красного Знамени, 426-й артполк, 299-й минометный полк, 72-й танковый полк — орденами Суворова, а 131-й отдельный саперный батальон — орденом Кутузова. Командиру корпуса генералу Е. Е. Белову и командиру 29-й мотострелковой бригады полковнику А. И. Ефимову было присвоено звание Героя Советского Союза. Командиру 63-й танковой бригады, первой ворвавшейся в Прагу, полковнику М. Г. Фомичеву это звание было присвоено вторично.

За два года боев с фашистами Уральский добровольческий корпус прошел от Орла до Праги свыше пяти с половиной тысяч километров. За это время от гитлеровских захватчиков были освобождены тысячи населенных пунктов, захвачено и уничтожено 1110 танков и самоходных установок, 1100 орудий разного калибра, 589 минометов, 2125 пулеметов, 2101 бронемашина и бронетранспортер, 649 самолетов, 20684 винтовки и автомата, 68 зенитных установок, 503 трактора-тягача, 15211 автомашин, 1747 мотоциклов, 24 радиостанции, 293 склада с боеприпасами, продовольствием, горючим и снаряжением, 3 бронепоезда, 166 паровозов, 33 эшелона с военным имуществом, 2483 вагона, 3956 повозок с боеприпасами, продовольствием и вооружением. Уральцы уничтожили 94620 и взяли в плен 44752 гитлеровца.

Родина высоко оценила боевые заслуги корпуса, наградив его орденами Красного Знамени, Суворова и Кутузова. Части и соединения корпуса получили 53 боевых ордена. За отличные боевые действия, мужество и отвагу воинам корпуса было вручено более сорока двух тысяч орденов и медалей, а 38-ми воинам, особо отличившимся в боях, было присвоено звание Героя Советского Союза. Воинам-уральцам сооружены памятники в Берлине, Праге, Львове, Каменец-Подольске, Свердловске, Перми, в ряде населенных пунктов Орловщины. Боевая летопись гвардейцев корпуса продолжается и сегодня. Она в трудовых подвигах бывших воинов и молодых наследников славы доблестной Советской Армии, активных бойцов за выполнение решений XXIII съезда КПСС, за торжество коммунизма.

В. М. БАДАНОВ, гвардии генерал-лейтенант, бывший командующий 4-й танковой армией.

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Дорогой читатель! Ты перевернул последнюю страницу книги. Возвратись, пожалуйста, к началу этих воспоминаний и еще раз окинь мысленным взором путь, по которому ты прошел вместе с автором. Этот путь во многом примечателен. Простой крестьянский парнишка, до революции с величайшим трудом окончивший четыре класса, в годы Советской власти, истинно народной и самой демократической власти на земле, становится генералом, командиром крупных танковых соединений. Такое возможно только в нашей стране, руководимой Коммунистической партией во главе с ее Ленинским Центральным Комитетом.

Мировая история знает множество больших и малых войн — длительных и скоротечных, справедливых и несправедливых, приносивших славу одним и позор другим. Но война, развязанная фашистской Германией против нашего государства, была самой чудовищной, жестокой и варварской из всех войн, которые знал мир. Вторжение многомиллионной, вооруженной до зубов

гитлеровской армии поставило советский народ и его Красную Армию перед лицом неслыханных испытаний. Испытывались не только прочность и крепость советского общественного и государственного строя, доблесть и мастерство наших воинов, но и духовная сила народа, его преданность Родине, готовность постоять за свою свободу и независимость.

Советский солдат, пройдя сквозь все испытания, во-друзил над поверженным Берлином ленинское Знамя Победы. Этот беспримерный подвиг нашего народа, нашей Коммунистической партии, спасших цивилизованный мир от истребления, от коричневой чумы фашизма, не забудется никогда. О нем много написано, много рассказано. Об этом повествует и книга воспоминаний генерала Г. С. Родина, повествует по-своему интересно и впечатляюще.

Автор — не сторонний наблюдатель, он непосредственный участник всех описываемых событий. В начале войны полковник Г. С. Родин командовал танковой дивизией. Потом воевал под Сталинградом, командуя танковым корпусом, а затем был заместителем Командующего Юго-Западным фронтом по танковым войскам Н. Ф. Ватутина. Это были очень трудные дни, суровая пора. Сталинградская битва завершилась полнейшим разгромом трехсоттысячной группировки, вражеских войск. Был в этом и вклад танкистов Г. С. Родина, стоявших насмерть, дравшихся смело и мужественно.

А затем Орловский выступ знаменитой Курской дуги. Генерал Г. С. Родин во главе танкового корпуса уральцев-добровольцев. Дни и ночи ожесточенных боев, гранитная стойкость танкистов. Радость побед и горечь утрат... Автор говорит о том и другом не с чужих слов, говорит честно и откровенно, и повсюду у него на первом плане — человек, боец, защитник родного Отечества.

Книга генерала Г. С. Родина подкупает глубокой искренностью и правдивостью. Все, о чем рассказывает автор, пережито им лично, увидено своими глазами, прочувствовано собственным сердцем. Просто и душевно повествует он о трудных днях своего детства, прошедшего в глухой орловской деревне в бедной крестьянской семье. Привлекают страницы, которые показывают, как под влиянием большевиков складывался характер будущего генерала, определялась его дорога в

борьбе за народное счастье. Но особый интерес представляют те главы, где автор говорит о своей службе в армии, в рядах которой он прошел нелегкий тридцатилетний путь.

В книге впервые подробно рассказывается о том, как формировался Уральский добровольческий танковый корпус, первым командиром которого был Г. С. Родин. Нельзя без волнения читать те главы, где автор повествует о героических делах танкистов-добровольцев на орловской земле, об их невиданной храбрости и отваге, беззаветной преданности идеалам коммунизма.

Автор приводит только факты, и это делает книгу особенно интересной и заслуживающей внимания широкого круга читателей. Она дает богатый познавательный материал, заставляет думать, сравнивать, сопоставлять, делать выводы. Она ценна тем, что, без прикрас рисуя весь жизненный путь автора — от рядового солдата до генерала, — учит бороться, зовет умножать славные дела старших поколений.

И сегодня мы, люди старшего поколения, с гордостью говорим:

«Да, нам пришлось нелегко. Мы были в числе тех, кто начинал строить Советскую Армию, кто отражал бешеные наскоки империализма на Хасане и в Финляндии, на полях сражений с германским и японским фашизмом. Нам было тяжело. Многие не вернулись домой, отдав свою жизнь за твое светлое будущее, молодой читатель. Но мы выстояли, мы победили! Мы передали эстафету в надежные руки и твердо верим, что молодое поколение ленинцев уверенно понесет гвардейское знамя коммунизма только вперед!»

Скажу тебе, мой молодой друг, еще вот что. В сентябре 1966 года трудящиеся Орловской области праздновали 400-летие своего областного центра. Министр обороны СССР Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский прислал орловцам приветственное письмо, в котором, в частности, говорилось: «Поистине легендарным стал город Орел во время войны советского народа против фашистской Германии. Суровая Орловско-Курская битва явилась переломным этапом Великой Отечественной и всей мировой войны, означавшим крах гитлеровской военной машины».

Мне посчастливилось быть в те дни в Орле, принимать участие в торжествах, разговаривать со многи-

ми орловцами и их многочисленными гостями. Я видел, с какой любовью чествовали воинов, принимавших участие в боях за освобождение Орловщины, в том числе и автора этой книги генерала Г. С. Родина, человека большого мужества, коммуниста с пятидесятилетним партийным стажем. В те дни я долго беседовал с ним в его просторном и светлом доме на улице Салтыкова-Щедрина. Тогда же узнал, что он завершает работу над книгой.

Неоднократные ранения и контузии заставили Г. С. Родина оставить службу в Советской Армии. Однако, выйдя в отставку и приехав в послевоенный полностью разрушенный Орел, Георгий Семенович опять, как и на фронте, в самой гуще событий. В течение длительного времени он избирается депутатом местного Совета, возглавляет его различные комиссии, хлопочет о строительстве заводов, жилья, драматического театра, беспокоится о семьях погибших фронтовиков, об обеспечении школ и больниц топливом, помогает инвалидам войны, выполняет различные поручения партийных и советских органов. В пути при выполнении важного задания его встретила страшная весть о трагической гибели единственного сына — студента университета. А потом умерла жена...

Нет, не опустил головы генерал Родин. Он нашел в себе силы и мужество преодолеть это горькое несчастье. Он весь отдался работе на посту председателя областного комитета добровольного оборонного общества (теперь — ДОСААФ), в то же время являясь председателем ревизионной комиссии ЦК этого общества.

Моему боевому другу и товарищу уже семьдесят. Но ведь и опять не сидится человеку на месте. Он частый гость молодых рабочих, призывников, школьников, воинов, выступает на комсомольских собраниях, направляет деятельность «красных следопытов», участвует в работе ветеранов войны и революции, подарил школам Орла и области свой сад, несколько библиотек, отлично исполненные альбомы, рассказывающие о боевом пути Уральского добровольческого танкового корпуса.

Г. С. Родина связывают крепкие узы дружбы с уральцами. Каждый день на его письменный стол ложится пачка писем — от бывших воинов корпуса, от школьников, от родственников погибших и просто от

незнакомых людей, которые желают генералу здоровья. Ему пишут воины Советской Армии и Флота, работники научных учреждений, изучающие историю Второй мировой войны.

Двадцать с лишним лет минуло с той поры, как мы разгромили фашистскую Германию. Героическое пятидесятилетие Советской Армии наше государство встречает сильным, как никогда, готовым в любой момент дать сокрушительный отпор любому агрессору. В этой готовности есть доля труда и тех, кто охраняет наш мирный труд, и тех, кто вышел в запас или в отставку.

Помни об этом, дорогой читатель! Помни и свято береги то, что обильно полито потом и кровью нашего солдата!

г. Москва, декабрь 1967 года.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава первая.</i> Болотово	5
<i>Глава вторая.</i> Артель дружбой крепка	21
<i>Глава третья.</i> Я — солдат.	37
<i>Глава четвертая.</i> В окопах	49
<i>Глава пятая.</i> Революция	64
<i>Глава шестая.</i> Красный командир	83
<i>Глава седьмая.</i> Тревожное время	104
<i>Глава восьмая.</i> 22 июня...	110
<i>Глава девятая.</i> В излучине Дона	131
<i>Глава десятая.</i> Уральский добровольческий	160
<i>Глава одиннадцатая.</i> От Орла до Праги	185
<i>В. М. Баданов.</i> Слово к читателю	240

Родин Георгий Семенович
ПО СЛЕДАМ МИНУВШЕГО

Редактор **С. И. Позойский.**
Техн. редактор **М. И. Милева.**
Корректор **И. А. Острякова.**

Сдано в набор 4 октября 1967 г.
Подписано к печати 21 марта 1968 г.
Бумага 84 x 108/32. Печ. л. 7,75 (усл. печ. л. 13,02).
Уч.-изд. л. 13,3. Тираж 10000 экз. Заказ 11301. ЦП03215.

Приокское книжное издательство —
г. Тула, ул. Каминского, 33.

Типография изд-ва газ. «Коммунар»,
г. Тула, ул. Ф. Энгельса, 150.

Цена в переплете № 5 и суперобложке 53 коп.

